

Элиза Полуночная

Сила способная
изменить мир

Небольшой остров, встретившийся во время путешествия, таит в себе больше загадок, чем Аньюриэль могло показаться на первый взгляд. Чей голос она постоянно слышит? Что ищут пираты под предводительством ведьмы? Правда ли то, что на острове сокрыт осколок Ковчега? И как жить дальше, если теперь рост всего пара сантиметров и убить может даже пчела? Тортоик приготовил много сюрпризов для того, кому предназначено прикоснуться к силе Первозданного Света.

Глава 1. Голос, что зовёт в никуда

*Моя душа летела ввысь,
Я не хотела падать вниз,
В твоей судьбе оставаться.
Ты говорил о том, что мы
Всегда по-своему больны,
И что нельзя ошибаться.
Что этот мир большой для нас,
И что ошибся твой компас,
К моей земле приближаясь.
И что среди моих берёз
Не существует нужных звёзд,
А я живу, обжигаясь.*

Земля легенд — Обжигаясь

Анью мерила двор крепости шагами. Глухая ярость внутри не давала покоя, требовала выхода. Огонь в груди полыхал, распаяя злость ещё больше. Сила требовала выхода, требовала разрушать, уничтожать.

Как он мог?!

В подобное просто не верилось. Не хотелось верить, что Аман выбрал этих шеакрийских ублюдков. Он даже слушать её не захотел.

— Леди, — к ней уверенной походкой хозяина положения подошёл Хайлок Морхен. — Я организовал отряд. Мы собираемся поохотиться на демонов, оставшихся в долине. Не желаете ли составить компанию?

— С превеликим удовольствием, — Анью кивнула, следуя за лордом к подготовленному для неё коню.

Вот и пусть сидит тут, в компании этих своих братьев по вере. Чудесная семейная встреча. Да пусть хоть катится на пару с Селией в это идиотское паломничество! Подумать только! Неужели нет места получше, нежели Шеакрия?!

Её мерно покачивало на конской спине. Злость методично разъедала изнутри. Не верилось, что Аман так просто отказал ей в поддержке, когда она была так необходима. Она ведь всегда готова была помочь, даже если он не просил. Не лезла с лишними вопросами, не осуждала. И вот чем он ей ответил!

Люди... Я, конечно, слышала, что память у них короткая, но что бы настолько...

Быстро же Аман забыл о нашей дружбе и обо всём, что было...

Утопанная дорога под копытами сменилась камнями. Небо затянуло низкими серыми облаками. Порыв ветра ударил в лицо. Появилось неприятное предчувствие. Сердце ныло от глухой боли. Хотелось повернуть назад, сбежать, но конь под ней размеренно шагал вперёд. Отчётливо запахло морем. Волны с шелестом разбивались о камни. Где-то кричали чайки, непонятно почему решившие отправиться в полёт, несмотря на надвигающийся шторм.

— Для чего мы здесь? — Анью обернулась к лорду.

— Чтобы убить демона, — Хайлок Морхен спешился.

— Я не вижу здесь демонов, — Анью спрыгнула с конской спины и оглянулась по

сторонам.

— Вот он.

Колдунья обернулась, смотря в ту сторону, куда показывал лорд. Среди камней и растерзанных тел стоял дэрон. Привычный синий плащ был забрызган кровью. Аман был весь измазан в крови. Человеческой крови...

— Нет... — она отступила на шаг назад. — Это какая-то ошибка. Аман не демон.

— Ты для него — никто, — тихо прошептали у неё над ухом.

Анью обернулась. Над ней, с выражением удовлетворения на лице, возвышался Кармиан. Ядовито жёлтые глаза демона полыхали торжеством.

— Убей её! — Кармиан указал на колдунью жезлом.

Аман с рычанием бросился на неё. Его лицо перекосило от злобы и ненависти, словно он опять забыл кто она. Анью дернулась в сторону, стремясь уйти из-под удара. Порыв к телепортации был кем-то задавлен и её принудительно выдернули из кошмара.

Анью распахнула глаза, пытаясь успокоиться. Сердце в груди всё ещё ускоренно билось. Шелест волн, крики чаек, болтовня матросов — звуки, что сопровождают её в этом путешествии вот уже третью неделю. Она всё так же на корабле.

Просто дурной сон...

— Тебе следует быть аккуратнее. И прекрати отгораживаться от меня. Я могу разбудить тебя, если сны станут... беспокойными, — Энвиса выражала смесь беспокойства и негодования.

— Всё в порядке, причин для волнения нет. Само пройдёт.

Анью поднялась на ноги, потирая затылок. Деревянный пол под ногами успокаивал приятной прохладой и мерным покачиванием. Повезло, что не оказалась за бортом. Первое правило телепортации на корабле — учитывай скорость и направление движения судна. Хотя усвоила она это исключительно путём проб и ошибок. Передвигаться пешком хоть и дольше, но риск промахнуться и случайно застрять в какой-нибудь доске был существенно ниже.

В капитанской каюте, отданной в её полное и безграничное распоряжение, был приятный полумрак и, что немаловажно, не мельтешили люди. Снаружи доносились крики и брань Эйши, девушки, ставшей её заместителем и первым помощником в вопросах мореплавания. Клекотала в своей корзине Олрэя. Птенец ощутимо подрос за эти недели и уже менял пух на полноценные перья и разрабатывал крылья, готовясь улетать. Анью подошла к ней, делясь огнём. Прощаться было так же грустно, как и в первый раз, но пытаться удержать феникса не в её власти. Да и если бы она могла это сделать — не стала бы. У каждого свой путь в этом мире.

В углу, свернувшись клубком, спал Игнис. Элементаль испытывал своеобразную привязанность к фениксу и, став для птенца полноценной нянькой, предпочитал оставаться в физической форме. Дух лениво приоткрыл один глаз, оценил обстановку и снова задремал. Пока что птенец не нуждался в его пламени.

Романтика морской жизни разбилась о рифы реальности ещё в первую неделю путешествия. Из всех необходимых знаний и навыков Анью могла лишь определять местоположение по звёздам, хотя это оказалось далеко не всем, что нужно опытному навигатору. Корабль оказался невероятно сложным механизмом с кучей нюансов и особенностей. Запомнить название и назначение каждого каната и крепления оказалось очень сложно. Анью путалась во всей этой терминологии. Матросы, видя её незнание, не

хотели подчиняться и выражали сомнения в том, что женщина может быть хорошим капитаном. Ещё они шептались, что женщина на корабле — к беде, а уж две — к катастрофе. Услышав подобные перешептывания, Анью предложила устроить особо недовольным увлекательное путешествие за борт. Обстановка уже начинала пахнуть бунтом. Ситуацию спасла Эйша, взяв в свои, хоть и женские, но уверенные руки, управление кораблём. Анью лишь периодически наполняла Буревестника магией. Дух, в свою очередь, наполнял ветром паруса. И без того считавшаяся самым быстрым судном в восточных морях «Гордость Лютерии» с невероятной скоростью двигалась в сторону Аньшу. Путешествие, которое должно было длиться порядка трёх месяцев, по предварительным расчётам Эйши, займет всего два. Анью предпочитала большую часть времени проводить в своей каюте, подальше от хамоватых матросов и тонкостей мореплавания.

Может показаться, что месяц — это не так уж и важно, особенно если ты силлин и твоя жизнь исчисляется веками, а в условиях надвигающегося вторжения демонов, месяц — это очень много, особенно если твой враг способен взмахом руки перемещать целые армии из Фетрании в Акрасию и ты всегда от него отстаешь. Когда речь идёт о человеческой жизни, месяц играет значение. Люди ведь такие хрупкие и живут так мало... Много ли шансов выжить в Фетрании у человека? Не много. Даже если этот человек — дэрон...

Получив задание от Крылатой Хранительницы, Анью восприняла его как отличный повод к путешествию. Сейчас же всё стало в разы серьёзнее. От поисков Ковчег зависела не только судьба Акрасии, но и спасение Амана, ведь демоны тоже охотятся за Первозданным Светом. Она обязательно встретится в Ку-Сатотом снова. И в этот раз не проиграет. Если убить Владыку Безумия, то проклятье, что он наслал на Амана, потеряет силу. Остается верить, что глупый святоша не растеряется и найдёт способ выжить среди демонов. Аман умный, он всегда знает, что нужно делать. Да и она тоже не будет сидеть сложа руки и найдёт способ вернуть того, кто ей дорог.

Найти Ковчег, убить Ку-Сатота, вернуть Амана — этот простой план она повторяла изо дня в день, словно какую-то молитву. Этот простой план давал ей силы подниматься по утрам и продолжать двигаться вперёд. Такая простая, на первый взгляд, цель и абсолютно никакого понимания, где искать Ковчег. Анью знала лишь то, что Лютеран переписывался с эсдо Сиеном, который после Второго Вторжения осел в Аньшу. С чего начинать поиски второго осколка Ковчег? Аман знал бы, что делать, но Амана нет рядом и придётся полагаться только на свои силы и знания.

Анью открыла дверь каюты, щурясь от яркого света. Безоблачное небо над головой, яркое солнце и ветер, наполняющий паруса. Когда-то она мечтала отправиться в кругосветное плавание. Тогда это казалось чем-то романтичным. Морское путешествие в её фантазиях было наполнено диковинными островами, китами, морскими чудовищами, битвами с пиратами и всё это время рядом был бы Аман... Реальность оказалась намного скучнее. Большую часть времени за бортом было лишь синее море. Такое же синее, как глаза Амана, поэтому смотреть за борт Анью не любила. Небольшие острова всё же встречались. Возле некоторых они даже ненадолго бросали якорь, чтобы восполнить запасы пресной воды и провизии, но ничего интересного или необычного там не было. Однообразие угнетало.

Над галеоном кружили чайки — верный признак того, что неподалёку есть остров. Анью поднялась на капитанский мостик. На плечо тут же уселся Буревестник: сейчас не было нужды наполнять паруса ветром. Эйша стояла у штурвала, направляя корабль в сторону острова. Ветер трепал белые, словно снег, волосы девушки, играя с прядями, переплетая,

путая. Эйша на это не обращала внимания, сосредоточенно глядя вперёд и раздавая команды матросам. Мужчины суетливо бегали по палубе, залезали на реи, поднимали паруса.

— Сейчас обойдем гряду рифов, что должна быть впереди, и станем на якорь возле этого острова, — пояснила Эйша. — Завтра на рассвете снова отправимся в путь.

— Что это за остров?

— У него нет названия. Хоть остров довольно большой, но на нём никто не живёт. Суда часто останавливаются здесь, так как бухты достаточно глубокие и можно подойти близко к берегу. Здесь неподалёку судоходный маршрут, поэтому в здешних водах часто можно встретить торговцев, а вот у южных берегов частенько стоят пираты, но здесь нам бояться нечего — пираты в эту бухту не сунутся.

— Я не боюсь пиратов. Люди для меня не представляют угрозы.

— Я знаю, — Эйша улыбнулась. — Видела ту огненную баню, что ты устроила в логове Крюгера. Ты сильная, но ты одна, а одной сложно. Капитан — часть корабля, часть команды.

Анью лишь хмыкнула в ответ. «Гордость Лютерии» была для нее всего-навсего средством достижения цели. Галеон имел ценность лишь как подарок Силлиана, но не более того. Если того потребует миссия, то она, не задумываясь, потопит корабль. И уж тем более её не волновали люди, выделенные Карлосом Альваро в качестве матросов. Лучшие мореплаватели покинули Лютерию ещё в те годы, когда правил регент, а в порту хозяйничал Де Миранда. То недоразумение, что Альваро назвал «лучшими людьми», на самом деле были пьяницы и дебоширы. Лучшие из худших — так бы охарактеризовала этот сброд Анью. Вливаться в коллектив не сильно-то и хотелось.

Она молча прошла мимо суетящихся матросов, не удостоив их вниманием и остановилась возле носовой фигуры, глядя в остров перед ними. Серая громада камней и скал возвышалась над густым лесом и белым песчаным пляжем. Крупнее, чем те острова, возле которых они останавливались прежде, но ничего особенного она не видела. Однако скала, утопающая в зелени, почему-то притягивала взгляд. Появилось смутное ощущение, что не только она смотрит на остров, но и остров смотрит на неё в ответ. Буревестник на её плече напрягся, словно тоже что-то почувствовав. Анью запустила пальцы в перья, чувствуя, как маленькие разряды едва ощутимо покалывают кожу.

— Не понимаю, — рядом, перегнувшись через перила, замерла Эйша, пристально глядя вперёд. — Здесь должен быть кельповый лес. Что за ерунда?!

— Лес?! — Анью перевела взгляд на волны. — Под водой?

— Да. Подводные скалы, заросшие кораллами. Здешний кельповый лес окружает остров, подобно кольцу. Похоже на лес и выглядит очень красиво. Вот только мелко в таких местах — можно посадить корабль на брюхо и застрять надолго. Тут прежде был проход и возможность провести корабль в бухту, а теперь вообще леса не видать...

Анью внимательно всматривалась в волны. Прозрачная, словно слеза, вода не скрывала того, что творилось внизу. Суетливо мельтешили стайки мелких ярких рыбок, гордо держались крупные одиночки. На светлом песке ярко выделялись осколки серых камней, покрытых странными разноцветными наростами и «рожками».

— Я могу ошибаться, но вот та куча камней очень похожа на этот твой «лес». — Анью указала пальцем на группу камней, над которой они проплывали. — Видимо кто-то сломал скалы... Что ж, можешь не бояться, что мы застрянем...

Эйша нахмурилась, но ничего не ответила. Анью лишь хмыкнула, не придавая внимания этому молчаливому протесту. Сломанный подводный лес волновал ее постольку-поскольку.

Порыв ветра донес до Аньюриэль приятный мотив. Тихая, мелодичная, умиротворяющая. Песня без слов, лишь мелодия, но даже так она очаровывала. Пела определённо девушка. Анью никогда прежде не слышала такой гармонии. Каждый звук, казалось, проникал в сердце, манил, звал. Дух на её плече тихо заклекотал в такт: ему тоже нравилось пение.

— Ты же сказала, что на острове никто не живёт? — Анью всматривалась в полосу леса, примыкающую к пляжу, пытаясь найти взглядом певицу.

— Не живёт. Остров часто трясет — жить тут небезопасно. — Может из-за землетрясения кельповый лес и разрушился, кто знает...

— А кто тогда поёт?

— Поёт? — девушка удивлённо на неё посмотрела. — Я не слышу песни, да и мужчины ведут себя нормально — это точно не сирены.

— Не слышишь — потому что человек. Мой слух в разы острее, — Анью поставила ногу на перила, готовясь к прыжку. — Я схожу и посмотрю, что там есть интересного. Вы с Буревестником присматривайте за кораблем, пока меня нет.

Дух послушно кивнул и перелетел с плеча на рею. Эйша всем своим видом выражала неодобрение к этой затее. Вот только ни скрещенные на груди руки, ни поджатые губы, ни осуждающий взгляд колдунью не проняли.

— *Зачем тебе эта певица?!* — всполошилась Энвиса. — *Ты опять ищешь неприятности на свою дурную голову?*

— Ничего я не ищу, просто хочу посмотреть кто это так красиво поёт. Мелодия странная, словно в ней есть магия, но это не она.

— *Если ты не ищешь неприятности, это еще не значит, что они не ищут тебя,* — мудро подытожила даро.

Анью глубоко вдохнула и спрыгнула вниз. Волны сомкнулись над головой. Она выпустила магию, пропитывая ею воду вокруг себя, закручивая поток в течение. Вода послушно подхватила её и понесла в сторону берега, навстречу той песне, которая звучала даже под толщей воды.

Волна с шорохом выкатилась на берег, задержалась на несколько мгновений и вернулась обратно в море, волоча за собой песчинки и небольшую раковину. Анью подхватила ракушку до того, как вода унесла её в море. Новая волна с шуршанием ползла по песку. Неизвестная девушка пела отовсюду и ниоткуда одновременно. Как Анью не вслушивалась, невозможно было определить направление откуда идет звук. Колдунья приложила раковину к уху. Пение доносилось даже из ракушки и это было уже странно.

— Магия и не магия одновременно... — она вернула ракушку морю. — Не понимаю...

— *Учитывая то, что я тоже её слышу, можно сделать вывод, что песня звучит в твоей голове,* — Энвиса тоже была озадачена.

— Буревестник тоже слышал.

— *У вас ментальная связь. Мог почувствовать через неё.*

— Это становится любопытным, — Анью повернула в сторону леса.

— Любопытно тебе было когда ты прыгнула с корабля в море, а теперь это попахивает одержимостью. У тебя нет дел поважнее, нежели поиски неизвестно чего?

— Когда ты придерживалась политики невмешательства в мои решения, было лучше.

— Когда ты не творишь откровенную глупость — я не вмешиваюсь, — парировала Энвиса.

— Это не глупость. Разве ты не чувствуешь? Она как будто зовет. Я должна найти источник. Это не просто песня... Не знаю, как объяснить, но я когда пою, то просто вывожу мотив голосом, а это совсем другое, она как будто дергает за что-то внутри. Кажется, будто я слышу ее сердцем.

— Если бы ты внимательнее относилась к отданному под твое руководство экипажу, то знала бы, что именно так сирены заманивают к себе моряков, — снисходительно ответила Энвиса.

— Не похоже на сирену. Голос идёт с острова, а морские девы селятся в закрытых бухтах и гротах. К тому же их интересуют исключительно мужчины.

Раскидистые ветви создавали приятный полумрак в роще. Невысокие деревья с корявыми стволами росли на небольшом удалении друг от друга. Мелкая жесткая трава ковром устилала землю под ногами. Теплый ветерок приятно дул в спину, принося запах моря и шелест волн. Прекрасное место для прогулок, если не надо торопиться спасать мир. Анью прикрыла глаза, медленно вдыхая запахи, стараясь запомнить этот момент спокойствия, что так редко приходило в её жизнь в последние месяцы.

Голос все еще пел у неё в голове. Странная мелодия одновременно звала, побуждала идти дальше и в тоже время успокаивала, словно убаюкивала. Анью открыла глаза и осмотрелась по сторонам. Её внимание привлек крупный красный жук, сидящий на камне возле дерева. Большой, ненамного больше её ладони, он сидел на ветке дерева, шевеля своими короткими усиками и словно наблюдал за ней. Колдунья неторопливо двинулась в сторону необычного насекомого, рассматривая чёрные крапинки на надкрыльях.

— Ой! — запищало что-то внизу.

Анью замерла на месте, пытаясь найти источник писклявых возмущений у себя под ногами. В траве, прямо возле её сапога кто-то копошился. Девушка присела на корточки, внимательно рассматривая необычного человечка, ростом не больше трёх-пяти сантиметров. Это определенно была девочка, одетая в симпатичное платьице из желтых цветочных лепестков. Её сапожки явно оказались сплетены из травяных волокон, а на кудрявой головке, вместо шляпки, был венчик колокольчика. Удивительная маленькая девчонка так же внимательно рассматривала её, хотя была в ее больших синих глазках и толика испуга.

— Ты кто такая, малышка? — чародейка протянула ладонь, предлагая малышке забраться на неё.

Та настороженно смотрела в ответ. Анью понимала, что торопить неожиданное знакомство не стоит, ведь она просто фактом своего превосходства в размерах может пугать маленькое существо.

— У тебя нет чешуи, — подметила очевидное малышка. — И ракушек. Ты вроде нормальная... а я уж испугалась, что ты из этих... из пиратов.

— Нет, я не пират, — Анью постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее.

— Раз ты не с пиратами, кокомо, то помоги мне найти моих друзей, пожалуйста, — девочка шустро забралась на протянутую ладонь. — Ты же такая высокая, далеко можешь увидеть. Я из-за травы ничего не вижу, а на пляж выходить страшно: вдруг пираты и меня

схватят.

Не то чтобы проблемы маленького создания волновали колдунью, но раз уж она всё равно бродит по побережью в поисках неизвестной певицы, то почему бы и не помочь. Анью пересадила девочку себе на плечо, неторопливо вставая в полный рост. Прямо возле её уха малышка замороженно охнула, придерживаясь руками за прядь волос.

— У тебя имя есть?

— Меня Полли зовут, кокомо.

— Аньюриэль, — представилась чародейка. — И где же могут быть твои друзья, Полли?

Она размеренно шла вдоль кромки леса, уходя всё дальше от корабля. Малышка на её плече тем временем нетерпеливо и взволнованно рассказывала о беде, что пришла на их остров вместе с пиратами.

— Понимаешь, кокомо, мы же ничего плохого не хотели, просто собирали ракушки. Это всё Пэна идея: его вечно к морю тянет, как будто собственное дело не по нраву, а ведь он вон какой важный! Мы же не знали, что тут пираты будут. Никого мы не трогали, а они как налетят из кустов. Ужас, что началось! Я до сих пор дрожу. Хватали всех, кидали в клетку. Меня чуть не затоптали в этой суматохе. Один и меня схватил, но Пэн его за палец укусил. Сбежать смогла только я, а ребят туда унесли. Я и найти их не могу, не знаю, что с ними, а вернуться страшно. Вот что я бургомистру скажу? Он нам строго-настрого запрещает на пляж выходить.

Из всей этой болтовни, льющейся из Полли бесконечным потоком, Анью уловила суть — некие пираты схватили малышкой и явно не с целью культурного знакомства. Что могло понадобиться разбойникам морских просторов от мелких человечков оставалась загадкой. Полли лишь пожала плечами, объяснив поведение пиратов только тем, что они злющие, не то, что её неожиданная спасительница. Анью на это заявление лишь пожала плечами, отчего маленькая болтушка чуть не полетела вниз.

Шорох волн успокаивал. Ветер играл вокруг, подкидывая песчинки, вился позёмкой у девушки под ногами. Теплые лучи солнца приятно согревали кожу. Голос в голове медленно убавкивал, лишал бдительности. Именно поэтому, вылезший из воды на пляж, дух стал для колдуньи полной неожиданностью. Аньюриэль замерла на месте, внимательно смотря, как существо выползает на берег и обессиленно падает на песок. Полли испуганно прижалась к ней, спрятавшись в волосах.

— Бежим, кокомо, это пират! — причитала малышка.

— Нет, это даже не человек, — Анью медленно направилась к духу.

Такого она видела впервые. Крупный, массивный, как у каменных элементариев, торс, голубовато-серая чешуйчатая кожа, покрытая ракушками и странной формы наростами. Большая лобастая голова с ярко-желтым гребнем повернулась к колдунье, стоило ей подойти вплотную. Дух смотрел на девушку. В его небольших, выпуклых, как у жабреля, глазах была бездонная тоска.

— Кокомо, надо бежать! — паниковала на плече Полли, — Он же сейчас набросится на нас!

— Он ранен, — Анью присела рядом с духом, осматривая покрытые рубцами мощные руки и спину существа. — Что с тобой стряслось?

— Уф! — печально вздохнул дух, едва заметно поднимая руку над песком и пытаясь дотянуться до колдуньи.

Анью протянула руку в ответ, позволяя создать ментальную связь. Образы хлынули в

сознание, меняясь, словно в калейдоскопе. Стайки разноцветных рыбок кружат вокруг кельпового леса, прячутся в кораллах и среди камней. Одни маленькие и суетливые, любят держаться группами, другие же, крупные, плавают вальяжно, неторопливо. Поворачиваются к нему то одним ярким боком, то другим, словно хвастаются яркими чешуйками и ажурными плавниками. Солнечные лучи пробиваются через толщу воды полосами, бликами искрят на небольших пузырьках. Кораллы, всевозможных цветов, колышутся, движимые волнами. Жизнь в подводном лесу идёт своим чередом, а бережет его покой он — Страж рифа.

Вот к кельповому лесу подходит корабль. Дно его покрыто ракушковыми рачками. Этот не такой, как другие — странный, пугающий и идёт напролом, насаживаясь брюхом на вершину леса, губя кораллы и распугивая рыбок. В море прыгают люди, и они не похожи на тех, кого Страж видел прежде. Не такие, ненормальные: с серой кожей, покрытые ракушками, не нуждающиеся в дыхании. Они крушат, уничтожают, а он, сколько не убивая, не добивался нужного — люди всё равно возвращаются снова, словно и нельзя их убить. Страж продолжает свою неистовую борьбу, но тут с корабля посыпались стеклянные шары, что разрываются в воде огнем, уничтожая всё вокруг. Ведьма, идет по дну, уродливая, утратившая человеческие черты, больше похожая на морское чудовище. Она улыбается, обнажая тонкие, словно иглы, мелкие зубы. Ведьма ищет, ищет среди обломков рифа источник силы и забирает сердце этого леса — жемчужину Гивэны. Страж же, израненный и лишенный своей силы, остается оплакивать свой уничтоженный дом посреди обломков кельпового леса и медленно умирать.

Связь распалась, прерывая поток видений. Анью смахнула со щеки влажную дорожку от слезы. Духа было жаль. Лишенный источника своей силы он и так продержался необычайно долго и теперь с затаенной надеждой смотрел на неё, не в силах просить о спасении. Он чувствовал, что у мага перед ним уже есть контракты с другими духами. Даже один такой компаньон постоянно тянул из мага силу, а у неё уже было четыре контракта. Да и Страж, до того, как лишился источника магии, был силён. Такая связь потребует немало сил, но и просто уйти Анью уже не могла...

— Ты согласен пойти со мной? — вопрос, ответа на который не требовалось.

Страж прикрыл глаза, медленно поднимаясь и становясь перед ней в полный рост, склонил голову.

— Пред лицом Солнца, что дарует жизнь; под светом Луны, разгоняющим тьму ночи; следуя путём, что указывают Звёзды. Я та, кто несет в себе силу стихий, стану твоим ядром. Имя мне Ан'ю Риэл. Имя тебе — Кармакул.

Страж ярко засиял, принимая договор, а тело его рассыпалось, оседая на песке морской пеной. Браслет из ракушек на запястье Аньюриэль нагрелся, становясь вместилищем духа. На самой крупной раковине появилась руна с именем. «Кармакул» — «страж» на древнем языке. Колдунья прикрыла глаза, сосредотачиваясь на ощущении того, как формируется связь между ее магическим источником и духом.

— Кокомо, — Полли дергала её за прядь волос. — Что с ним случилось? Он что, умер?

— Нет, лишь сменил физическую форму на артефакт. Так духу не надо тратить силу на поддержание тела. Он скоро восстановится. Теперь этот браслет стал его домом, — Анью показала пальцем на украшение из ракушек, которое не так давно, совершенно не задумываясь, купила в Форт Роял. — Полли, а что такое «кокомо»?

— Ты — кокомо. И пираты — кокомо. И даже этот странный синий великан — тоже кокомо. Понимаешь? А я — мококо. Мы, мококо, живём здесь, а кокомо — это те, кто

намного выше нас и добирается сюда на кораблях. Раньше-то проблем с кокомо у нас не было. Ваш народ часто приплывает на наш остров. Приплывут, паруса починят, воды наберут — и уплывают. Прежде такого безобразия не было...

— Вот как... — Анью пнула носком сапога небольшой камушек, не зная, как реагировать на то, что она оказалась в одной категории с пиратами.

Глава 2. Спасательная миссия и таинственное зелье

*Были у меня волосы, словно мёд.
Руки были отнимающими боль,
Стали они отнимающими жизнь.
Сталью налил сердца комок в груди.
Правда ли ты говорил со мной, Господи?
Ты ли в руки мои клинок вложил?*

Немного Нервно — Жанна

Анью наблюдала за импровизированным лагерем пиратов из зарослей невысокого кустарника, практически распластавшись на траве. Полли уселась у неё на макушке, изредка дёргая пряди волос. Колдунья не обращала на эту возню особого внимания — в малышке сил с трудом хватит разве что волосок вырвать, не велика потеря, а вот расположившиеся в бухте пираты были в разы интереснее. Таких существ Аньюриэль видела впервые в жизни и даже в книгах не встречала ничего подобного. В целом пираты напоминали людей, но с элементами рыб или других морских гадов. У кого-то нога или рука выглядела как клешня у краба, у другого всё лицо заросло ракушками, третий красовался головой мурены. Около двух десятков особей. Разнообразие уродств было, что называется, на любой вкус.

Это что, цирк уродов на гастролях?

Анью пристально смотрела на человекоподобных существ, пытаясь понять, это люди так изменились, или морские гады массово решили очеловечиться? Мококо тоже нигде не было видно. Вламываться и крушить всё подряд было не разумно — всё же она здесь с целью спасти малышей, а не угробить их. Да и нападать на непонятных рыболодей не разведав обстановку было бы глупостью.

Вот только ситуация понятнее не становилась. Пираты рубили деревья, собирали из брёвен подъемные механизмы и стремянки, складывали заготовленные доски и жерди в штабеля и ничего больше. Не отдыхали, не препирались между собой, практически не разговаривали. Это тоже выглядело подозрительно. Сброд на её корабле постоянно искал возможность увильнуть от обязанностей и приобщиться к бочке с алкоголем, которую они умудрились тайно от Эйши протащить в трюм, а здесь даже надзирателя никакого не было. Либо рыболоды были организованнее и ответственнее, чем обычные люди, либо она чего-то не понимает в этой ситуации.

— *Как-то всё это подозрительно,* — согласилась с её внутренними сомнениями Энвиса. — *Ты же не станешь лезть в бой с неизвестным противником?*

— *Когда меня это останавливало?* — ответила вопросом на вопрос Анью. — *Так, Полли, слезай и спрячься. И не высовывайся, что бы ни случилось.*

Мококо засуетилась у неё на голове и шустро начала спускаться, держась за прядь волос, как за канат. Колдунья скрипнула зубами, получив пинок в ухо от малышки, но стерпела. Дети...

— *Всё поняла?* — она глянула на притаившуюся среди травы девочку.

— *Прятаться и не показываться на глаза,* — мококо так активно закивала, что венчик колокольчика сполз ей на лоб.

Колдунья медленно поднялась, бесшумно перепрыгнула через кусты и побежала в

сторону лагеря пиратов. Рыболоды заметили её, но остались при этом подозрительно спокойными. Никто не закричал, не поднял суету. Просто молча похвастались за оружие. Урод, у которого была морда краба вместо лица, поднял руку. Раздался оглушительный грохот. Анью метнулась за дерево.

Магия?

Она аккуратно выглянула из-за ствола. Грохот повторился. Что-то небольшое с треском вонзилось в дерево, пробив кору и раскидав в стороны пригоршню щепок.

Не магия, но лучше не попадать под это...

Анью телепортировалась за другое дерево и тут же выскочила, сокращая расстояние между собой и лагерем рыболодей. Один из пиратов поднял перед собой сжатую руку, а в следующий миг он выкинул странный предмет. Анью интуитивно метнулась в сторону. Резкий грохот и песок в том месте, где она недавно пробежала взметнулся, отчётливо показывая, куда прилетел миниатюрный снаряд. В воздухе едко запахло порохом. Анью оттолкнулась от импровизированного ограждения, подпрыгнула, ударяя ногой с разворота ближайшего противника в голову. Хруст сломанной шеи потонул в общем гомоне — пираты заметно занервничали. На кончиках пальцев заискрились молнии. Колдунья вскинула руку, направляя во врагов стаю грозových птиц, расправляясь сразу с тремя. Уклонилась от вражеской атаки. Лезвие сабли со свистом разрезало воздух в паре сантиметров от её плеча. Анью крутанула посох в руках, впечатывая основание врагу в глазницу. Древко вдавило выпуклый рыбий глаз в череп с отвратительным чавкающим звуком. Чародейка выдернула посох из поверженного врага. От грязно-бурой слизи, налипшей на оружие, стало тошно. Впрочем, времени на эмоции не было. Она откинула волной магии подбежавшего врага и отправила ему вдогонку пульсар.

Позади послышался подозрительный хруст. Анью телепортировалась на ближайший штабель досок и замерла, непонимающе смотря на происходящее. А посмотреть было на что. Урод, которому она совсем недавно сломала шею, уже поднялся и теперь крутился на месте, размахивая саблей. Пугающе неправдоподобно болталась его рыба голова, будто привязанная к туловищу. Тот, которому она пробила голову посохом, тоже поднимался с песка, хотя и была в его движениях странная дерганность. Шевелились даже оторванные магическим взрывом ноги, хотя большую часть туловища разметало по лагерю.

— Да вы издеваетесь...

— Помогите! — едва слышно донеслось откуда-то справа.

Анью бегло искала глазами место, откуда прозвучал писк. Где-то сбоку раздался грохот и смерть просвистела прямо у неё над ухом.

— *Не стой столбом! Ты не на увеселительной прогулке!* — возмутилась секундному промедлению даро, вполне обоснованно опасаясь за их общую жизнь.

— Нашла!

Анью метнулась вниз, уклоняясь от размашистой атаки саблей, и проскользнула между ящиками. Грохот и треск дерева позади возвестили о том, что стрелок в очередной раз в неё не попал.

Девушка схватила плетенную клетку, стоящую на одном из ящиков, и метнулась в сторону, прячась за коробками. Из клетки донеслись писклявые возмущения и крики. Анью заглянула внутрь. Там один на другом валялись малыши-мококо. Куча мала забавно копошилась — малявки пытались подняться.

— Здесь все, кого поймали пираты, или в лагере есть ещё пленники?

— Ты кто такая? — одна из девочек смогла подняться и теперь, держась за прутья, недовольно смотрела на неё.

— Ваш шанс на спасение. На вопрос отвечай!

Судя по звуку шагов и перешептыванию пиратов, их окружали. Традиционные методы борьбы с разного рода разбойниками, к огромному сожалению Аньюриэль, оказались неэффективными. Рыболоды вполне спокойно игнорировали переломанные хребет и даже потерю частей тела. И, если вслушаться, то среди звуков ходьбы, разговоров, шума ветра и прибоя не было слышно сердцебиений, а к ней подбиралось порядка двух десятков противников.

— Только одной Полли нет и мы не знаем где она, — к прутьям клетки подбежал мальчишка, явно единственный из компании, сохранивший способность адекватно мыслить. — Убегай! Они неживые, их нельзя убить.

— Да неужели?!

Анью поставила клетку на песок, отчего маленькие узники снова повалились на дно. Колдунья крутанула посох в руках, сплетая нити магии между собой. Первый огненный жеребец съел кучу коробок, за которой они прятались. Следом галопом с места сорвался целый табун, круша лагерь, сжигая пиратов, оставляя на песке лишь почерневшие кости. Ветер разносил по округе лишь вопли ужаса сгорающих существ, умирающих в этот раз окончательно.

Не найдя на пепелище ключа от замка, Анью просто вырвала дверцу из клетки, освобождая пленных. Вот только на свободу почему-то никто не торопился. Малышня забылась в противоположный угол и недоверчиво смотрела на неё.

— И что не так? — она приподняла одну бровь. — Вылезать будете? Или я зря тут всё разнесла, спасая вас?

— Ну ты и сильная, кокомо! — мальчонка-мокомо выскочил самый первый, восторженно глядя на неё. — Как ты их ловко! А как ногой тому уроду врезала! Если бы я был такой большой, как ты, я бы им показал. Я, вообще-то, неплохо дерусь.

Мальчишка изобразил какие-то махи руками и ногами, крайне отдаленно напоминающие удары. Анью, едва сдерживая смех, смотрела на эту пародию боя. Следом за мальчонкой вылезли из клетки пять девочек, одетые в сшитые из цветов и травы костюмчики и платица.

Надо же, целый цветник вокруг себя собрал этот грозный воин.

— Ладно, — она протянула ладонь. — Забирайтесь. Отнесу вас к Полли.

— Ты знаешь где Полли? — одна из девочек робко смотрела на неё из-за плеча паренька.

— Она попросила меня спасти вас от пиратов. Должна сидеть в тех кустах. По крайней мере, я её там оставила.

— Хорошо, — паренёк первым запрыгнул к ней на ладонь и галантно помог забраться своим спутницам. Рассадив мокомо на плечах, Анью направилась в сторону кустов. Полли нашлась быстро. Она радостно махала товарищам, стоя на небольшом валуне.

— Ребята! Я так волновалась! — Полли едва ли не рыдала. — Пэн, ты в порядке? Я боялась, что тебя покалечат...

— Ещё чего! — возмутился мальчонка. — Я этим пиратам не по зубам.

Анью аккуратно сгрузила шумную малышню на камень, наблюдая, как они дружно обнимаются и шушукаются между собой. Всё же дружеские связи много значат, даже для таких маленьких существ.

— Спасибо тебе, кокомо. Твоя помощь оказалась очень кстати. Я — Пэн. Будем знакомы, — представился мальчик.

— Аньюриэль, — она кивнула в ответ.

— У нас к тебе просьба: можешь отнести нас в город? Наши божьи коровки разлетелись, а пешком идти долго. Старшие тревогу поднимут, если к вечеру не вернёмся.

Анью на несколько мгновений задумалась, пытаясь понять, как могли разлететься коровы и при чем тут боги. Решив оставить странности на потом, она уцепилась за другую часть фразы.

— Город? Разве на этом острове есть город?

— Конечно на Тортоике есть город, — Пэн смотрел на неё как на блаженную. Мы что, по-твоему, в норах живём, как грызуны?! Просто обычно кокомо в наш город ходу нет, слишком вы огромные.

— На Тортоике?

— Ну да. Так остров называется, — пояснил мальчишка-мококо. — А ты разве не знала?

— Дело не в этом. Вот.

Она достала листок, что дала ей Джана Чернозубка. На пожелтевшей от времени бумаге было всего одно слово — «Тортоик».

— Значит смотри, — командовал Пэн, пока девчушки-мококо, махая ей на прощание, скрывались между корней огромного дерева. — Это — Неясень, тут мы живём. Ты слишком большая, чтобы я мог провести тебя в Моки-Токи, поэтому сначала надо приготовить зелье-уменьшитель. К счастью для тебя, рецепт я знаю. Нужно лишь собрать нужные ингредиенты. Я всё тебе расскажу и покажу где это собрать.

— Ты так и не объяснил, зачем мне в ваш город, — Анью скептически окинула дерево взглядом.

Огромный ствол, шириной в пару десятков обхватов, поднимался высоко вверх, словно колонна. Могучие ветви формировали раскидистую густую крону, создавшую плотную тень под деревом. Ветер шелестел в листве, принося с луга неподалёку запах лаванды и ещё каких-то трав. Рядом журчал ручей, даря приятную прохладу в не по-осеннему жаркий полдень.

— Во-первых, чтобы отблагодарить тебя за спасение. А во-вторых, чтобы бургомистр глянул на ту карту, что ты принесла, — пояснил мококо.

— Это не карта, а лист бумаги с одним единственным словом, — покачала головой девушка.

— Ну как тебе сказать, — Пэн посмотрел на неё так, словно искренне сомневался в её умственных способностях. — Ты про невидимые чернила слышала? Мой наставник — бургомистр Моки-Токи. Он в этом разбирается и у него полно проявителя.

— Ладно. Уговорил, — Анью протянула ладонь, пересаживая Пэна себе на плечо. — И где мне искать ингредиенты для твоего зелья?

— Значит так. Сначала нам нужно в ореховую рощу. Надо собрать немного орешков кешью. Это туда.

Анью пошла в указанном направлении. Стоило немного расслабиться, как тут же в голове снова появилось пение. Незвестная женщина выводила голосом приятный мотив. Тихий, незатейливый, убаюкивающий. Колдунья искоса поглядывала на Пэна, но не было заметно, что малыш-мококо слышит что-либо помимо переливчатого пения птиц. Лёгкий ветерок приносил ароматы трав и цветов с ближайших лугов. Пэн на её плече нетерпеливо ёрзал, не зная чем себя занять. Его окрестные виды мало впечатляли.

— Поторопись, кокомо, — он не выдержал и начал тянуть её за прядь волос, словно рассчитывал таким образом придать ускорения.

— Мне больше нравится, когда меня называют по имени, — Анью заправила локон за ухо.

— У вас, кокомо, принято обращаться друг к другу по имени?

— Или по титулу, если он есть, — она кивнула.

— А у тебя есть титул?

— Нет, — после недолгой заминки ответила колдунья.

Она ступила под сень высоких кряжистых деревьев с широкими овальными листьями. Яркими пятнами на фоне зелени выделялись плоды: желтые, оранжевые и ярко красные. Мощные ветви переплетались между собой, практически полностью закрывая небо плотным покровом листвы. Запах цветов в роще уступил место странному запаху чего-то сладковато-кислого. В кронах сидели странного вида звери: некрупные, размером с детей, покрытые густым серым мехом и с лысой мордой, напоминающей собачью. У особо крупных морда отличалась ярким красным носом и белыми пятнами. Существа заметили её и принялись издавать отвратительные крики.

— Что за твари? — чародейка поморщилась, дернув кончиками ушей в безнадежном стремлении отгородиться от отвратительной какофонии.

— Павианы, — пояснил Пэн, — Не обращай на них внимания. Они сейчас успокоятся. Кокомо редко заходят так глубоко. Павианы тебя испугались, вот и подняли шум. Нам нужно штук десять орешков.

— Орешков? — Анью задрала голову, пытаясь рассмотреть в ветвях хоть что-то похожее на орехи.

— Да. Они снизу плодов. Выбирай те, что уже красные — они зрелые.

Анью магией сорвала один из плодов. Крупный, размером с грушу и на неё же внешне похожий. Вот только к нижней части груши приросла странная буро-зеленая фасолина. Девушка покрутила фрукт в руках, принялась, и уловила тот самый сладковато-кислый запах, что витал в роще.

— Отламывай орех, нам мякоть не нужна, — пояснил Пэн.

— Вот это что-ли?

Она отломил фасолину, разделяя скорлупу в ладони, и тут же взвыла от боли, отбрасывая фрукт вместе с орехом от себя подальше. Вонючая слизь обожгла кожу на ладони и пальцах. Практически мгновенно появились красные пятна и небольшие волдыри.

— Не тяни в рот! — одёрнул её Пэн. — Водой промой. Ты чего такая?! Их же жарить сначала надо, а потом только чистить.

— Раньше сказать не мог? — прошипела сквозь зубы Анью, шаря по сумке здоровой рукой в поисках фляги с водой.

Судя по тому, как изменилась интонация в мерзких воплях павианов — твари над ней потешались.

— Объясни мне, зачем мы пришли на болото? — она поправила повязки на руке и недовольно посмотрела на Пэна.

Мальши-мококо ни капли не смутился под этим взглядом, лишь с энтузиазмом первопроходца осматривал болото с высоты её плеча. С точки зрения Анью, ничего интересного здесь не было. Болото, оно и на необитаемом острове болото. И хоть остров неожиданно оказался вполне себе обитаем, трясина от этого не становилась менее унылой. Кривые деревья с кривыми ветвями, с которых свисали до унылого серые клочья мха и лишайники. Характерный запах застоявшейся воды, кваканье лягушек и тучи комаров, решивших что к ним пожаловал обед. Что может быть менее вдохновляющим, чем вонючая топь с кучей кровожадных насекомых? Анью предпочла бы увидеть перед собой армию демонов, нежели это.

— Нам нужны грибы, — уверенным тоном заявил Пэн.

— Какие?

— С красной шляпкой, — тон стал менее уверенным.

— А конкретнее? Те, вон те или вот эти?

Анью поочерёдно показала на разные группы грибов, отличающиеся формой шляпок и наличием крапинок. Все они с красными шляпками разных оттенков. Задумка с зельем нравилась девушке всё меньше... Настолько ей интересно, что там нарисовано на бумаге? Да, за этот листок убили человека, но это ведь люди — они убивают и за меньшее.

— Надо посмотреть ближе, — промямлил практически себе под нос мококо.

В ответ она глубоко и очень печально вздохнула, вложив в этот вздох всю печаль, и направилась к ближайшей группе грибочков, перепрыгивая с кочки на кочку и очень надеясь не упасть в вонючую жижу. В проблесках между листьями плавающих растений было видно, как в мутной воде копошатся какие-то мелкие жучки. Сапоги оскальзывались на влажной траве. Анью ухватилась за ветку дерева, стараясь удержать равновесие. Возле ладони что-то квакнуло. Девушка замерла на месте, удивлённо смотря на то, как от коры отделился её кусочек, расправил длинные лягушачьи лапки с тонкими пальцами без перепонок, открыл выпуклые глазки с шероховатыми наростами-бровями и суетливо пополз вверх по стволу.

— Это что такое? — полушепотом поинтересовалась она у Пэна.

— Это квакша. Не трогай — у них слизь ядовитая.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что помимо темной спины, имитирующей кору дерева, у необычного существа есть ещё и отвратительно яркое, желтое в чёрную крапинку брюшко. При попытке прикоснуться ощутимо нагревался браслет, красноречиво намекая, что предупреждение Пэна более чем обосновано.

— Всё чудливее и странноватее... — задумчиво протянула Анью, отмахиваясь от очередного комара и продолжая путь.

— Ну, смотри, — она остановилась возле первой группы грибов.

— Что-то я не уверен. Пошли дальше.

Следующая группа грибов тоже была отклонена как не подходящая. Анью прихлопнула комара, решившего подкрепиться на её ноге, и направилась дальше в глубь болота. Спустя

полчаса прыжков по кочкам, промокшие в вонючей воде ноги и искушенные комарами руки, нужные грибочки были найдены. Или Пэн просто смирился и выбрал хоть какие-то. Радовало только то, что, пока она собирала грибы, браслет не нагрелся.

— А теперь нам надо собрать кое-какие травы, — бодро заявил мококо.

— Откуда у тебя вообще столько сил? — недоумевала Анью. — Ты сегодня побывал в плену у пиратов, а теперь таскаешься со мной по острову...

— В чём секрет выносливости? — Пэн снял с головы зелёный колпачок, почесал затылок и надел свою шапочку обратно. — Отличный вопрос. Самой главной причиной, по которой я могу поддерживать свою мужественность и неиссякаемый запас энергии, являются отличное здоровье и аппетит. Для того, чтобы делать то, что нравится, нужно здоровье и ещё раз здоровье! Если тебе не с кем будет поесть, говори мне, я всегда готов составить компанию.

Анью удивленно хмыкнула в ответ на эту тираду. Вот уж чего ей не хватало в жизни, так это товарища по застолью... Да и само утверждение, что силу и выносливость малыш получает потому, что ответственно подходит к вопросу питания, конечно не было лишено смысла, но, тем не менее, не открывала секрета неисправимого оптимизма Пэна.

— погоди, а не рановато ли ты о мужественности разговоры ведёшь? Ты же совсем ребёнок.

— Я не ребёнок! — возмутился Пэн. — Я мококо в самом расцвете лет! Вот скоро бургомистр перейдёт в совет старейшин и тогда я стану новым смотрителем Тортоика.

— Эммм... Я думала ты ребёнок, — смутилась Анью. — Ты же это... маленький.

— Ну знаешь! — мококо скрестил руки на груди и демонстративно отвернулся. — С твоим ростом легко так говорить.

В котелке медленно закипала родниковая вода. Колдунья помешивала закипающее зелье, искренне надеясь на то, что её интерес не вылезет по итогу боком. И зачем ей вообще понадобился этот город? Солнце уже ощутимо клонилось к закату. Надо было возвращаться на корабль, хотя ни Буревестник, ни Игнис, оставленные на «Гордости Лютерии», не подавали признаков беспокойства.

Анью почесала след от комариного укуса на ноге. Потом ещё один в районе локтя. Комары практически загрызли её на этом проклятом всеми богами болоте. Вероятно решили, что упускать возможность попробовать кровь силлина не стоит и налетели на неё разве что не всей стаей.

— Я принёс последний ингредиент! — Пэн бежал к ней.

Анью наблюдала, как между стеблей травы мелькает его зелёный костюмчик. При таком небольшом росте, мококо умудрялись весьма шустро преодолевать достаточно большие расстояния. И были весьма выносливы физически, если судить по рюкзаку, который тащил за своей спиной Пэн. Как и всё, что делали эти удивительные малыши, рюкзак был сделан из волокон травы и выглядел очень мило.

— Вот. Это надо добавить в зелье, а потом выпей немного, — он открыл рюкзак, протягивая ей небольшой предмет с каким-то содержимым.

Анью предельно аккуратно взяла вещь, чувствуя себя девочкой, которая снова играет с куколками. Появилось странное ощущение собственной громадности в сравнении с этим

маленьким народцем и их предметами обихода. Она аккуратно высыпала светло-желтый порошок в котелок и вернула вещь владельцу, надеясь, что ничего не повредила и не сломала.

— Это пыльца Неясеня, — пояснил Пэн. — Наше дерево — особенное. Это дар Нинав и Тортоика нашему народу. Пыльца у Неясеня волшебная.

— Ты уверен, что мы всё правильно сделали? — она зачерпнула немного зелья в кружку.

Пахло вполне приятно, слегка сладко, с едва уловимыми терпкими нотками. Мутная жидкость золотисто-желтого цвета выглядела вполне приемлемо, да и браслет на запястье оставался прохладным... Но всё равно было как-то не спокойно.

— А я говорил, что если в рецептуре была ошибка, то ты можешь превратиться в квакшу? — с совершенно беззаботной улыбкой поинтересовался Пэн.

Анью замерла, поднеся кружку к губам. Внутри всё сжалось, а к горлу подступила тошнота. Она вспомнила весьма неприглядную зверушку, увиденную на болотах. Перспективы были так себе. Остров импонировал ей всё меньше, хотя прежде Аньюриэль нравилось исследовать новые земли, в которых она оказывалась.

— Расслабься, я пошутил, — засмеялся парнишка. — Ничего с тобой не случится. Самое страшное — живот заболит. Вы, кокомо, всегда такие нервные? Пей давай!

Анью глубоко вздохнула и залпом опустошила кружку, толком даже не почувствовав вкуса зелья. В первые несколько мгновений ничего не происходило, не было ни странных ощущений, ни головокружения. В голову даже успела закрасться шальная мысль, что они ошиблись в рецепте и ничего не случится, а потом как-то ощутимо начали отдаляться ветки деревьев. Кружка стала слишком тяжелой и выпала из пальцев. Звуки стали приглушенными и неразборчивыми. Всего несколько секунд и она стоит посреди травы, которая стала ощутимо выше головы.

Анью спохватилась, проверяя одежду, но та, странным образом, уменьшилась вместе с ней. Это приятно порадовало и немного смутило. Всё же не было среди компонентов зелья ничего, отличающегося магическими свойствами влиять на внешние предметы. Хотя ту самую пыльцу, которую приволок мокомо, она не проверяла.

— Ты чего такая заторможенная? — Пэн остановился рядом с ней. — Пошли в город, а то стемнеет скоро.

Анью двинулась за пареньком-мокомо следом, осматриваясь по сторонам. Трава, что теперь возвышалась над головой, выглядела очень необычно. В воздухе пролетел шмель, показавшийся неожиданно огромным. Шум, что создавали его крылья, показался грохотом. Дорогу им пересёк муравей. Сейчас насекомое было размером с кошку. Она наклонилась, касаясь ладонью шероховатого панциря. Насекомое замерло, слегка повернув к ней голову. В тёмных фасеточных глазах яркими искрами отражалось пламя костра. Муравей что-то проскрежетал ей и пополз дальше. Анью со странной смесью восхищения и растерянности смотрела ему вслед. Кто бы мог подумать, что всё это время столько удивительного было буквально у неё под ногами, нужно было просто присмотреться.

— Всё такое... непривычное. Никогда раньше не обращала внимания на такие ме... вещи.

— Дело в том, что, пока ты маленькая, ты можешь видеть то, что невидимо для тебя большой. Хватит крутить головой! Пошли, пока летучие мыши не проснулись.

— А?! Ага, — она проводила муравья взглядом, представив, как теперь должны

выглядеть летучие мыши.

Перспектива не особо обрадовала и она ускорила шаг, догоняя Пэна. Как-то странно теперь было смотреть на паренька снизу вверх. Хотя, возможно, такое ощущение создавалось из-за смешной шапочки-колпачка, что он носил. Одежда мококо и вправду была сшита из листьев и лепестков цветов, но только сейчас она смогла рассмотреть, насколько мастерски это было сделано. Травяной камзолчик и сапожки выглядели ничуть не хуже, чем те, которые делали кожевники, брюки из каких-то светлых лепестков, пояс из травяных волокон и даже какие-то украшения, скорее всего, из тычинок цветов.

— Так, стой тут, — Пэн остановился на шляпке древесного гриба и, задрав голову вверх, активно замахал руками.

Анью подняла взгляд, высматривая того, кому машет её провожатый. В густой кроне терялись могучие ветки, весь ствол зарос крупными шляпками древесных грибов. Сверху, с одного из грибов, опускалась корзинка, причём достаточно быстро. Уже спустя пару минут корзина коснулась шляпки того гриба, на котором они ожидали. Пэн запрыгнул внутрь первым и выжидательно посмотрел на неё. Колдунья скептически осмотрела предлагаемый транспорт. Сплетенная из травинок корзина хоть и была красивой, но не сильно внушала доверие. Как и канат, сделанный из каких-то белых волокон.

— Чего ждёшь? — Пэн непонимающе смотрел на неё.

— А если её ветром перевернёт? — задала резонный вопрос Анью.

— Ты теперь лёгкая, так что не волнуйся.

Логика в этом заявлении для девушки было немного, но и отступить на половине пути не сильно хотелось. Она на мгновение прикрыла глаза, сосредотачиваясь на ощущении магии внутри себя. Сила по-прежнему была с ней. Анью аккуратно переступила через борт корзины и уселась на дно напротив мококо. Пэн пару раз дернул за канат. Спустя несколько секунд тот натянулся, корзину ощутимо трянуло и потянуло вверх. Сидеть на месте было скучно, поэтому колдунья аккуратно перегнулась через бортик, смотря, как удаляется земля. Расстояние казалось огромным, хотя, если рассуждать здраво, то они едва ли поднялись выше её собственного роста в нормальном состоянии.

— Кстати, Пэн, — она обернулась к парнишке. — А сколько по времени продлится эффект зелья? А то не хотелось бы случайно разгромить город.

— Так оно бессрочное. Ты не увеличишься обратно.

— ЧТО?!

Глава 3. Моки-Токи

*Я незаметно на дереве в листьях
Наполняю жизнь свою смыслом,
Пряду свою тонкую нить.
Нас очень много на дереве рядом,
И каждый рожден шелкопрядом,
И прядет свою тонкую нить.*

Fleur — Шелкопряд

— Я просто не так выразился! Чего ты сразу стала такой агрессивной? — Пэн, потирая макушку, шел рядом, искоса поглядывая на колдунью.

— А как нужно реагировать на такие новости?! Я не планировала навсегда оставаться настолько мелкой. У меня, знаешь ли, ещё планы на эту жизнь были. Да и дел полно, — она фыркнула в ответ.

— Зелья-увеличителя у нас полно, ты не волнуйся. Когда захочешь — снова станешь прежней. Шустрее, нас бургомистр уже заждался. Хватит крутить головой по сторонам.

Анью кивнула и продолжила разглядывать Моки-Токи. Не крутить головой было просто невозможно. В кроне Неясеня, скрываясь от посторонних глаз, оказывается, жил своей жизнью целый город. Дома рядами стояли на ветвях, группками ютились на шляпках грибов, скрывались в дуплах. Среди листвы, шурша крыльями, перелетали с места на место крупные жуки различных ярких цветов и с разнообразными узорами из крапинок. На спинах у жуков сидели мококо. С одной ветки на другую можно было перейти по одному из множества мостков и лестниц, которые, словно нити паутины, связывали разрозненные постройки в целую систему. Спиралью обвивая ствол, росли грибы, по шляпкам которых, будто по лестнице, шустро сновали туда-сюда мококо.

Удивительный город поражал разнообразием ярких цветов и материалов, которые предприимчивые малыши использовали для строительства. Вот домик вытесанный буквально в пухлой ножке гриба с приставной лесенкой к шляпке, на которой хозяйева оборудовали самую настоящую мансарду. Рядом с ним дом из древесной коры, а на соседней ветке есть целая улица из домов, построенных из мясистых зелёных листьев. В дуплах, прикрывая входы дверцами из коры, укромно прятались домики, выдаваемые только маленькими округлыми окошками из слюды. Возле некоторых домов росли небольшие лужайки из мха, а рядом с некоторыми, словно деревья, росли цветы.

Жители города тоже выглядели любопытно. Они суетливо бегали по своим делам. Изредка можно было заметить и малыша мококо. Все одеты в одежду из листьев и лепестков цветов. Вот только цветовая гамма и крой у каждого были свои. Разнообразные вычурные платья у девушек и костюмы у мужчин. Красные, желтые, белые, зелёные, синие. От многообразия цветов уже рябило в глазах.

— Да что ты себя ведёшь, словно с выселков прилетела?! — Пэн стоял в паре шагов от неё, уперев руки в бока. — Нас бургомистр ждёт.

Переход по мосткам, подъём на уровень вверх, ещё переход... Если, идя по мосткам, посмотреть вниз, то можно было подумать, что она снова в Рохэнделе и гуляет по парящим островам. От высоты приятно сжималось всё внутри, но Пэн не давал ей надолго

задерживаться на одном месте, ворча про то, что скоро стемнеет.

Солнце яркими полосами пробивалось сквозь листву, медленно опускаясь к линии горизонта. Длинные тени от построек и заборчиков тянулись по ветвям. Пэн провёл её по ветке, потом по шляпке древесного гриба к неприметной на вид дверце в стволе дерева.

Внутри оказалось помещение округлой формы с невысоким потолком, на котором сидел светлячок, умиротворённо поедающий какую-то гусеницу. Его мягкий, слегка мерцающий свет наполнял комнату. В центре был стол, несколько табуретов, а у стен стояли стеллажи со свитками. Анью удивлённо осматривала эту мебель, поражаясь мастерству умельцев, которые сотворили подобное из разных мелочей вроде шляпок желудей или мелких веточек. По виду дома, что внутри, что снаружи, и не скажешь, что тут живёт самая главная персона в Моки-Токи.

— О, а вот и наша героиня! — сбоку от неё открылась неприметная дверь и к ним вышел хозяин дома.

Бургомистр Моки-Токи явно прожил не мало, по меркам своей расы. Седые волосы, борода и камзол весьма необычного кроя придавали ему схожесть с чародеями из старых сказок. Анью с интересом рассматривала камзол, сшитый из листвы, практически подметающий пол подолом. Даже в одежде бургомистра не было ничего, что заметно выделяло бы его среди других мококо.

— Я безмерно благодарен тебе, кокомо, за спасение Пэна и других, не сильно умных, но очень предприимчивых ребят. Моё имя Корнелиус, — он вежливо поклонился.

— Я просто оказалась рядом и вмешалась. Моё имя Аньюриэль, — она кивнула в ответ. — Пэн сказал...

— Карта, верно. Он мне рассказал. Я посмотрю что можно сделать, — он кивнул в ответ и обернулся к Пэну, — А ты пока сбегай за проявителем.

Пэн кивнул в ответ и убежал в соседнюю комнату. Из-за двери послышался подозрительный грохот и бормотание. Корнелиус покачал головой и указал ей на один из табуретов, предлагая присесть.

— Мой воспитанник ещё слишком юн и не отличается благоразумием, — бургомистр улыбнулся. — Иноземные гости в нашем городе большая редкость. А ведь сиятельная Нинав оставила нам рецепт зелья именно для того, чтобы мы могли общаться с другими народами.

— Нашел! — Пэн принёс скорлупу от ореха, наполненную какой-то прозрачной жидкостью.

Анью извлекла из сумки бумагу, отданную Джаной. Станным образом лист тоже уменьшился. Она нахмурилась, пытаясь уловить логику во всём этом. Нормального объяснения не находилось. Чародейка всерьёз начала раздумывать о том, чтобы достать ещё что-то, чтобы убедиться наверняка, но не была уверена в том, что все вещи из магического пространства тоже изменились в размере. Проверять это в замкнутом помещении не хотелось.

Тем временем Корнелиус обмакнул тычинку в растворе и начал активно смачивать лист. Пэн нетерпеливо перегнулся через его плечо, наблюдая за процессом. Анью отвлеклась от сумки, наблюдая за тем, как впитывается жидкость в бумагу. Медленно на белом проступали какие-то символы и обозначения. Колдунья удивлённо смотрела на это, пытаясь понять, что всё это означает.

— Откуда у тебя это, кокомо?

— Отдала на сохранение одна пиратка, — честно ответила Анью.

— Поразительно! — Корнелиус покачал головой. — Невольно начинаешь верить в судьбу. Или в то, что у пиратов может проснуться совесть... Эту карту из поколения в поколение передавали бургомистры Моки-Токи, но много лет назад она исчезла, вместе с бургомистром Мако. В тот день он совершал обход острова, как и положено бургомистру, но пираты, высадившиеся на остров, схватили его. С тех пор много времени прошло и вот теперь у Тортоика вновь будет смотритель. Спасибо тебе за то, что вернула карту.

Анью удивлённо хлопала глазами. Совпадение казалось невероятным, но и не было похоже, что Корнелиус обманывает её. Да и бумага была ей не нужна. Она бросила беглый взгляд на подпись и замерла, словно в неё молния попала. Сбоку от карты были записаны ноты. Анью едва слышно напела мелодию, что была записана на карте. Вышла именно та песня, что звучала у неё в голове...

— *Это уже не похоже, на простое совпадение. Постарайся узнать больше,* — Энвиса внимательно всматривались в бумагу на столе, явно заинтересовавшись ничуть не меньше.

— Да, это та самая колыбельная, — улыбнулся бургомистр.

— Колыбельная? — удивлённо переспросила Анью.

— Колыбельная, что пела Нинав Тортоику, — пояснил Пэн, притопывая на месте от переполняющих его эмоций. — Бургомистр, а можно я отправлюсь в обход уже завтра? Я и представить не мог, что мне выдастся такая возможность!

— До чего же ты неугомонный, Пэн, — бургомистр покачал головой. — Прежде, чем нестись непонятно куда, помоги нашей гостье расположиться. Такое чувство, что я зря обучал тебя все эти годы.

— Пойдём, кокомо, — Пэн подхватил её под локоть, поднимая из-за стола. — Я покажу, где ты можешь остаться на ночь.

Он едва ли не выволок её из дома бургомистра, потащив по одной из ближайших ветвей. Колдунья едва успевала переставлять ноги.

— Отпусти! — Анью выдернула руку. — Мне не нравится, когда меня трогают! Не делай так!

— Ты чего, кокомо? — Пэн обескураженно смотрел в ответ.

— Анью. У меня есть имя.

— Анью, — повторил Пэн. — У кокомо разве не принято прикасаться?

— Не у всех, — она пожалала плечами. — Там, откуда я родом, не принято трогать всех подряд. Прикосновения — показатель близких отношений или крепкой дружбы.

— Ну так мы друзья, — кивнул ей Пэн, снова хватая за руку и повёл за собой куда-то дальше по ветке. — А мы, мокомо, постоянно обнимаемся. Это, вроде как, способ показать хорошее отношение. Когда есть кто-то, кто тебя обнимет, то ты уже не чувствуешь себя таким одиноким. Даже мир не кажется столь серым в дни затяжной грусти. Поэтому вам, кокомо, нужно чаще обнимать друг друга. С печалью одного, разделенной на двоих, можно гораздо быстрее и легче справиться.

Анью задумчиво шла следом, сосредоточившись на словах Пэна. Было в них зерно истины. Силлины весьма сдержанны в проявлении эмоций, делясь самым сокровенным лишь по ментальной связи с теми, кого допускали в свой мэлринд. Люди были немногим более открытыми в этом отношении, а вот мокомо явно не были такими отчужденными.

Вокруг них постоянно сновали жители города. Они радушно распахивали объятия, приветствуя друг друга, держались за руки, прикасались к лицам и волосам других, целовали друг друга в щёки. Это было странно, непривычно, но в таком контакте чувствовалась какая-

то дружеская поддержка. Будто эти необычные малыши делились друг с другом теплом своей души, отдавали частичку себя другим, принимая подобную энергию от окружающих и оставаясь при этом наполненными теплом и заботой.

Если бы я могла так же легко отдавать своё тепло, как это делают мококо, то, может, тогда всё сложилось бы по-другому? Может это то, чего ему не хватило, чтобы человеческое пересилило демона...

Пэн вёл её куда-то вверх. Они постоянно поднимались всё выше и выше, то по шляпкам грибов, то по верёвочным лестницам.

— Поторопись, а то не успеем.

Пэн, казалось, совсем не знал, что такое усталость. У Анью от этого бесконечного подъёма уже ныли и подкашивались ноги, но она упрямо не показывала никакого дискомфорта. Там, куда они пришли, была оборудована большая смотровая площадка, почти на самой верхушке дерева. Сквозь листву были видны кусочки алеющего небосвода. На площадке были только они.

— Днём здесь обычно дежурит кто-нибудь из старейшин, но вечером в этом нет необходимости, пояснил Пэн, подходя к краю площадки и опираясь на перила.

— И зачем мы сюда пришли? — она остановилась рядом, осматриваясь.

— Гляди, — он указал прямо перед собой. — Видишь семечко. Из него скоро должен вылупиться мококо. Ещё одно вон на той ветке.

Анью удивлённо рассматривала крупные орешки, похожие на злосчастный кешью. Обожженная ладонь неприятно зачесалась под повязками.

— Вы вылупляетесь из орешков? — она перевела взгляд на Пэна.

— Ну да, а как ещё?! — он непонимающе смотрел в ответ. — Неясень наш дом и наша колыбель. Дежурный старейшина помогает малышам и потом подбирает им наставника. У какому разве иначе?

— Да, — она пожала плечами. — Ты привёл меня, чтобы показать как вы рождаются?

— Слушай, я сейчас всё объясню, — Пэн развернулся к ней. — Та карта, что ты принесла — это не совсем карта. Это инструкция для смотрителя Тортоика. Если собрать три ключа, спрятанные на острове, и правильно их активировать, то откроется путь к сердцу Тортоика, где хранится Росток Первозданного Света.

Анью замерла, не зная как реагировать на слова Пэна. Голос в её голове вновь запел, словно давая знак, подсказывая, что услышанное важно.

— *Разве может быть, чтобы на этом острове был осколок Ковчега?! —* изумилась даро. — *Всё это очень странно, ведь ты сошла на берег совершенно случайно.*

Не случайно, она позвала меня...

Внезапно стало понятно, что от неё требуется. Та, что пела в её голове каким-то непостижимым образом знала, что Анью ищет Ковчег и звала её. К добру это или нет, но не было других вариантов, кроме как пойти и проверить.

— С этим разобрались, — она кивнула. — Что дальше?

— Бургомистры всегда выполняли роль смотрителя и хранителя Тортоика. Раз в несколько лет мы наведывались в сердце, наводили там порядок. Когда же пираты похитили бургомистра Мако, его преемник был ещё слишком юн и его не успели обучить всему необходимому. Из поколения в поколение передавались записанные в свитки заветы Нинав, но долг смотрителя был неполным, ведь мы не могли больше попасть в сердце Тортоика. Я тебя ещё не сильно запутал?

— Пока нет...

— Так вот, из-за того, что на острове долгое время не было зрителя, с Тортоиком что-то случилось. Раньше семян было намного больше, а теперь одни пустоцветы и редко когда семечко появится. Если я смогу понять, что не так с Тортоиком, то и новые мококо тоже будут появляться чаще. Теперь понимаешь, как важна твоя находка? Это наверняка Пресветлая Нинав привела тебя. Пойдём, покажу моё любимое место.

Очень даже может быть, что это она и поёт у меня в голове.

Анью бросила последний взгляд на семя Неясеня. Малыши мококо появлялись весьма непривычным образом. И уж кому, как ни силлин понимать опасность медленного вымирания расы... Что её раса, что малые волшебные народы, отличались большей, нежели люди, продолжительностью жизни и не могли обзаводиться потомством слишком часто. То, что изначально задумывалось богами для баланса, привело к печальным последствиям. Магические расы так и не восстановились после всех войн, а теперь мир стоит на пороге нового вторжения демонов. Если не получится избежать войны с Фетранией, то многие погибнут. Сможет ли её народ восстановиться после такого удара?

— Скорее, а то закат пропустим! — поторопил её Пэн.

— Иду.

Они шли вдоль ветки. Мостки и заборчики давно закончились. Вокруг шелестела листва. Не было никаких признаков, что в этой части дерева кто-то живёт. Пэн отодвинул в сторону лист, пропуская её.

— Это лучший вид на всём острове, — радостно заявил он.

Анью была более чем согласна. В раскрасневшуюся воду медленно опускалось Солнце. Казалось, что светило медленно растворяется в воде, окрашивая океан в ало-золотые цвета. В небе оранжевыми разводами плыли облака. У побережья стояла на якоре «Гордость Лютерии». Где-то там была вся её жизнь, цель, миссия, а Анью сидела на развилке ветки, свесив ноги и, болтая ими в воздухе, наблюдала, как медленно тонет Солнце. Самый красивый момент наступил когда оно полностью скрылось под водой. Небо словно загорелось, вспыхнуло, стремясь удержать ускользающий день. Красное золото растеклось по небосводу. Облака потемнели, словно дым над полыхающим лесом. Закат медленно догорал, пожираемый подступающей ночью, укрываемый её звёздным покрывалом.

Таков закон бытия. День сменяется ночью, а ночь сменяет день. Так одна волна накрывает другую. На каждую силу, рано или поздно, найдётся сила более могущественная. Но со временем жизненная сила уходит из тела так же, как вода просачивается сквозь пальцы. Об этом не задумываешься пока ты молод и полон энергии, но стоит ненадолго отвлечься и за плечами оказывается так много всего... Поток жизни уносит с собой так много... Качаются на его волнах позабытые воспоминания, радости и печали прожитых дней, слёзы и улыбки. То, что ещё недавно казалось важным, сегодня позабыто и кануло в водах времени. И вот перед тобой новая цель, путь к которой ещё предстоит отыскать...

— Красиво... — протянул Пэн. — Каждый раз отличается от предыдущего, но всё равно красиво.

— Да, — она мечтательно улыбнулась, продолжая думать о чём-то своём.

— Слушай, Анью, — Пэн повернулся к ней. — А как на свет появляются кокомо?

Глава 4. Королева и верность

*I was broken from a young age,
Taking my sulk into the masses,
Writing my poems for the few
That look to me.
Took to me, shook me, feeling me
Singing from heartache from the pain.
Taking my message from the veins,
Speaking my lesson from the brain,
Seeing the beauty through the...
Pain!*

Imagine Dragons — Believer

Первые лучи солнца пробивались сквозь листву, возвещая о приходе нового дня. Моки-Токи ещё спал. Спали повара и ткачи, дрессировщики божьих коровок и строители, фермеры и музыканты, спал в своём доме бургомистр. В небольшом домике, сделанном из листьев и цветов, спала гостья, которую приютили в городе. Колдунья свернулась клубком, прячась он назойливого солнечного луча под покрывалом, представляющем из себя сшитые вместе лепестки цветов. Приятный запах трав витал в воздухе, наполнял дом, не давал кошмарам пробиться в сновидения.

Но был в городе и тот, кому не спалось. Пэн торопливо перепрыгивал с одного гриба на другой, перебежал по мосткам, бежал мимо домов, в которых спали жители Моки-Токи. Он остановился у примечательного дома, самого последнего по этой ветке, одним резким движением распахнул дверь, без спроса входя внутрь, прошел вглубь помещения, сдернул покрывало и принялся тормозить девушку

— Просыпайся, нам пора идти!

— Аман, отстань... — сонно пробормотала она в ответ.

— Ты чего? Ну просыпайся же! — Пэн потянул колдунью за руку.

— Амааан, ну имей ты совсем, дай поспать.

— Я не Аман, я — Пэн. И нам пора идти, если мы не хотим, чтобы бургомистр узнал о том, что я унёс из его дома карту.

— Что? — она подорвалась, резко садясь на кровати. — Что случилось? Какую карту?!

— Ту, которую ты принесла, — пояснил Пэн, протягивая ей свёрток с чем-то, пахнущим орехами и сладостями. — Наставник против, чтобы я отправился в обход острова, пока тут пираты, а это долг смотритель острова. Понимаешь, это моё предназначение. Я должен отправиться в путь, как можно быстрее. И ты можешь пойти со мной. Всё же ты вернула нам карту. Да и ты такая храбрая и сильная, так что с тобой никакие пираты не страшны. Ну так что, пойдешь со мной?

Анью недоуменно хлопала глазами, пытаясь понять, о чём он вообще твердит и зачем её подняли так рано. Слова никак не хотели обретать смысл. Если это чей-то долг, то почему ей не дают спать? Это ведь не она смотритель острова.

— Кивни, — посоветовала Энвиса.

Девушка послушно кивнула, полагаясь на благоразумие своей даро. Пэн довольно

улыбнулся, подхватывая её под локоть и вытаскивая из кровати. Анью послушно переставляла ноги, пытаясь понять куда и зачем её в очередной раз ведёт этот неугомонный мококо.

— Благодаря тебе Мудрость, Храбрость и Верность вновь объединятся и путь к сердцу Тортоика будет снова открыт. Я всю ночь читал записи, что оставили нам в наследство прошлые бургомистры и теперь знаю, что делать. Сначала нам надо получить ключ верности. Доберёмся до места на моей божьей коровке. Бургомистр не пожалеет, что обучал меня все эти годы.

— Я ничего не понимаю, — Анью упёрлась ногами в кору, пытаясь хоть немного притормозить и разобраться в ситуации. — О чём ты вообще говоришь? Какие ключи?

— Сначала вылетим из города, потом я тебе всё объясню, — Пэн заговорчески улыбнулся и повёл её дальше.

Анью послушно шла следом, на ходу жуя выданную ей лепешку с приятным орехово-медовым вкусом. Они перешли на соседнюю ветку и спустились на пару уровней вниз. Пэн привел её к большой площадке, на которой мирно дремали крупные жуки.

— Это ездвые божьи коровки, — пояснил он.

— Чьи коровки?! Божьи? — она замерла на месте, не зная, смеяться или нет.

— Да, так их Нинав называла. Она сказала первым мококо, что сам Процей даровал этим созданиям крылья, чтобы они могли парить в небе.

— Вот как... — Анью скептически посмотрела на насекомых.

Пэн подвёл её к крупному красному жуку и вскарабкался ему на спину, протягивая колдунье руку. Анью залезла следом, обхватывая Пэна поперёк туловища. Божья коровка подняла надкрылья, сделала пару размеренных движений крыльями, словно разминаясь, и поднялась в воздух.

Они вылетели из кроны деревьев, направляясь куда-то в сторону лугов. Пэн держался за усики жука, задавая направление. Анью зажала уши ладонями, в отчаянной попытке спастись от оглушительного жужжания за своей спиной. Перелёт ей однозначно не нравился и мгновенно занял место худшего способа передвижения из всех, которые она когда-либо пробовала.

Божья коровка кружила над полем. Пэн бормотал что-то себе под нос и в итоге посадил жука на землю возле одного из деревьев.

— Не понимаю, как так можно?! Кто-то перетоптал все ромашки. Их тут специально целая аллея росла! Наверняка эти пираты, будь они неладны.

— Я вообще не понимаю, о чём ты сейчас говоришь, — Анью спешно пыталась слезть со спины жука.

— В общем я перебрал всю библиотеку, что хранится в кабинете бургомистра. Чтобы открыть путь к сердцу Тортоика нужно для начала собрать три ключа, которые активируют печать. Если мы не сможем попасть к сердцу, то так и не узнаем, что не так с Тортоиком, а это мой долг как зрителя острова.

— Ладно, с этим понятно... — неуверенно протянула Анью, надеясь, что сможет разобраться в происходящем на острове в ходе того самого обхода, на который потащил её Пэн. Ещё нужно было понять, является ли тот Росток Первозданного Света осколком Ковчега и если да, то как ей поступить.

— Главное, что активировать печать может только специально обученный мококо. То есть я. Вот только чтобы взять ключ, нам нужен лепесток ромашки. Здешние ромашки

особенные — их сама пресветлая Нинав посадила. Это её любимые цветы.

— А в чём смысл? — она подняла с земли белый лепесток, осматривая его.

— Нинав их благословила, — Пэн прохаживался мимо рядов растоптанных цветов. — Ключ пропитан силой Первозданного Света. Можно руки сжечь, если коснуться его без лепестка

— Вот как... Этот выглядит неплохо, — она протянула Пэну лепесток.

— Нужно брать от сильного, здорового цветка, — тот покачал головой. — В заветах Нинав так и написано: «Возьми лепесток ромашки. Обязательно с живого цветка». Кусты восстановятся, но не раньше чем через несколько месяцев, а в сердце нужно наведаться как можно скорее... Если так пойдёт и дальше, то скоро новые мококо совсем перестанут появляться.

— Целых, как видишь, нет. Стоит рискнуть.

Он взял лепесток из её рук, пытаясь разглядеть на нём залом и направляясь к дереву. Анью шла следом. Уверенность в том, что она случайно наткнулась на осколок Ковчега только крепла. Теперь предстояло решить, что ей делать. Лютеран отдал ей осколок сам, но что делать, если Пэн не согласится? Не забирать же силой?

— Пэн, а что это за долг зрителя острова, о котором ты говорил?

— Ну как тебе сказать... — он задумчиво посмотрел вверх. — Когда мы приходим в этот мир, у каждого из нас есть своё предназначение. Мы учимся, развиваемся, но то, что нам предназначено, даётся легче всего. Это то, для чего твоя душа пришла в этот мир. Есть те, чьё предназначение быть поваром, они пекут самые вкусные лепешки из кешью на острове. Есть те, кто очень хорош в строительстве — они строят дома, расширяют город. У каждого есть что-то такое, особенный талант. Понимаешь?

— Да. Я рождена боевым магом, — она зажгла огонь на ладони. — Моё предназначение - сражаться и защищать слабых.

— Хорошо, когда знаешь для чего ты живёшь, — Пэн грустно улыбнулся. — Бургомистр взял меня своим преемником, но очень долго я не мог заниматься тем, что предназначено зрителю острова, потому что не было карты. Я словно жил лишь в пол силы... Сейчас бургомистры лишь присматривает за городом, да распределяет наставничество. Нет в этом ничего для меня интересного. Я всё перепробовал, но ничего так не увлекает, как это путешествие, понимаешь?

— Наверное, — она пожала плечами, не зная что можно ответить.

Да и что вообще можно ответить тому, у кого ты планируешь забрать едва появившийся смысл жизни. Если в глубине острова и в правду сокрыт осколок Ковчега, то она должна будет забрать его и отнести в Тризион. Там демоны не смогут его найти. Возможно это и есть её предназначение. Вот только беда в том, что её миссия и долг идут поперёк с тем, что Пэн считает своим предназначением. Спасая Акрасию, она забирает смысл жизни у нового товарища. Странная печаль свернулась в груди. Ведь Пэн сам вёл её к Ковчегу, ничего не подозревая. Было невероятно стыдно, но и отступить, отказаться она не могла. Если демоны узнают, что на острове осколок Ковчега, то они просто перебьют всех мококо. Разве могут эти малыши противопоставить хоть что-то тварям из Фетрании?

— И где первый ключ? — она озиралась по сторонам.

— Там.

Пэн указал рукой куда-то вперёд и немного вверх. Анью посмотрела на дерево перед ними, не понимая, где именно. Вполне обычное дерево: раскидистые ветви, густая листва,

только растёт ощутимо накренившись над поверхностью земли, практически стелется. Ствол настолько покатый, что по нему можно спокойно идти, особенно таким маленьким существам, как мококо. Единственное что очевидно выбивалось из этой мирной картины — огромный по размерам улей, приросший к дереву, словно гигантская уродливая опухоль. Похожий по цвету на дешёвую бумагу, облепленный пчёлами, этот нарост постоянно гудел. Там сновали туда-сюда насекомые, собирая нектар и пыльцу.

— Ты же не хочешь сказать, что ключ в улье с пчёлами? — Анью посмотрела на Пэна, искренне надеясь на отрицательный ответ.

— Да, первый ключ — жало апида.

— Кому в голову пришла идея запихать ключ в улей?!

— Нинав, — не придавая значения её возмущению, пояснил Пэн. — Апиды всегда были верными последователями Нинав, поэтому она доверила им один из ключей.

Куда я только не лезла, но вот в улей...

Она тоскливо обвела взглядом шарообразную громадину, что словно нарыв выступала на поверхности дерева. Пчёл там было много, они ползали по поверхности улья, по коре дерева, сновали туда-сюда в воздухе, не обращая на нежданных гостей внимания. В ветвях повыше обнаружилось ещё несколько ульев поменьше. Думать о том, что будет, если Пэн по какой-то причине не сможет договориться с хранителями ключа, не хотелось. Численный перевес явно был не на их стороне, а при условии что ростом она сейчас лишь немного больше пчёлки, то у них будут проблемы. Причём очень серьёзные. Анью проследила взглядом за пролетевшей прямо у них над головой пчелой, заметив торчащий кончик жала и нервно сплотнула. С учётом соотношения размеров, если её ужалят, то это будет равносильно тому, что воткнут нож.

— Пэн, а ты случаем не прихватил то зелье, чтобы вернуть мне нормальный размер? В полный рост у меня сил больше будет.

— Нет, я как-то не подумал об этом. Ты не волнуйся. У прошлых бургомистров не было проблем с апидами. Хотя уже порядка сотни лет прошло с последнего обхода...

— Так может вернёмся за зельем? — постаралась проявить благоразумие колдунья.

— Да не волнуйся, всё хорошо будет. Кокомо всегда такие нервные? — он уверенно зашагал по стволу в сторону улья.

— Не то что бы все и всегда. Признаю, я сама склонна к необдуманным поступкам, но соотношение сил всегда определяю верно. Сейчас преимущество не на нашей стороне и если вдруг что-то случится, то я не уверена, что смогу защитить нас обоих.

— Да чего бояться?! Апиды никогда прежде не нападали на зрителей острова, а если мы сейчас вернёмся, то мне влетит от наставника за то, что украл карту. Бургомистр опять запретит мне покидать Моки-Токи и когда я ещё смогу отправиться в такое увлекательное путешествие?

Анью уныло брела по стволу дерева за Пэном. Улей неумолимо приближался и идея паренька с каждым шагом казалось всё бредовой. Неприятное предчувствие скрутилось в груди тугим узлом. В жужжании пчёл, пролетающих мимо, слышалась угроза. Даже Энвиса нервничала. Вблизи улей казался невероятно большим. Он не просто свисал гроздьём вниз, а словно прирос к стволу, обволакивая его, почти сомкнувшись вокруг ствола в кольцо. Настолько громадный, что, вероятно, именно он не давал дереву расти вверх, как задумано природой, и постоянно тянул к земле.

Пэн убрал лепесток ромашки себе за пояс и прыгнул на небольшой бортик,

выступающий на стенке улья, аккуратно продвигаясь к одному из отверстий. В тот момент, когда ноги мококо коснулись шероховатой стенки улья, жужжание, до этого бывшее каким-то умиротворенно-ритмичным, переменялось, став хаотичным, раздраженным. Пчёлы жужжали, выражая своё негодование от появления вторженца.

— Пэн, мне кажется, это плохая идея, — она неуверенно топталась неподалёку от улья. — Звук изменился. Такое жужжание неспроста.

— Всё под контролем. Я же смотритель острова, — он улыбнулся, протискиваясь в дыру.

Улей загудел с такой силой, что, казалось, от одного этого звука начал трястись. Рой пчёл поднялся над поляной, спешно возвращаясь в своё гнездо. Соседние ульи тоже задрожали, готовясь вступить за соседей, если это будет необходимо.

— *Его сейчас там убьют*, — обреченно произнесла Энвиса.

— А если сунусь следом, то и меня могут...

— *А ты стала очень благоразумной*.

— Да нет, это уж вряд-ли, — Анью прыгнула на бортик улья, забираясь внутрь.

Стены оказались сделаны из какого-то полупрозрачного гладкого материала, напоминающего вощёную бумагу. В полумраке улья, эхом отражаясь от стен, разнёсся вопль Пэна. Анью побежала дальше. Мококо не успел уйти далеко: насекомые атаковали его за ближайшим поворотом. Колдунья сбила молнией подлетевшую к нему пчелу, подхватила товарища за руку и рывком подняла его на ноги.

— Они меня даже слушать не стали! Я же смотритель Тортоика! — Пэн с какой-то совершенно детской обидой посмотрел на неё.

— Надо уходить!

— Сначала надо забрать Жало.

— В тебе их сейчас десяток будет, если не больше! — она послала в летящую на них группу пчёл поток пламени.

Около десяти обгорелых трупиков упали на пол. Стенки прохода деформировались от жара, прогибаясь. В глубине улья пчёлы загудели настолько яростно, что стало понятно — мирно им отсюда не уйти. Пэн вообще не производил впечатления возможной боевой единицы. Она здесь совершенно одна против целой армии недружелюбно настроенных насекомых.

Если бы кто-то однажды сказал Аньюриэль, что у неё будут проблемы из-за роя пчёл, то она бы посмеялась над этим фантазёром, ведь ей нужно лишь пальцами щёлкнуть, чтобы сжечь назойливых насекомых. Однако, судьба может шутить лучше, чем кто-либо. Рядом с ней воткнулось в пол нечто похожее на копьё. Следом прилетела ещё пара. Колдунья схватила Пэна за ворот, утягивая в небольшой боковой проход. В то место, где ещё мгновение назад стоял непризнанный смотритель острова, вонзилось ещё одно копьё.

— Какого демона?! Почему они кидают в нас... Это вообще что, зубочистки?! — она медленно, аккуратно выглянула из прохода, прикидывая возможные пути к отступлению.

— Это апиды, — пояснил Пэн. — Они вроде как пчёлы, но не совсем пчёлы. Те, что собирают нектар — рабочие, а эти — стражи улья. Если пчела ужалит, то погибнет, поэтому они делают себе оружие и называют его «жало». Ты же не отрываешь себе ногу, чтобы ею врага ударить.

— Хватай любое и бежим отсюда. Если останемся сражаться, то просто погибнем как два идиота. Это же улей, тут пчёл ничуть не меньше, чем демонов в Боэр Морхен во время

атаки...

— Эти жала не подойдут. То, которое нужно — из металла и светится. Оно одно такое и должно быть в самом центре улья.

Анью обернулась к Пэну, стараясь взглядом передать всю степень осуждения его нелепой затеи. За спиной донеслось недовольное жужжание. Она медленно, стараясь не делать резких движений, обернулась. В проход протискивалось нечто, лишь отдаленно похожее на пчелу. У странного существа был торс, напоминающий человеческий, но такой же полосатый и пушистый, как у пчелы. Крупная треугольная голова с парой усиков, большие фасетчатые глаза, занимающие почти всё лицо, вместо нормального рта были жвалы. Пара «рук» заканчивалась клешнями. И всё это росло из полосатого пчелинного брюшка с характерными лапками и двумя парами полупрозрачных крыльев, плотно прижатых к спине. Апид протискивался в проход, угрожающе выставив перед собой копьё. Они с Пэном попятились.

— Почему вы не слушаете меня? Я ведь сказал, что я новый смотритель! — постарался начать диалог Пэн.

Существо в ответ заскрежетало жвалами. Согласия в этом явно не было. Решать вопрос мирно апида явно не хотели и Пэн тоже не хотел уходить, не взяв ключ. Положение, в котором они оказались, было можно было назвать разве что отвратительным.

— Или сам уйдёшь с прохода, или сдохнешь. Выбирай! — Анью предупреждающе зажгла на руке пламя.

Апид попытался атаковать копьём. Колдунья уклонилась, кидая во врага пульсар. Насекомое разорвало этой атакой, заодно обляпав стены и их с Пэном, покрытыми зеленоватой слизью опметками. Жужжание в улье становилось невыносимо громким, казалось, что пол под ногами вибрирует.

— *Даже если вы сейчас побежите из улья, они вас так просто в покое не оставят,* — Энвиса напряглась, вслушиваясь в происходящее. — *Умеешь ты находить неприятности.*

— Ну раз вариант бежать отпал сам собой, значит, нам надо в центр улья, — она магией очистила одежду себе и мококо. — Постараемся не погибнуть.

— Я знаю, как туда пройти, — взбодрился Пэн. — Апида строят ульи по определенной системе. Хоть внешне улей и похож на бесформенный ком, но внутри всё упорядоченно, сейчас мы на верхнем ярусе, таких тут несколько десятков и все они соединены переходами.

— Отлично, веди.

Пэн побежал по проходу, Анью бежала следом. Туннель вывел их в небольшую галерею. Стены с шестигранными сотами были облеплены рабочими пчёлами. Судя по раздраженному жужжанию, им были не рады. Полосатые насекомые, шустро перебирая лапками, поползли прямо на них, но Пэн не успел сориентироваться. Одна из пчёл боднула его головой и тут же попыталась цапнуть жвалами за руку. Мококо отскочил в сторону, но сверху на него упала другая пчела. Пэн отчаянно крутился на месте, пытаясь сбросить врага со спины. Пчела же недовольно стрекотала, вгрызаясь в его колпачок. Анью зажгла на ладони пульсар и тут же потушила его: велика вероятность прибить заклинанием и приятеля. Она подбежала, хватая насекомое поперёк брюшка и пытаясь оторвать его от Пэна. Тварь заскрежетала в ответ, остервенело терзая шапку. Пчела невероятным образом изогнулась, поджимая под себя брюшко, складываясь чуть-ли не пополам, целясь жалом в спину мококо. Анью сумела так изловчиться, что пинком смогла откинуть паренька в сторону. Насекомое вывернулось в руках, пытаясь вцепиться уже в неё. Анью призвала

огонь, поджигая врага и отбрасывая тварь от себя.

Она обернулась на вопли Пэна. Несчастливого парнишку облепили пчёлы. Он катался по полу, стараясь сбросить с себя врагов, и истошно вопил. Такую тактику ведения боя сложно было назвать эффективной, но он явно мешал насекомым себя жалить. Чародейка пинком откинула ту тварь, что уцепилась за спину Пэна и как раз собиралась отгрызть ему голову.

— Ну всё, я разозлилась!

Девушка метнула вспышку пламени во врага, сбивая ещё одну пчелу. Удар посоха пробил другому насекомому голову. Тварь ещё несколько раз дернула лапками и затихла. Колдунья раскидывала врагов в стороны, поджигая их. Спустя пару мгновений ей удалось освободить Пэна. Потрепанный, перепуганный парнишка смотрел на неё широко раскрытыми от ужаса глазами и мелко дрожал. Она бегло осмотрела Пэна — тот отделался несколькими неглубокими ранами, синяками, ссадинами и рваной одеждой.

— Я думал, мне конец, — сдавленно прошептал парень. — Спасибо.

Лучше бы ты думал прежде, чем лезть в улей.

— Пока рано благодарить. Нам ещё выбраться отсюда надо. Поднимайся, смотритель острова, — она протянула руку, помогая товарищу подняться.

— Что-то я в этом уже не уверен, — Пэн поднял остатки своего колпачка, покрутил их в руках и выбросил, вероятно, поняв, что ремонт уже не поможет.

— Нормально, я и не из таких передраг выбиралась и, как видишь, ещё жива. Куда нам дальше?

Пэн пристально посмотрел на неё, словно раздумывал над вариантами. Ему явно было страшно идти дальше. Не ожидавший подобного развития событий, он словно усомнился в выборе своего предназначения. Анью нахмурилась, понимая, что если он сейчас отступит, то она не узнает, как добраться до осколка Ковчег.

— Ты же смотритель острова. Мы пришли за ключом и уйдём только с ним.

— Да, — он кивнул, — Пошли, нам вот в этот проход.

Они побежали дальше, оставляя за спинами обгорелые трупы насекомых. Проход периодически разветвлялся и менял направление. Отовсюду ползли пчёлы, пытаясь атаковать. Анью откинула новую группу врагов волной пламени, отчего в переходе медленно начали тлеть и деформироваться стенки. Пэн старался держаться к ней ближе, рассчитывая на защиту. За поворотом проход расширился до размеров небольшой галереи, с такими же стенами-шестигранниками. Внутри, помимо рабочих пчёл, их поджидало несколько апидов. Анью схватила Пэна за ворот, телепортируясь в сторону. Копья-жала просвистели в воздухе, вонзаясь в пол.

— А вот вам ответ! Арса рион!

Три огненных копья пробили хитиновую кожу врагов, припечатав их к стене.

— Вэн аэнье! — огненная птица сорвалась с пальцев колдуньи, сжигая пчёл и опалив всё вокруг.

— Шустро ты их! — Пэн отступил на пару шагов к стене, спасаясь от жара заклинания.

Внезапно из соты показалась личинка. Маленькая тёмная голова, лишённая глаз, росла из уродливого толстого белого тела, заполнившего почти всё пространство соты. Тварь схватила Пэна за руку, резво начиная зажевывать мококо. В ответ на это паренёк лишь открыл рот в беззвучном крике. Анью дернула его за другую руку, освобождая.

— Будешь стоять столбом — тебя убьют, — она подняла одно из копий. — На, если кто-то нападёт — коли его острым концом. Всё ясно?

— Ага, — Пэн кивнул, явно став немного увереннее. — Ты её не убьёшь?

— Нет. Детей не бью. Куда нам дальше?

— Сейчас мы примерно на середине этого яруса. Нужно найти переход на нижние. Спуститься уровнем на десять-пятнадцать и там будет маточник. В нём царица улья, там же должен быть ключ. Точнее не скажу — улей разросся за годы, так что я не совсем понимаю, куда нам нужно идти.

— Нам вниз, если я поняла верно.

Анью крутанула посох в руках, направляя струю пламени в пол прямо перед собой, прожигая проход на нижние ярусы. Пропитанные воском перегородки между ярусами горели плохо, скорее плавилась и медленно тлели, но это было быстрее и эффективнее, чем пробираться по кишасшему озлобленными пчёлами улью. Уже спустя пару минут образовался глубокий туннель.

— Предлагаешь прыгнуть? — Пэн неуверенно глянул в образовавшуюся воронку.

Внизу, судя по яростному жужжанию, их уже поджидали враги.

— Я не стану отступать, если уже ввязалась в драку, — она прыгнула первая, смягчая приземление магией.

Анью прищурилась от неожиданно яркого света и крутанулась на месте, раскидывая волной воздуха врагов. Источником света оказалась игла, закрепленная под куполом помещения сферической формы. Скорей всего, именно это и называли ключом. Вот только в центр улья сползались все пчёлы и апида... Они облепили стены, кружили в воздухе, выглядывали из проходов и яростно жужжали, переговариваясь между собой. Просто так ключ ей не отдадут, на это можно было даже не рассчитывать.

Вопли над головой возвестили о том, что Пэн всё же решился прыгнуть. Анью магией перехватила его, не давая расшибиться. Мококо зажмурился, тоже не готовый к такому яркому свету после полумрака, царящего в верхней части улья.

— Мы на месте, — он потирал глаза. — Это и есть Жало. Нужно взять его лепестком.

Пэн замер на месте, широко распахнув глаза и ощупывая свой пояс. Лепестка там не было. Скорее всего, он потерялся, когда мококо атаковали пчёлы, вот только теперь было предельно поздно об этом сожалеть. Время на раздумья закончилось. Всё жужжание резко затихло. В одном из боковых проходов показалась жутковатого вида тварь. Сначала появилось тело, чем-то напоминающее женский торс. Большая голова, украшенная наростами, похожими на рога, и огромными фасеточными глазами, повернулась к ним. Тварь замерла, словно оценивая незваных гостей, сумевших пробиться в центр улья. Вместо рук у существа были клешни с шипами на концах, как у богомола, которые оно прижимало к груди. На размышление новому врагу потребовалось несколько мгновений, после чего оно целиком вылезло из прохода, демонстрируя огромное брюхо, покрытое хитиновой бронёй, и две пары, ненормально маленьких для такой туши, крылышек. Брюхо заканчивалось длинным шпагообразным отростком.

— Это — царица роя, — с придыханием произнёс Пэн. — Послушай! Я смотритель острова! Я пришел за ключом, чтобы совершить обход! Мы не враги вам!

— С-с-с-вет о-с-с-станетсся з-с-сдес-сь! — прошипела матка в ответ.

— Апида всегда были верны Нинав! — возразил ей Пэн. — Что изменилось?!

Царица роя не удостоила его ответом. Она щёлкнула челюстями и все пчёлы и апида атаковали их разом. Анью создала купол из молний, не давая врагам подойти слишком близко.

— Ну, раз она сама напрашивается. Жди тут!

Колдунья телепортировалась из-под защитного купола. С кончиков пальцев сорвалась молния, сбивая ближайшего апида. Анью уклонила, уходя из-под атаки. Блестящее жало с капелькой яда пронеслось прямо у неё над головой. Она пинком откинула от себя врага и с размаху пробила древком посоха грудную пластину апида, пуская в его тело волну силы. Магия разорвала тварь изнутри. Анью, создав сжатый пульсар, кинула его в группу врагов перед собой. Улей ощутимо трянуло от взрыва.

Насекомые ползли на неё со всех сторон. Чародейка обернулась, ударяя посохом тварь по клешне, разбивая хитиновую броню. Апид зашипел и попытался проткнуть её копьём. Анью телепортировалась в сторону, раскидывая врагов волной пламени. Подпрыгнула вверх, приземляясь на особенно шустрю пчелу, впечатывая её в пол. Уклонила от атаки справа, отправила во врага пульсар.

— *Их слишком много! Ты не справишься со всеми одна!* — Энвиса напряженно следила за ситуацией.

— Ну, раз так!

Анью создала вокруг себя вихрь пламени, разжигая, распаяя силу, закручивая её по спирали, формируя огненный смерч. Насекомые в ужасе разбежались, прятались в боковых переходах. Всё живое боится огня. Купол над Пэном разрушился, втягиваясь в заклинание. Мококо мгновенно оценил ситуацию и нырнул в ближайший проход, подглядывая за происходящим из-за угла. Анью балансировала на вершине огненного вихря, растягивая заклинание, поднимая себя выше. Ключ был всё ближе, оставалось совсем немного.

Матка с шипением бросилась на неё, сбивая заклинание. Анью, лишившись опоры, рухнула вниз, успев в последний момент смягчить падение магией. Королева не дала ей возможности подняться на ноги, приземлившись рядом и начав атаковать своими клешнями. Колдунья откатилась в сторону. Острый, словно клинок, шип вонзился в оплавленный пол, будто раскалённый нож в кусок масла.

Анью кинула во врага пульсар. Взрыв немного сдвинул матку с места, но не более. Заклинание ничуть не повредило плотный панцирь королевы роя. Тварь с яростным шипением снова атаковала её клешнями. Анью перекатилась ей под брюхо, попытавшись атаковать снизу. Магия разлетелась искрами, даже не оцарапав матку. Существо распрямило лапы, приподнимая брюхо. Острый шип на последнем сегменте вонзился в пол в паре сантиметров от головы Анью.

— А-а-а-а! — из перехода выскочил Пэн со своим копьём наперевес, в отчаянной попытке атаковать королеву.

Матка одним ударом клешни переломила его оружие надвое, словно сломала соломинку. Тварь медленно заносила вторую клешню для удара, явно намереваясь в этот раз так же легко и непринужденно переломить Пэну хребет. Анью раскрыла резерв магии крови, разгоняя, вместе с кровью, энергию по телу и со всей силой, на которую была способна, ударила королеву ногой в брюхо. Эффект превзошел все возможные ожидания: нога пробила хитин и по колено застряла в чреве. По коже потекла зеленоватая слизь. Матка дёрнулась, издав вопль, больше похожий на визг. Колдунья отчаянно пыталась выдернуть ногу обратно, но вырваться из липких потрохов не получалось. Она в самом буквальном смысле влипла в неприятности.

Ополоумевшая королева роя сорвалась с места, совершенно забыв про Пэна. Существо металось по помещению, истерично вопя. Анью, не в силах вытащить ногу, волочилась

следом, отбивая себе спину, плечи и голову. Где-то на полу остался посох, выпавший из рук.

— Ты так себе ногу переломаешь! — переполошилась в голове Энвиса. — Или шею. Сделай уже хоть что-то!

Анью, не обращая внимания на ёмкие комментарии даро, покрыла тело пламенем, стараясь хоть как-то защититься. Запахло палёным. Матка, и без того разозлённая, ополоумела от боли. Тварь взвилась под самый купол помещения, согнулась пополам, собираясь прибить колдунью клешнями. Аньюриэль вывернулась, упираясь свободной ногой в хитин, и рванула вторую, освобождаясь. Матка издала новый отчаянный визг, явно недовольная таким развитием событий, и снова атаковала. Анью увернулась, падая вниз. В отчаянной попытке затормозить падение, она схватилась за первое, что подвернулось под руку. Пальцы сомкнулись на разгоряченном металле. По залу прокатился испуганный вопль Пэна.

Она повисла, держать за Жало, болтая в воздухе ногами и щурясь от яркого свечения. Свет проник под кожу, прокатился волной жара и затих, принимая её. Руки медленно соскальзывали с гладкой поверхности. Анью старалась угадать подходящий момент, чтобы прыгнуть вниз и магией пыталась найти и призвать свой посох.

Разъяренная королева роя с яростным воплем бросилась в новую атаку, ударом клешни перебивая крепление, на котором держалось Жало. Колдунья полетела вниз. Враг последовал за ней, намереваясь достать её одновременно клешнями и собственным жалом. Анью извернулась в воздухе, пытаясь уклониться. Жесткая клешня подхватила её, стараясь раздавить. Колдунья инстинктивно вогнала Жало в грудь королевы роя. Они рухнули на пол вместе. Улей в последний раз содрогнулся.

По телу матки расползались светящиеся трещины. Вся её плоть содрогалась в конвульсиях. Королева роя сторала изнутри. Вспыхнули белым пламенем крылья, обратившись в пепел. Анью выползла из-под туши, таща за собой Жало. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это обычная булавка. Головка была стилизована под крылья пчелы. Вещица вся была пропитана силой Первозданного Света. Рядом крутился Пэн, держа в руках её посох. Мококо не решался подойти близко, с опаской косясь на предмет, что колдунья сжимала в руке.

— Как ты можешь держать ключ без лепестка? Ведь он обожжет любого, кто прикоснется к нему. Вот тому пример, — он указал на поверженную королеву.

— Я уже держала Свет в своём теле. Один мудрый старик сказал, что это меня как-то изменило. Не знаю точно, что он имел в виду, но эта вещица для меня не опасна.

Улей загудел множеством жужжащих пчёл. Анью отобрала у Пэна свой посох и подняла булавку на манер клинка, готовясь вспомнить всё, чему её учил Таллеан. Рабочие пчёлы медленно выползали из проходов. Колдунья напряглась и уже готовилась дать отпор, но они проползли мимо, полностью проигнорировав их с Пэном. Пчёлы вгрызались в труп своей королевы, пожирая её.

— Что происходит? — Анью с отвращением наблюдала за происходящим.

— Одна из них, та, что сожрёт сердце, станет новой королевой. Так писали прошлые бургомистры. Пойдём отсюда. Без команды они не станут на нас нападать. Кажется, нам сюда, — Пэн поманил её за собой рукой и свернул в один из боковых проходов.

Анью бросила последний взгляд на поверженного врага и пошла следом за мококо. Пэн вполне мог в очередной раз ошибиться в отношении апидов и нуждался в защите. За её спиной слышалось жужжание и отвратительный треск разрываемой плоти.

Глава 5. Пираты и храбрость

*Now I see fire, inside the mountain.
I see fire, burning the trees.
And I see fire, hollowing souls.
I see fire, blood in the breeze.
And I hope that you'll remember me.
And if the night is burning, I will cover my eyes,
For if the dark returns then my brothers will die.
And as the sky is falling down it crashed into this lonely town,
And with that shadow upon the ground I hear my people screaming out.*

Ed Sheeran — I See Fire

Они сидели в траве неподалёку от ручья, хотя при нынешних размерах Аньюриэль, он вполне мог сойти за реку. Она закончила перематывать повязками руку Пэна и довольно окинула взглядом результат своих трудов. Сейчас они были похожи на мумий их кабайских сказок, но ничего не поделаешь: досталось им обоим изрядно. К счастью, пчёлы были слишком заняты определением новой царицы улья и никто не стал их преследовать, так что было время обработать полученные в драке раны.

Как оказалось, эффект зелья распространялся и на сумку. В ответ на её недоумение, Пэн сказал, что Нинав всё предусмотрела, чтобы мококо и кокомо могли общаться между собой. Анью задумчиво перебирала склянки и баночки, наполненные разными мазями и зельями — Силлиан постарался учесть всё, собирая её в дорогу. Колдунья тяжело вздохнула. С Аманом было проще. Он всегда готов был вылечить и дать совет. И то и другое сейчас бы ей не помешало.

Пропитанная Светом булавка лежала неподалёку. Пэн то и дело бросал на неё взгляд, но трогать не решался. Сомнений в том, что на острове сокрыт один из осколков Ковчеха, не осталось и теперь ей предстояло решить, как поступить. Как сказать Пэну, что она должна забрать Ковчег? Он ведь так радовался тому, что обрёл своё предназначение. Анью искоса бросила взгляд на товарища. Пэн сидел на камне и пытался починить свой сапог. Несмотря на раны и порванную одежду, он выглядел счастливым. Имеет ли она право забрать у него это счастье? Но и оставить осколок Первозданного Света здесь она не может. Демоны просто убьют всех на этом острове. Для мококо будет гораздо безопаснее, если Ковчег будет в Тризионе. Тогда будет надежда на то, что Фетранияцы не обратят внимание на небольшой остров посреди океана.

Аман всегда мог найти нужные слова...

— Ну вот, половину мы сделали, — Пэн обулся и довольно посмотрел на неё. — Ну ладно, треть. Но начало получилось эффектное. Так даже интереснее. Пошли за вторым ключом.

— А там нас кто будет пытаться убить? — Анью быстро складывала вещи в сумку. Жало, после недолгих размышлений, тоже положила в магическое пространство, надеясь, что сила Первозданного Света не разъест заклинание магического расширения.

— Второй ключ — ключ храбрости. Его хранит старый дух леса. Тут неподалёку лес, там статуя Пресветлой Нинав. Нам сейчас к ней.

Пэн покопался в карманах и извлёк оттуда небольшой свисток. Анью дёрнулась от пронзительного свиста и заткнула уши ладонями.

— Ты чего? — мококо непонимающе посмотрел на неё.

— Звук отвратительный, — она повела кончиками ушей в стороны, словно пыталась сбросит неприятное ощущение.

— Надо же... А я вот ничего не слышу, когда свищу в него. А вот и Нимп.

Божья коровка опустилась на камень рядом с ними. Пэн шустро вскарабкался жуку на спину и протянул руку колдунье.

— Может, пешком?

— Долго идти. Так быстрее. Если бургомистр обнаружил пропажу свитка, то может послать кого-нибудь за нами, а мы уже через столькое прошли. Я не собираюсь сдаваться на полпути.

— Ладно.

Анью вскарабкалась, уселась позади Пэна и прикрыла руками уши, готовясь к очередному шумному перелёту.

— Ого! Сколько же их там...

Они сидели на ветке дерева и смотрели на то, как рубят деревья. От рощи, откровенно говоря, осталось мало. Вырубка шла полным ходом. Сами лесорубы уж очень напоминали вчерашних пиратов. Обилие разного рода уродств впечатляло. Особенно приглянулся Анью пират, у которого вместо волос из головы росли щупальца осьминога. Смотрелось эффектно.

Рыболоди неторопливо, слегка покачиваясь, по двое подхватывали брёвна и уносили их по протоптанной дороге куда-то за холм. Крупных деревьев уже практически не осталось, но работа продолжалась. Анью дернула кончиками ушей, вслушиваясь в то, как с треском ломаются ветки падающего дерева и молодая поросль. У края рощи были костры и странные котлы, в которых разогревали смолу. Едкий чёрный дым столбом поднимался в небо.

— За тем холмом статуя Нинав. Там вторая печать. Нам бы пробраться туда незаметно, но пиратов тут словно термитов в термитнике. Что-то мне подсказывает, что это всё не просто так. Что-то эти разбойники задумали. Глянь туда — эти явно тут главные.

Анью присмотрелась. Среди хаоса загубленной рощи заметно выделялась пара фигур. Это были мужчина и женщина, что выглядели в разы осознанней и привлекали внимание вычурностью одежд. Женщина была магом, если судить по посоху в её руке. Эти двое явно чувствовали себя хозяевами положения и раздавали остальным команды.

— Они решили построить новый корабль? — Анью с тоской наблюдала, как падает ещё одно дерево.

— Было бы неплохо, если бы они на нём уплыли куда подальше. Вот только в той стороне, куда тащат брёвна, не море, а статуя Нинав. Там второй ключ. Это не к добру. Нужно узнать, что эти разбойники задумали, — Пэн шустро запрыгнул на спину божьей коровки.

— Ты собрался туда?

— Послушаю о чём они говорят, узнаю что к чему и вернусь. Я же маленький, а когда ты такого размера, подкрасться незаметно не проблема. Меня никто не поймает, а ты пока посиди и понаблюдай, что остальные делают.

— Рубят деревья. Тут и наблюдать не за чем, — она скептически смотрела в ответ. — Идти одному — плохая идея.

— Всё под контролем, — Пэн улыбнулся и потянул божью коровку за усики.

Насекомое расправило надкрылья, поднимаясь в воздух. Анью следила взглядом за тем, как яркое красное пятно петляет между пиратами. Никто из рабочих не обращал внимания на крупного жука, они так же размеренно уносили брёвна куда-то за холм.

— *Кого-то мне он напоминает,* — задумчиво проговорила Энвиса. — *Ты тоже любишь такие авантюры.*

— Я хотя бы умею действовать незаметно, а он ломится напролом, свято веря, что маленький рост — это преимущество. Его же там прихлопнут...

— *Может стоит научиться доверять товарищам? Ты сильна, но не всесильна. Твои слабости могут быть компенсированы кем-то другим.*

— Мне не позволено быть слабой и уж тем более глупо надеяться на защиту кого-то, кто настолько мал и слаб.

— *Ты сейчас того же роста, не забыла?* — усмехнулась даро.

— А вот это проблема... — Анью задумалась, прикидывая варианты. — Пока я такая мелкая, мне с пиратами не тягаться. Нужно срочно добыть то зелье, о котором говорил Пэн, и вернуть себе нормальный размер.

Внезапно среди пиратов началась суматоха. Послышались крики, ругань. В суете мелькнули красные надкрылья жука и раздался торжествующий вопль. Анью внимательно присматривалась, стараясь найти Пэна, вот только мококо нигде не было видно. Работа по вырубке деревьев медленно вернулась в привычный темп.

— Не надо было позволять ему лететь в одиночку, — Анью нервно прикусила костяшку на большом пальце. — Нашла!

В руке главного пирата была клетка. Между железных прутьев мелькало что-то зелёное, очень напоминающее костюмчик Пэна.

— Глупый мальчишка! — Анью спрыгнула с ветки, замедляя падение магией. — Что и следовало ожидать...

— *Уверена, что тебе туда, а не в город?* — судя по эмоциональному фону Энвисы, даро сейчас злилась.

— Надо этого дурака спасать. В город потом, — Анью слилась с тенью и прошмыгнула под ногами пирата.

— *Ты не забыла, что сейчас меньше чем мышь?*

— Всё в порядке. Я же маленькая, а когда ты такого размера, подкрасться незаметно не проблема.

— *Где-то я сегодня это уже слышала...*

Анью короткими перебежками приближалась к месту, где держали Пэна. Она сливалась с тенями, проскальзывала под ногами пиратов, пряталась в траве, выжидая подходящего момента для рывка. Пока удавалось оставаться незамеченной. Неприятное ощущение от того, что приходится опасаться тех, кто по факту в разы слабее, тугим узлом скручивалось в груди. А ещё она злилась. Злилась на себя, что согласилась на эту авантюру и не позаботилась том, чтобы вернуться к нормальному росту. Злилась на вынужденную беспомощность. Злилась на Пэна, за то, что не думает, прежде чем что-то делает.

Она уже подобралась к тому месту, где держали Пэна. Клетка стояла на каком-то ящике. Пара пиратов прошли мимо неё, даже не удостоив мококо взглядами. Они продели палку

под ручку котла и понесли его куда-то. Другой рабочий подкинул в костёр дров, заглянул в коробку, стоящую рядом, ничего там не нашел и куда-то направился. Ведьма, та самая, что разрушила риф и лишила Кармакула дома, стояла неподалёку и высказывала недовольство одному из пиратов. Колдунья шустро вскарабкалась на ящик.

— Анью! — Пэн подбежал к прутьям. — Ты пришла за мной!

— Тш-ш-ш-ш! — она приложила палец к губам.

Ну что за наивный дурак?!

К счастью, на них никто не обратил внимания. Ведьма и предводитель пиратов о чём-то спорили между собой, активно жестикулируя. Анью подбежала к клетке, в которой держали Пэна, и попыталась сбить замок. Металлические прутья и замок не поддавались, а использовать магию, когда рядом ведьма, было рискованно. Ей нужен ключ.

— Сиди тихо, я сейчас вернусь, — она спрыгнула с ящика, подкрадываясь к предводителям пиратов.

— Я добыл тебе одного гнома! — кричал мужчина. — Расспрашивай его!

— Этот слишком молодой, что он может знать? Я вернула тебе жизнь, — с ледяным спокойствием в голосе парировала ведьма. — Но я же могу её и забрать. И если я сказала, что мне нужны ещё местные гномы, то ты должен пойти и добыть ещё.

— У нас был уговор, Титуба. Я тебе помогаю, а не прислуживаю, — бросил мужчина презрительно.

— Не зазнавайся, Крюгер. Ты мне нужен ровно до тех пор, пока полезен. Я в любой момент могу отправить тебя и твою посудину обратно в пучину морскую.

Анью замерла на месте, пытаясь понять, почему это человеческое имя что-то всколыхнуло в её памяти. Она определённо слышала его прежде, вот только где именно? Колдунья пыталась найти взглядом у одного из них ключ на цепочке, или красноречиво оттянутый карман.

— Клянусь «Каракатицей», ты много о себе возомнила, ведьма...

В памяти что-то зашевелилось. Нечто смутное, пока неясное. Она определённо слышала что-то похожее. Это было что-то важное, но она запамятовала, забыла, с чем это связано.

— Так-так-так, — женщина взмахнула рукой. — А вот и ещё один пожаловал.

Поток воды подхватил чародейку, закручивая в воздухе. Титуба схватила её, зажимая в кулаке. Анью старательно, но безрезультатно пыталась освободиться. Прохладная и склизкая кожа ведьмы вызывала отвращение и позыв к рвоте.

— Надо же. Какая необычная малявка. Явно не из местных.

Ведьма поднесла её ближе к лицу, пристально рассматривая. Её выпуклые, как у рыбы, глаза без век выражали презрение к пленнице. Широкий жабий рот растянулся в ухмылке, обнажив частокол мелких острых зубов. Вместо волос из головы ведьмы рос длинный рыбий хвост, который она перекинула через плечо на манер косы.

— Какая интересная девочка. Определённо нездешняя. Как же ты уменьшилась? Расскажи мне.

Анью поморщилась от неприятного гнилостного запаха ведьмы и попыталась телепортироваться. Титуба легко сбила порыв к телепортации своей магией и улыбнулась ещё шире.

— А может расскажешь, кто это так славно поколдовал вчера на пляже? Знаешь, я не из тех, кого стоит злить, а такие смазливые мордашки, как у тебя, мне не нравятся, так что будь поговорчивее.

— Ты себя хоть в зеркало видела? Завидуй молча, рыба харя! — Анью вскинула руку перед собой, отправляя ведьме в лицо стаю грозových птиц.

— Воздушница, значит, — Титуба поморщилась и только. — Ты мне неинтересна. Мне нужен тот пиромант.

Рука, державшая её, сжалась, стало невозможно вдохнуть. Казалось, ещё немного и рёбра треснут. Ведьма ухмыльнулась и выкинула её. Анью несколько раз перевернулась в воздухе, стараясь смягчить падение магией. Языки огня вспыхнули вокруг неё. Искры взметнулись вверх. Угли затрещали. Жар обволакивал тело, льнул к коже, словно соскучившийся любовник. Пламя яростно взвилось, напитанное её магией и злостью.

Ведьма, на свою беду, не всматривалась в костёр, полностью забыв о той, кого несколько мгновений назад швырнула в огонь. Она подхватила клетку с Пэном, направляясь в сторону холма. За ней, хромающей походкой, ушел предводитель пиратов.

Анью вылезла из костра, старательно стряхивая с себя сажу. В волосах трещали молнии. В груди клокотала ярость.

— *Крюгер! Ты разве не помнишь? Ты убила его, чтобы Чернозубка вернула тебе корабль. Для мертвеца он разговаривает и шевелится слишком уж бодро.*

— А выглядит не особо, — Анью размазывала сажу по лицу в безуспешной попытке очистить кожу. — Эта ведьма! Никто и никогда не смел относиться ко мне с таким пренебрежением! Она за это поплатится!

— *Сейчас ты ничего не можешь ей противопоставить! Не дури, Аньюриэль. Вернись к Моки-Токи за зельем.*

— Да знаю я.

Анью, не обращая внимания на работающих пиратов, бежала по вырубке в сторону Моки-Токи. Зелье нужно было добыть как можно быстрее. Вот только расстояние, что раньше можно было покрыть за несколько шагов, сейчас требовало не столько усилий, сколько времени. Времени, которого у Пэна может быть не так много. Что ведьма может с ним сотворить? Анью чувствовала, что где-то за её спиной разгорается огонь. Чужой, рукотворный и яростный.

Она петляла под ногами, будто обезумевшая мышь, неслась между изломанных кустов и сочащихся древесным соком пней. Край рощи уже был рядом. Остался всего один рывок, а там через лес, до Неясеня, и надеяться, что ей скинут ту корзину в которой она поднималась в город вчера.

— *Осторожно!*

Сверху, с жутким криком, пикировала яркая птица. Крупный, загнутый клюв рассёк воздух в том месте, где мгновение назад стояла колдунья. Анью материализовалась из яркой вспышки неподалёку. Птица повернула голову, будто пыталась понять, почему жертва не там, где была только что.

— Кр-рекер! — попугай вразвалку направился к ней.

— Я тебе не еда! — она вскинула руку с посохом, готовясь защищаться.

Небо над головой закрыли два огромных крыла. Сильные лапы прижали попугая к земле. Мощный клюв одним ударом раздробил птичий череп. Феникс неторопливо сложила крылья на спине, с абсолютно независимым видом поправляя растрепавшиеся синие перья на груди.

— Олрэя! — Анью подбежала к птице.

Та в ответ приглушенно курлыкнула, подставляя голову под объятия.

— Вот уж не думала, что ты вырастешь больше меня. Да ещё и так быстро! В первый раз тебе нужно было больше времени, прежде чем твой собственный огонь разгорелся.

Олрэя тихо проклекотала в ответ и накрыла её хвостовыми перьями. Что-то внутри чародейки словно натянулось, резко, почти до боли, и треснуло. Она судорожно вдохнула, чувствуя неприятное покалывание во всём теле. Перья раздвинулись, позволяя ей распрямиться в полный рост. Тут же в лагере поднялся шум. Пираты бросали брёвна и хватались за оружие. Взвился в небо феникс, обдавая землю жаром. Анью взмахнула рукой. Взревело пламя костров. Волна огня прокатилась по вырубке, сжигая врагов.

— Ты хотела пироманта... Сейчас ты его получишь, высокомерная мразь!

Магия ревела одичавшим пламенем в груди. Ему вторил огненный ураган. Всё её тело, всё её существо затопило одно единственное желание — сжечь. Сжечь врага, что посмел насмеяться над ней. Сжечь всё вокруг.

Огненный смерч сомкнулся вокруг, сжался в несколько огненных сфер. Анью медленно втянула носом воздух и выдохнула сквозь зубы. Источник мерзкого запаха гниющего тела был совсем недалеко. Шаг. Вокруг неё кружили клочья пепла. Затем ещё один. Словно раскачиваясь, примеряясь к своим прежним размерам, чувствуя, как текут магия и энергия под кожей. Олрэя сделала круг над пепелищем и полетела в сторону холма, мазнув по плечу колдуньи хвостовым оперением.

Анью резко сорвалась с места. Каждое касание земли поднимало вверх облачка пепла и пыли. За несколько мгновений она достигла края вырубки и помчалась по протоптанной просеке. Пара пиратов, что несли бревно, затормозили, оборачиваясь. Анью швырнула в них пламенный сгусток и побежала дальше, не обращая внимание на вой сгорающих мертвецов.

Просека упёрлась в мост. Шаткую конструкцию, явно сделанную наспех из верёвок и досок, как раз в этот момент перерубили. Колдунья резко затормозила, замерев на самом краю неширокого каньона, что, словно рваная рана рассёк лес. На той стороне горели деревья, а у опор моста стоял предводитель пиратов с саблей в руке. За его спиной топтались несколько рыбакодеёв. Обрезанные веревки колыхались в воздухе. На лице врага, покрытом ракушковыми рачками, появились проблески узнавания.

— Ты! Ты — та девка, что была тогда с Джаной! — лицо Крюгера перекосило от злобы. — Я с тобой поквитаюсь, тварь!

— Ну попробуй.

Анью телепортировалась на другую сторону. Попытка остановить её, перерезав крепления моста, была настолько жалкой, что впору было оскорбиться. Вокруг полыхало пламя, разжигая её ярость ещё сильнее. Волосы на голове приподнялись, растрепавшись в магических потоках. Колдунья уклонилась, сабля со свистом рассекла воздух в том месте, где она только что стояла.

— Вэн аэнье.

Огненная птица расправила крылья, сметая врагов с дороги. Деревья вокруг жалобно трещали, объятые пламенем. Гул огня, крики сгорающей нежити и вой ветра в обгорелых ветвях смешались в отвратительную какофонию, разорвавшуюся грохотом выстрела. Анью вздрогнула и отступила на пару шагов. Пуля пролетела рядом, полоснула по предплечью, разорвав кожу, но серьёзной рана не была.

Быстрее, чем стрелы.

— А ты не такая неуязвимая, как хочешь казаться, — Крюгер ухмыльнулся и достал из-за пояса второй мушкет. — Как видишь, не саблей единой жив.

Пират поднял руку, прицеливаясь. Аньютелепортировалась в сторону, подхватила за ручку чан с полыхающей смолой и швырнула его во врага. Прямого попадания не получилось, но расплескавшаяся смола щедро облила пирата. Крюгер издал жуткий то ли вопль, то ли рёв. Чародейке прежде не доводилось слышать, чтобы такой звук издавало человеческое горло. Враг совершенно забыл про неё, крутясь на месте, пытаясь сбить пламя, но лишь больше размазывая смолу по телу. Плоть покрывалась волдырями, которые тут же лопались, а на их месте кожа чернела, обугливаясь. Воздух наполнился запахом подгорелого мяса. Нормальный человек уже бы умер, но Крюгер уже был мёртв, что сыграло с ним жестокую шутку. Не смотря на тот факт, что сердце в груди человека не билось уже больше месяца, боль он чувствовал и катался по дороге, в отчаянной и безнадёжной попытке сбить пламя. Анью пинком подтолкнула врага к краю пропасти, равнодушно смотря на то, как горящее тело падает вниз. Этого было недостаточно. Злость внутри всё ещё кипела. Пламя заревело, яростно набрасываясь на деревья вокруг. Земля под ногами обращалась пылью, камни раскалились докрасна и трескались.

За холмом обнаружилась высокая статуя женщины из белого камня, окруженная наскоро сколоченными лесами из брёвен и досок. Пираты, завидев её, замерли, растерянно смотря то на колдунью, то на ведьму, что с клеткой в руках стояла возле статуи.

— Ты хотела пироманта? Так вот она я! Спускайся и дерись, ведьма!

Анью собрала пламя с деревьев в округе, сжимая его в сферы и отправила их во врагов. Леса загорелись, словно сухой тростник, часть конструкции обрушилась. Те рыболоды, что не сгорели сразу, в ужасе метались по пепелищу. Чародейку они не интересовали. Внутри всё полыхало от невыносимой ярости. Деревья, постройки, всё вокруг полыхало, будто на этот клочок земли обрушился гнев бога огня Антареса.

— Надо же, — Титуба поставила клетку с Пэном на деревянный пол. — Какой досадный просчёт. Впрочем, ты тоже просчиталась, эльфийка. Я не обычный человек, не думай, что превзойдёшь меня в магической силе.

Ведьма перепрыгнула через перила. Из земли вверх ударил поток воды подхватывая женщину и плавно опуская на землю. Повисло магическое напряжение, настолько мощное, что воздух едва ли не вибрировал. Всё вокруг словно замерло в ожидании сражения магов. Даже треск пламени и плеск воды на мгновение затихли.

— Ну давай сразимся, — Титуба подняла свой посох, сплетая нити магии в заклинание. Её огромный рот растянулся в уродливом подобии ухмылки.

Из белого камня в наверх посоха ударила мощная струя воды. В ответ ей Анью послала поток пламени. Огонь и вода с шипением схлестнулись, разлетаясь в стороны клубами пара. Ведьма создала под собой гейзер, поднимаясь над площадкой и направляя в чародейку десяток ледяных копий. Анью сбивала заклинания молнией и отправила в противницу стаю грозových птиц. Ведьма создала вокруг себя ледяной купол, защищаясь. Щит покрылся трещинами, а затем разорвался на множество мелких осколков, которые, будто рой рассерженных пчёл, устремились к чародейке. Анью взмахнула рукой, обращая лёд в пар.

— Удивлена? — ведьма перекинула за спину рыбий хвост, заменяющий ей волосы. — Я ничуть не уступаю тебе по силе. Тебе, хоть ты и принадлежишь к сильнейшей расе.

— Камень в наверх твоего посоха, — Анью кивнула на оружие в руках противницы. — Это ведь жемчужина Гивены, что ты украли из подводного леса возле острова. Из неё ты черпаешь магию, вот только не для этого они были созданы богиней Гармонии.

— Догадливая, — с досадой в голосе протянула ведьма. — Вот только та жемчужина здесь.

Она достала из ворота нить, на которую, одна за другой, были нанизаны пара десятков магических жемчужин.

— Так вот за что тебя так, — Аньюриэль усмехнулась. — Позарилась на божественную силу, вот и схлопотала проклятие на свою морду.

— Заткнись! Что ты знаешь? Здесь, в острове, сокрыт источник могущественней, чем эти цапки, я верну себе нормальный облик и стану в разы сильнее!

— Вэн аэнь!

Огненная птица расправила крылья, устремившись к ведьме. Та взмахнула оружием, собирая поток воды в гигантскую змею. Существа, созданные магией, сцепились. Вода с шипением обращалась в пар, затопивший всю поляну. Никто не хотел уступать. Влажный разгоряченный воздух наполнял лёгкие, каплями оседал на коже. Магия достигла пика напряжения и разорвалась, окатив всё волной разгоряченного воздуха. Остатки конструкции разлетелись в разные стороны. Титуба на мгновение обернулась, будто хотела убедиться, что всё, что было построено, уничтожено и с удвоенной яростью кинулась в новую атаку. Десятки ледяных копий устремились на Аньюриэль, но лишь впустую пронзили землю.

Титуба резко обернулась, пытаясь найти врага взглядом. Анью появилась рядом и резким движением сорвала с шеи ведьмы нить с жемчужинами.

— Посмотрим, на что ты способна без магической подпитки, — чародейка усмехнулась, создавая несколько огненных птиц.

Противница в ужасе отступила на несколько шагов, защищаясь ледяным куполом. Кольцо пламени сжималось вокруг сферы. Лёд покрывался трещинами. Анью медленно, с наслаждением сжимала магию. Купол разлетелся множеством ледяных осколков. Ведьму откинуло в сторону, она сжалась в комок на обожженной земле. В её уродливых выпуклых глазах читался ужас и осознание неизбежного.

— Поднимайся! — Анью щёлкнула пальцами, отправляя в противницу огненную птицу. Ведьма вскрикнула, покрыла кожу водой, но не поднялась.

— Вставай и дерись! Это что, всё, на что ты способна?

— Пощади... — Титуба пыталась отползти, спастись.

— Куда делась вся твоя хваленая сила? — она с отвращением смотрела на противницу. — Столько украденной магии, а на деле пустышка. И ради этого я сюда бежала?

Ощущение чужой магии за спиной заставило колдунью обернуться. На ветке обгорелого дерева сидела Олрея, держа в клюве кольцо, к которому крепилась металлическая клетка. Длинный, покрытый синим пламенем хвост феникса плавно колыхался в воздухе. Анью потрясенно замерла. Слова, которые она ещё недавно хотела сказать, комом замерли в горле.

— ...ю! Анью! Услышь меня наконец! — даро отчаянно билась в её сознание.

В голове резко стало невообразимо пусто. Чародейка медленно обводила взглядом пепелище, что было вокруг. Обгорелые стволы деревьев, вокруг трупы рыбаков и обломки деревянной конструкции. Вокруг неё были хаос и разрушения, будто здесь было вторжение демонов. Она ведь не для этого сюда бежала... Не для того чтобы жечь и разрушать... Откуда здесь столько огня? Она не сжигать шла, а чтобы спасти друга. Чтобы защитить того, кто слабее.

— Да, я слышу тебя. Кармакул.

Дух ответил на призыв, материализуясь с ней рядом. При виде ведьмы его кулаки

сжались. Он сделал шаг и замер, исподлобья бросая взгляд на чародейку.

— Она твоя. Делай что хочешь.

Анью шагала к кромке леса. Энвиса напряженно следила за происходящим. За спиной с жутким криком умирала проклятая ведьма. Смотреть на это не хотелось.

— Прости, — проговорила колдунья тихо. — Не знаю что на меня нашло. Сейчас я всё исправлю.

Она подняла перед собой руки, выпуская силу. Магия разливалась по лесу, сливалась с пламенем, умиряя его. Огонь подчинился, лесной пожар был остановлен. Олрэя плавно соскользнула с ветки дерева, взмахнула крыльями, сделав круг над пепелищем, и плавно опустилась рядом с ней. В клетке, измазанный сажей, но вполне целый, стоял Пэн. На его лице была непередаваемая гамма эмоций.

— Пэн, — Анью наклонилась, срывая дверцу с петель. — Прости, мне следовало убедиться, что ты в безопасности, прежде чем...

— Это было невероятно! — мококо выскочил из клетки, как камень из пращи. — Ты невероятно сильная! Одолела эту рыбу рожу, всё тут разнесла, да ещё и пожар потушила, который пираты устроили.

— Ну, признаться, я тоже подлила магии в огонь.

Она опустила взгляд в землю. Было стыдно признаться, что в какой-то момент она просто забыла про Пэна. Если бы Олрэя не вмешалась и не забрала клетку, то малыша просто размазало бы ровным слоем по поляне и чудом уцелевшей статуе.

— Это ведьма приказала поджечь лес, чтобы я ей всё рассказал о том, как уменьшиться и где мы живём. Она за Ростком охотилась и поделом ей. Мококо уже не одну сотню лет защищают Росток, что доверили нам Нинав и Тортоик...

— Но никогда прежде силу Первозданного Света не пытались похитить.

Анью обернулась, смотря как из-за обгорелых деревьев выходит дух леса. Глядя на его могучую, покрытую мхом и лишайниками фигуру и раскидистые, ветвистые рога, не оставалось сомнений, что этот дух очень древний и сильный. Колдунья напряглась, не зная, как хозяин этого леса отреагирует на случившееся и её здесь присутствие. Дух медленно приближался к ней, его длинные руки с узловатыми пальцами почти касались пепла, осевшего на земле. Хозяин леса наклонился к ней, проведя кончиком пальца вдоль раны на её предплечье и принялся.

— Давно мне не встречались наследники древней крови. Имя мне Пангорн, я храню покой в этих землях, — дух повернулся к Олрэе, пристально и внимательно смотря на феникса несколько секунд, после чего снова повернулся к чародейке. — Я отдам тебе ключ, что оберегал все эти годы.

Пангорн подошел к статуе, касаясь её и что-то приглушенно бормоча. Чуть ниже ключиц камни раздвинулись, дух что-то взял из тайника и вернулся к ним.

— Возьми и ступай, — он вложил ей в руку небольшой светящийся кулон. — Ты достаточно сильна, чтобы держать свет Творца.

Анью удивлённо рассматривала кулон в форме птичьих крыльев. Пэн подошел ближе, нетерпеливо подпрыгивая на месте, пытаясь увидеть что находится у неё в ладонях. Колдунья аккуратно посадила его к себе на плечо.

— Анью, это же ключ! Понимаешь? У нас уже два ключа! — он дергал её за прядь волос.

— Почему? Почему ты отдал его мне? — она подняла лицо, встречаясь взглядом с

Пангорном. — Это ведь не я смотритель острова, а Пэн.

— Я чту заветы Альдерана. То, что должно случиться — случится. Не волнуйся за лес, маленькая искра, мне хватит сил возродить то, что погибло в пламени, хотя на это потребуется время.

Дух развернулся, возвращаясь в лес. Рядом с ними остановился Кармакул, всё это время державшийся на почтительном расстоянии от более могущественного соплеменника. От его рук неприятно пахло кровью и тухлой рыбой. Дух протянул её последнюю из жемчужин, ту, что была в навершии посоха ведьмы. Анью убрала её и нить с жемчугом в сумку. Что с ними делать она не знала, но, пока это было меньшей из её проблем. На смену бесконтрольной злости пришел стыд. Он тугим комком свернулся в груди, обвил своими щупальцами горло, отчего на языке был неприятный горький привкус.

— Ну чего ты сидишь? — Пэн нетерпеливо топтался у неё на плече. — Пойдём. Ещё один ключ и я наконец-то попаду в сердце Тортоика. Ты же пойдешь со мной? Не волнуйся, я читал, там широкие проходы, даже кокомо пройдут. Хотя насчёт этого синего великана я не уверен...

— Пэн, послушай...

— Но может и он тоже пролезет, надо будет посмотреть. И птицу давай с собой возьмем. Мне она понравилась. А ты не говорила, что у тебя с собой столько товарищей...

— Пэн, — она аккуратно сняла мокомо с плеча и поставила перед собой. — Послушай. Есть кое-что, что я должна тебе рассказать. Это важно.

Анью ненадолго замолчала, размышляя о том, с чего начать, а потом тихо начала говорить. Про демонов, про Второе Вторжение, про Ковчег, Хранителей и эсдо и то, что Нинав, которую так чтут мокомо, скорее всего, была одной из тех, кто сражался с демонами пять столетий назад, про свою миссию, про новые появления демонов. Пэн слушал, потрясенно смотря на неё, и даже не перебивал.

— Я ищу осколки Ковчега. Тот Росток, о котором ты говорил — это тоже осколок Ковчега. Я не была уверена, но ключи пропитаны этой силой. Мне так жаль... но я должна забрать Росток и отнести туда, где демоны его не найдут, понимаешь? Иначе все вы будете в опасности.

Пэн смотрел себе под ноги и молчал. Сейчас Анью очень хотела снова стать маленькой, чтобы можно было подойти, обнять, поделиться тем самым теплом души, поддержать. Не каждый день отнимают смысл жизни. Не каждый способен справиться с таким ударом. А Пэна она, чтобы он не говорил про свой возраст, воспринимала как ребёнка. Шумного маленького ребёнка, которому нужна защита.

Глава 6. Мудрость и Тортоик

*На том берегу
Последний герой.
И я иду
Вслед за тобой.
Я соберу
Всё, что ты не успел.
И я допою,
То, что ты не допел!*

Павел Пламенев — То, что ты не успел

— Мы благодарны тебе, кокомо, за то, что ты сделала для Тортоика и Моки-Токи. Это воистину великий подвиг и мы обязательно подыщем для тебя достойную награду, — бургомистр Корнелиус пригладил бороду и обвёл взглядом совет старейшин. — Но открыть путь в сердце Тортоика я для тебя не могу.

Сидящие рядом старейшины Моки-Токи согласно закивали, тихонько переговариваясь. Пэн, стоящий рядом с ней, растерянно переводил взгляд с наставника на старейшин и обратно. Его идея рассказать другим об угрозе вторжения демонов с треском провалилась. Их выслушали, но не поверили. Или не захотели верить. И это после того, как Пэн, изрядно приукрасив, рассказал им, как она самоотверженно спасла его от пиратов. Впрочем, Таллеан учил Анью не обращать внимание на то, что говорят до слова «но».

— Но это ведь правда!

На вопль Пэна никто не отреагировал. Анью фыркнула. Она изначально ничего не ждала от этой затеи. Мококо слишком уж привыкли к мирной жизни, они и не знали прежде о демонах, Фетрании и других осколках Ковчег. Удивительно, что Пэн поверил ей сразу и безоговорочно.

— Не думай, Пэн, что я обвиняю нашу гостью во лжи, — бургомистр Корнелиус мягко улыбнулся, — О демонах упоминалось в заветах Нинав, она доверила нам Свет и уже пять столетий мы справлялись с его охраной. Собственно именно для этого мы и были созданы — оберегать Тортоик и Росток.

Перешептывания среди старейшин стали громче. Ещё несколько минут назад она была в их глазах героиней, которая спасла остров от жуткой ведьмы и пиратов, а теперь на неё смотрели так, будто поймали на воровстве. От прежнего дружелюбия не осталось и следа.

— Мы не можем отдать ей самое ценное, что есть у нашего народа! — один из старейшин поднялся и обличительно ткнул в неё пальцем.

Остальные поддержали его оглушительным гулом. Анью нахмурилась. Давно она не встречала такого открытого неодобрения в свой адрес, а в Лютерии так и вовсе расслабилась, бессовестно пользуясь покровительством Силлиана.

— Но ведь это нужно для борьбы с демонами, — попытался вступить за неё Пэн.

— Пусть даже она пообещает истребить всех демонов, Росток доверила нам пресветлая Нинав. Мы будем оберегать его от угроз, в том числе, от алчных кокомо.

Снова раздался гвалт одобрения в поддержку старейшины. Казалось, что ещё немного и в неё полетят тухлые овощи или что там у мококо вместо них. Пэн выглядел

обескураженным.

— И что вы будете делать, когда демоны явятся за Ковчегом? — Анью усмехнулась. — Среди вас есть воины?

— Базальтовые стражи справятся с угрозой, если это потребуется, — отмахнулся от неё один из старейшин.

— В сердце Тортоика ещё никогда не ступала нога кокомо, — поднялся другой старейшина. — И не бывать этому!

— Да она просто хочет похитить Росток! — выкрикнула со своего места старушка-мококо.

— Мы не отдадим Росток чужаку! — выкрикнул кто-то с места.

— Глупцы, вы не осознаёте масштаб грядущей войны, — она покачала головой, понимая всю тщетность попыток достучаться до совета старейшин мококо.

— Будет лучше, если кокомо покинет Моки-Токи, — обратился к ней Корнелиус и виновато улыбнулся. — Мы благодарны за помощь, но ничем более поспособствовать не можем.

— Да послушайте же вы... — попытался вмешаться Пэн.

— Нет, Пэн, это ты послушай, — осадил его бургомистр, — Веками Росток хранился в сердце Тортоика. Веками смотрители острова оберегали его покой. Кому, как не тебе, знать об этом. Кокомо покинет город, так решил совет. А тот, кто нарушит заветы Нинав и проводит чужака к сердцу, понесёт наказание.

Пэн опустил взгляд, отрешенно смотря в пол и сжимая кулаки. Анью хмыкнула и молча покинула зал совета, не посчитав нужным попрощаться со старейшинами. Тратить время на этих напыщенных дураков не было смысла. Привыкшие к тихой и размеренной жизни мококо и представить не могли, каково это, когда к тебе домой вторгаются демоны. Нравится им это или нет, но осколок Ковчеха нужно перенести в Тризион. И раз уж Пэн больше не может ей помогать, справляться придётся самой. Радовало, что о возможном наказании они узнали сейчас и товарищу не влетит за то, что взял её с собой.

Аман бы нашел нужные слова, чтобы достучаться до них...

Анью прыгнула с ветки вниз, мягко приземляясь в траву и достала из сумки баночку с зельем-увеличителем — Пэн позаботился о том, чтобы она в любой момент могла стать прежней. На вкус зелье было приятно сладким, кажется, в состав входил мёд.

— *Чего ты ждёшь? Остров не маленький, а нам ещё Ковчег искать.*

— А может залезть на дерево и показать этим зарвавшимся старейшинам то, как сильно они себя переоценивают?

— *Скорей уж, как они тебя недооценивают,* — усмехнулась Энвиса, — *И чего ты добьёшься, разрушив их городок?*

Ничего.

— Пусть сидят на своём дереве. И без чужой помощи справимся. Кроме того, оба ключа всё равно у меня в сумке.

Анью улыбнулась, разворачиваясь спиной к Неясеню, и направляясь в сторону рощи. Голос Нинав в голове усилился. Видимо, она всё делала верно.

— Идея, конечно, была хорошая, — она села на камень, вытягивая ноги, — Но мы ходим

кругами уже который час. Нет никакой связи между громкостью этого голоса и направлением.

— *Значит нужно придумать что-то ещё. Оба ключа хранились в чём-то приметном: улей, статуя. Третий тоже должен быть спрятан на виду. Мы что-то пропустили.*

— А может ну их, эти ключи? — чародейка запрокинула голову, наблюдая сквозь просветы в листве за движением облаков.

— *Решила сдаться?* — удивилась даро.

— Ещё чего! Я не о том. Пэн постоянно говорил, что Ковчег спрятан в сердце Тортоика. Зачем нам искать третий ключ, если можно пойти сразу к сердцу?

— *И как ты планируешь туда попасть?*

— Сердце, если исходить из названия, должно быть либо в центре острова, либо внутри.

— *А ту печать, о которой говорил Пэн, как откроешь?*

— Что-то я не помню, чтобы мне хоть раз попадалась дверь, которую я не смогла бы открыть или сломать. В любом случае, попытаться стоит. Если вдруг мне не хватит силы сломать печать, то мы, по крайней мере, узнаем где вход.

— *Попытаться стоит,* — после недолгого размышления ответила Энвиса.

Анью поднялась на ноги и потянулась всем телом. Казалось, что атмосфера умиротворения, царящая на Тортоике, пробилась и к ней. Хотелось растянуться на траве в тени деревьев и просто наблюдать, как плывут по небу облака. Где-то там в их мир вторгались демоны, но сейчас это казалось каким-то нереальным. Сейчас она стояла одна посреди рощи. Мимо пролетел мотылёк. Так спокойно... Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву, тёплыми пятнами ложились её на лицо.

Внезапно земля под ногами содрогнулась. Лёгкий, едва ощутимый толчок. Аньюриэль непонимающе смотрела прямо перед собой, пытаясь понять, что именно она сейчас почувствовала. Второй толчок оказался значительно сильнее, но магии в этом не чувствовалось.

— Что за...

Не успела чародейка прийти к какому бы то ни было выводу, как земля под ногами затряслась. Закачались ветви деревьев. С громкими криками взлетели в небо птицы. В соседней роще испуганно кричали павианы. Анью обхватила рукой ствол ближайшего дерева, чтобы удержаться на ногах. Казалось, что трясёт весь остров. Пение в голове стало ощутимо громче, практически заглушив остальные звуки. Перед ней вздыбилась земля, с грохотом расходясь глубоким каньоном. Вниз летели комья почвы, камни, кусты и деревья. Из разрыва доносились отголоски сильной магии.

Это же... Ковчег внутри острова.

Всё прекратилось так же быстро, как и закончилось. Пение снова стало тихим, едва слышным. Анью аккуратно подошла к краю каньона, заглядывая вниз. Было непонятно, насколько там глубоко и что находится внутри. Брошенный камень несколько раз громыхнул далеко внизу и затих.

— *Прыгать — плохая идея. Ты не знаешь что там.*

— Ты ведь тоже почувствовала эту магию. Это определённо был Ковчег. Может, получится через эту дыру пробраться внутрь, к сердцу острова?

— *Или встретишь то, что способно разрывать землю и потрясти весь остров. В прошлый раз сила Ковчеха приманила Хранителя, забыла?* — Энвиса всеми фибрами своей души противилась её идее.

— Я стала сильнее.

— *И самоувереннее.*

— Анью! Анью, наконец-то я тебя нашел! — к ней, сидя на спине божьей коровки, подлетел Пэн. — Ты почему одна ушла? Можно было меня подождать между прочим.

— Что ты тут делаешь? Тебе ведь запретили мне помогать, — она протянула ладонь.

Насекомое мягко опустилось на её руку. Пэн спрыгнул с его спины и вскарабкался к девушке на плечо. Жук тем временем расправил крылья, поднимаясь в воздух, и куда-то улетел.

— Я, в отличие от тебя, знаю, где третий ключ. И что за дурацкие вопросы? Мало ли что говорят эти старики, — он пренебрежительно махнул рукой, — Мы же друзья. Мы вместе спасли остров. Ну, вернее ты спасла, но я был рядом и помогал. Я верю тебе, верю, что ты не желаешь нам зла. А теперь пошли за третьим ключом.

— Но тебя ведь накажут, — она неуверенно смотрела на мококо.

— Нашли чем пугать. Да бургомистр всё время мною недоволен и постоянно за что-то отчитывает. Одним наказанием больше, одним меньше — не велика разница. Главное, что у меня появилась возможность сделать что-то по-настоящему важное, понимаешь? Пошли скорее. Нам в ту сторону.

Анью двинулась в указанном направлении вдоль края обрыва. Пэн стоял у неё на плече и смотрел на чернеющий зев пропасти, покачивая головой.

— Нужно поторапливаться. Тортоику всё хуже.

— Ты про этот разрыв в земле? Ты понимаешь что вообще случилось?

— Я думаю, что Тортоику становится всё хуже и хуже из-за Ростка. Пока тебя искал, три новых разлома увидел. Ключи, что оставила нам Пресветлая Нинав, пропитаны Светом, как и Росток. Даже Свет способен разрушать, поэтому нам опасно касаться ключа без лепестка. Это как огонь, он согревает, но мы же не разводим костёр посреди комнаты.

— Не учи меня обращаться с огнём, — Анью усмехнулась, — И ты думаешь, что Ковчег как-то влияет на остров?

— Тортоик — не остров, а великан.

— Что?! — Анью замерла на месте. — Но они ведь погрузились в сон много веков назад.

— Да. Поэтому я и не собираюсь сидеть под боком у бургомистра, слушая брюзжание этих стариков. Они закрывают на происходящее глаза. Это уже не первый разрыв на теле Тортоика. Я думаю, что Росток причиняет ему боль. Ты видела, что случилось с королевой роя, когда ты воткнула в неё булавку? Она ведь тоже покрылась трещинами, а потом умерла.

— Когда я коснулась другого осколка Ковчеха... — Анью задумалась. — Вернее когда его поместил в меня Лютеран, у меня тоже вся кожа покрылась светящимися трещинами. Больно было, я думала что умру. Если бы не отнесла Ковчег Крылатой Хранительнице, то, думаю, моё тело просто не выдержало бы и я бы сторела. Уж не знаю, насколько сильны были эсдо, что могли сражаться с демонами, используя силу Ковчеха, но мне пока до них далеко. А Тортоик вот уже пять веков хранит в себе осколок... До чего же он силён!

— Да, я много читал про него в библиотеке бургомистра. Тортоик сражался с демонами вместе с Нинав. Он был настолько могучим и сильным, что ни один демон не мог с ним сравниться. Его кожа была как камень, а тень настолько темна, что казалось, наступила ночь. Но он был последним из своего народа.

— Я читала, — Анью продолжила шагать вдоль каньона. — Что после Войны Трёх и

Первого Разлома магический баланс Акрасии пошатнулся. Силлины, духи и прочие магически одарённые расы смогли приспособиться, но великаны были слишком большими и зависели от магии намного больше, чем все остальные. Один за другим они погрузились в сон и превратились в скалы.

— Так и случилось с Тортоиком, — кивнул Пэн, — В записях сказано, что после войны с демонами, Пресветлая Нинав передала Тортоику на хранение частицу божественного Света, но он чувствовал, что скоро у него не останется сил, что скоро он не сможет защищать то, что ему доверили. В одиночестве он бесцельно бродил по миру. Все его соплеменники спали беспробудным сном. Это ведь очень грустно, когда у тебя не осталось друзей. Я даже не могу представить, как это...

— Это больно... — неожиданно для самой себя ответила Анью, — Терять тех, кто тебе дорог, это как оторвать кусок от своего сердца. Внутри как бы пустота. Впрочем, это сейчас не так важно. Что было с Тортоиком дальше?

— Отчаявшись и поняв, что сил у него почти не осталось, великан начал звать Нинав и она пришла. Всё такая же юная и прекрасная, с венком из цветов на голове. Она выслушала рассказ Тортоика. Долго рассказывал великан о своей печальной участи, а потом тяжело вздохнул. От этого вздоха родился такой сильный вихрь, что все лепестки с венка Нинав облетели и поднялись в воздух. Едва они коснулись земли, как превратились в мококо. Когда Тортоик увидел их, то понял, что Свет в надёжных руках, он закрыл глаза, а Нинав запела ему нежную колыбельную. Вот так появились первые мококо.

— погоди! Ты хочешь сказать, что твой народ сотворили силой Ковчеха? — Анью растерянно смотрела на Пэна. — Тортоик создал целый народ, используя силу Ковчеха и вряд ли он получил на это дозволение Руфеона... Радует, что Великий Творец давно не обращает внимания на то, что творится в Акрасии.

— Ну, в каком-то смысле да. Нинав рассказывала первым мококо про то, как устроен мир вне Тортоика, и помогала обживаться. Она вырастила Неясень, обучала первых малышей, объяснила, что всем, что растёт на теле великана мы можем свободно пользоваться. А потом Нинав ушла, завещав нам защищать Тортоик. Она оставила доверенных стражей и первого смотрителя, чей долг был наведываться в сердце великана раз в несколько лет и наводить там порядок. Старейшины говорят, что это — наше предназначение и они правы, мы должны защищать его. И я думаю, что эта частица Света, что оберегает Тортоик, причиняет ему боль. Поэтому великан так сотрясается и на его теле появляются эти разрывы. Поэтому Неясень, который связан с Тортоиком, перестал давать семена и в каменной колыбели перестали появляться новые валунчики. И я хочу, чтобы ты забрала Росток из сердца Тортоика.

— Но, Пэн, а как же долг смотрителя? Ты же так радовался, а теперь... Ты же останешься без своего предназначения!

— Всегда есть что-то более важное, чем мы и наши мечты, — он пожал плечами, — Здесь сверни направо, нам к тем скалам. Вот скажи мне, что мы будем делать, если сюда придут демоны? Мы все погибнем и не сможем сберечь Росток. Да, базальтовые стражи сильные, но и они не смогут сражаться вечно. Мы не сбережем Свет своими силами. А ты сильная, ты уже спрятала один такой осколок, тебе хватит сил защитить и второй. Я — смотритель Тортоика, понимаешь? Не Ростка. Я так решил.

Она молча шла по тропинке вдоль скал. Внизу плескалось море. На выступах скал птицы разбили свои гнёзда и теперь шумно перекрикивались между собой, будто обсуждали

недавние события. Чародейка размышляла о том, что услышала от Пэна. Не верилось, что этот остров однажды был могучим великаном и, всего пять столетий назад, сражался с демонами. А ещё её поразило то, как Пэн, на первый взгляд, легко отказался от того, к чему стремился ради блага других. Смогла бы она так? Как бы она поступила, если бы ей пришлось выбирать между долгом и тем, что дорого ей? Анью не была уверена в том, что смогла бы сделать верный выбор и молча бросала взгляды на плечо. Пэн спокойно сидел у неё на левом наплечнике, придерживаясь за прядь волос.

Тропинка вывела их в долину, испещренную руслом множества рек и ручьев. Изредка встречались здесь невысокие корявые деревья, цепляющиеся за каменные выступы. Вода срывалась с уступов небольшими водопадами. Далеко внизу клубился туман, мешая понять, насколько глубокие ущелья. Самым удивительным была гора, что виднелась в противоположном конце долины. Если её можно было так назвать, потому что на вершине каменного хребта лежала гигантская голова, утопая в облаках, словно это были мягкие пуховые подушки. Огромные глаза были закрыты, а каменные губы недвижимы. Тортоик спал.

— Пэн, там голова, — она ткнула пальцем. — Там огромная каменная голова...

— Ага, — он явно не впечатлился, — А вон там ладонь, нам, кстати, на неё надо.

Она обернулась в указанном направлении. Длинный скалистый кряж, что шел слева от них, заканчивался раскрытой каменной ладонью огромных размеров. Настолько большая, что там можно было построить целую улицу с домами, заборами и огородами. Пять длинных и широких пальцев, будто каменные колонны, возвышались над ладонью. Можно было рассмотреть даже что-то напоминающее ногти на кончиках пальцев великана. Река, что текла по руке, наполняла ладонь и пятью широкими водопадами срывалась в пропасть. Вода, в самом буквальном смысле, утекала у Тортоика сквозь пальцы.

— Это просто невероятно! — Анью как замороженная рассматривала каменистую долину.

— Ага. Это каменная колыбель. Здесь рождаются и живут базальтовые стражи. Вон там один на нас смотрит, — Пэн махнул рукой в сторону небольшой группы камней.

Анью присмотрелась внимательнее. Среди огромных валунов, заросших мхом, подозрительно выделялось несколько чистых камней, при ближайшем рассмотрении оказавшихся маленьким элементом.

— Иди сюда, не бойся. Я тебя не обижу, — она опустилась на колени, протягивая руки.

Дух вышел из своего укрытия, внимательно смотря на неё своими светящимися глазами без зрачков. Несколько крупных камней, скрепленных магией, образовывали тело и голову, слепленные из глины и камней, ноги и руки крепились к туловищу. Элементаль был совсем небольшой, едва дотянулся бы ей до колена.

— Не бойся, — она поманила духа.

Тот в ответ сжался, формируя из своего тела что-то наподобие шара и подкатился к ней, а затем снова развернулся. Маленький элементаль с интересом смотрел на неё, аккуратно трогал за руку своими маленькими каменными пальчиками. Словно не дух, а маленький ребёнок, которому показали нечто необычное.

— Малыши у базальтовых стражей появляются очень редко. Это место трясёт чаще всех, видела, вся долина в разрывах. Пойдём, нам надо добраться до локтя, а с него перейти на ладонь.

— Ты очень милый валунчик, — она погладила малыша по голове и поднялась,

прикидывая маршрут. — И очень интересно перекатываешься.

От влажного воздуха волосы слиплись, свисали влажными прядями и липли к лицу. Приходилось прыгать по влажным, покрытым мхом камням, телепортироваться и создавать себе временные мосты, пытаясь добраться до ладони по иссеченной каньонами долине. Солнце медленно опускалась к вершинам гор, отчего по долине ползли длинные тени. Нужно было поторапливаться, иначе она рискует переломать себе ноги, пробираясь здесь в потёмках.

— Слушай, Анью, — Пэн подёргал её за волосы, — Я вот всё спросить хотел, у всех кокомо волосы разноцветные?

— Разноцветные?! Ты сейчас о чём? — она потянула за лиану, прикидывая, можно ли по ней забраться наверх.

— Ну у тебя волосы красные, а эта прядь белая, как свет. Вот и спросил.

— Держись крепче.

Она принялась карабкаться наверх. Ладонь была уже рядом, осталось только залезть на неё.

— Я спросил что-то не то? — тихо задал вопрос Пэн, — Просто у тебя выражение лица такое стало...

Анью ухватила за край ладони, подтягиваясь, поднимаясь и осматриваясь по сторонам. Рядом с глухим шелестом неслась вниз вода. В углублении ладони образовалось небольшое озеро, от которого брали своё начало пять рек, стекающих вниз.

— Не то что бы это было что-то постыдное... Такое бывает не у всех. Но бывает, что у тех, кто много прожил или пережил что-то плохое, светлеют волосы.

— Старой ты не выглядишь, значит пережила что-то плохое? — мокомо нетерпеливо заерзал на месте.

— Эта прядь, — Анью аккуратно убрала волосы за ухо, — Подарок от друга. На память.

— Ого! А разве такое можно подарить?

— Глянь, к нам идёт кто-то.

Анью кивнула в сторону скал. От них отделился огромных размеров каменный элементаль и неторопливо шел к ним. Настолько больших духов земли чародейке прежде не доводилось встречать. Огромное каменное тело, массивная голова, огромные руки и ноги, что по толщине могли бы сравниться с колоннами в королевском дворце Лютерана. Каждый шаг гиганта сопровождался грохотом. Его зелёные светящиеся глаза, без сомнений, следили за ней.

— Это Касфаэль — хранитель третьего ключа, — пояснил Пэн.

— Надеюсь, с ним не придётся сражаться...

Видимо Касфаэль её услышал. На его коже ярким зелёным светом вспыхнули руны, он поджал руки и ноги, отчего стал похож на огромный округлый камень, и покатился на них с Пэном. В отличие от маленького валунчика, этот элементаль не вызывал в груди чародейки волну умиления.

Мелкие камни под ногами задрожали. Анью на мгновение растерялась, но быстро отскочила в сторону, придерживая Пэна, чтобы тот не свалился. Касфаэль, не снижая скорости, скорректировал направление и снова катился прямо на них.

— Да что за остров!

Анью метнулась в сторону, но это откровенно не помогало, дух преследовал их, гоняясь за ними по всей ладони. Пока спасало то, что Анью была меньше и быстрее, но каменное

тело, в отличие от её собственного, не ведало усталости. Ноги и одежда мгновенно промокли. Передвижения Касфаэля поднимали волны, что мешало ей. Дух очевидно играл с ней. При его размерах и мощи, Касфаэль мог выбить из неё обе души одним ударом руки, но по какой-то прихоти решил поиграть в догонялки.

— Сиди тут, — она на бегу пересадила Пэна на дерево.

— Ты куда? — он болтался, цепляясь за черенок листа и пытаясь подтянуться на ветку.

— Надоело бегать!

Анью круто развернулась, поворачиваясь лицом к элементалю, готовясь принять удар.

— *Ты умом тронулась?! Беги!* — Донёсся до сознания испуганный крик Энвисы, — *Он тебя сейчас раздавит.*

Касфаэль несся прямо на неё. Чародейка не собиралась уступать, решительно смотря на огромных размеров валун, стремительно приближающийся к ней. За мгновение до соприкосновения дух замер. Казалось, что ещё несколько миллиметров и холодный камень соприкоснется с её носом. Анью улыбнулась, наблюдая, как медленно распрямляется Касфаэль. Вблизи он оказался ещё больше, чем казался до этого. Она едва доставала ему макушкой до колена.

— Храбрая девочка, — пророкотал элементаль, наклоняясь так, чтобы его лицо оказалось перед ней, — Храбрая и мудрая, не боишься встречать проблемы, хотя и любишь побегать от них.

— Какая есть, — она пожала плечами.

— Ты пришла за ключом, меня предупреждали, — он протянул ей ладонь на которой лежало светящееся кольцо, — Возьми. Ты достойна того, чтобы нести в себе свет.

— Кто предупреждал тебя? — она аккуратно взяла кольцо, пряча его в магическое пространство.

— Птица, горящая синим пламенем, принесла весть о твоём приходе. Тортоик давно ждёт тебя, ждёт ту, кому передаст своё бремя.

— Благодарю, — она поклонилась духу.

— *Прав был Аман, ты совершенно безумная! Это же надо было додуматься!* — бушевала в подсознании даро.

Анью улыбнулась. Как бы там ни было, план сработал. Теперь у неё были все три ключа. Осталось добраться до сердца и перенести осколок Ковчега в Тризион.

— Итак, у нас есть булавка, кулон и кольцо, — Анью держала перечисленные предметы на ладони, — Нинав, как я погляжу, не сильно озадачилась выбором того, из чего сделать артефакты, а просто зачаровала то, что было под рукой.

Можно было бы подумать, что это простые безделушки, если бы не тусклое магическое свечение. Она могла держать их без вреда для себя, так же, как и любой, обладающий хоть какой-то силой. Но для малышей вроде мококо, попытаться взять любой из этих предметов было равносильно самоубийству.

— Пресветлая Нинав создала ключи из своих вещей, — с придыханием ответил Пэн, смотря на предметы в её руке, словно на какие-то сокровища, — Все три ключа у нас, поверить не могу!

Оно и понятно, мококо почитали Нинав больше, чем любого из богов. Хотя, насколько

Анью было известно, эсдо более не появлялась на острове, доверив всю заботу о Тортоике маленькому народцу. С точки зрения Аньюриэль, это был весьма глупый поступок. Мококо не могли защитить даже самих себя, не говоря уже об уснувшем великане. Чем руководствовалась Нинав, принимая решение, было непонятно.

Они достаточно быстро пробирались по плечу к голове. Анью окинула взглядом долину. Вид открывался потрясающий. Долина, полная скал и водопадов, огромная раскрытая ладонь, откуда они поднимались, вершины деревьев и море вокруг. Солнце уже опустилось и касалось своим краем линии горизонта. Её второй вечер на этом острове. Чародейка ненадолго замерла. Неподалёку от «Гордости Лютерии» стал на якорь другой корабль.

— Эй, поторопись пока я молод, — взбунтовался Пэн, — Мы же почти пришли.

— Хорошо.

Они подошли к голове, остановившись перед лицом великана. Анью задумчиво рассматривала Тортоика. Черты лица были очень грубыми, буквально высеченными из камня. Хмурые надбровные дуги выступали над глазами. Рот был большой, с тонкими, едва выступающими губами, крупный нос с горбинкой, мощная нижняя челюсть. Серая каменная кожа покрылась множеством мелких трещин. Великана нельзя было назвать красивым, однако была в его лице определённая величественность древнего и очень могущественного существа.

— Сложи все ключи на этот алтарь, — подсказал Пэн.

Анью подошла к каменному столу, где были высечены руны языка древних: «верность», «храбрость» и «мудрость». Колдунья аккуратно разложила ключи по своим местам, отчего руны засветились.

— Теперь надо спеть колыбельную, — грустно поведал Пэн, — Эта часть — самая сложная. Бургомистр пел мне её, но я постоянно сбегал. Уши у меня не железные... Погоди, я вспомню, как там было.

— Я думаю, что могу спеть эту колыбельную.

Анью прикрыла глаза, вслушиваясь в голос, что пел у неё в голове, повторяя мотив. Колыбельная, что она пела, странным образом успокаивала и, казалось, вместе с мелодией из неё изливается и душевная боль.

— Поверить не могу! Это же песнь Нинав. И даже лучше получается, чем у бургомистра. Гляди! — Пэн нетерпеливо дёргал её за волосы.

Рядом с ними раздался жуткий грохот. Анью распахнула глаза, опасливо делая назад несколько шагов. Огромная голова медленно поворачивалась к ним. Тортоик по-прежнему спал, если судить по закрытым глазам, но по какой-то причине он медленно открыл рот, касаясь нижней губой площадки на которой они стояли.

— Ну, пошли. Путь в сердце открыт.

— Ты это сейчас серьёзно?! Ты предлагаешь идти к нему в рот? — Анью даже с места не сдвинулась.

— Ну да, — Пэн явно не понимал её сомнений.

— Я не знаю как у великанов, но у всех остальных через рот можно попасть разве что в желудок. Мне не сильно хочется быть переваренной.

— Не волнуйся, там безопасно, — Пэн ободряюще похлопал ладошкой по её щеке, — Я читал. Гляди, он как будто нас зовёт.

— Или хочет сожрать, — скептически подметила Анью.

Не то чтобы слова мококо успокаивали. В конце-концов, зрители уже давно не

наведывались внутрь и многое могло измениться. Анью помедлила немного, сосредотачиваясь на своих ощущениях и эмоциональном фоне даро.

— *Как будто ты прислушиваешься к моим советам,* — усмехнулась Энвиса.

Аньюриэль подошла вплотную к открытому рту, вслушиваясь, стараясь различить что-то в едва слышных шумах. По крайней мере, не было неприятного запаха. Она медленно поставила ногу на губу, готовая в любой момент отпрыгнуть в сторону. Тортоик не двигался.

— А на сколько он открыл рот? Мне же не придётся потом выбивать ему зубы, чтобы вылезти.

— Не переживай ты так, опять споёшь и всё. Неужели все кокомо такие нервные?

— Я не нервная, я предусмотрительная, — парировала Анью, уже смелее входя в раскрытый рот.

Внутри было темно, впереди был только длинный каменный туннель. Колдунья призвала Шанти для освещения и двинулась вперёд. За их спиной медленно погружалось в океан солнце, окрашивая небо и море всеми оттенками алого и желтого. Если бы Тортоик мог открыть глаза, то несомненно восхитился бы тому, какой великолепный вид открывается с высоты его роста, но могучий великан спал слишком крепко.

Они продвигались по туннелю уже около получаса. Дорога не разделялась, лишь изредка поворачивала то в одну сторону, то в другую и всё это время плавно уходила вниз. Стены, пол и потолок пещеры были покрыты странным узором из переплетающихся линий. Если верить словам Пэна, то прежде они светились, но теперь вокруг было темно и приходилось полагаться на магическое освещение и помощь Шанти. Дух летел немного впереди, готовый в случае необходимости предупредить об опасности.

Внутренний мир Тортоика не сильно отличался от обычной пещеры. Изредка на стенах росли белёсые грибочки. Анью вспомнились слова Амана, о том, что внутреннее заражение грибами может быть вредно для организма, но предпринимать ничего не стала. Мало ли как отреагирует великан на огонь внутри себя.

— Прежде я думал, что колыбельная Нинав открывается только зрителям острова, а ты знала её, — тихо приговорил Пэн.

— Она звучит у меня в голове с тех пор, как высадилась на остров. Будто знак какой-то или, может, она направляла меня. Кто знает...

— Бургомистр и старшина посмеялись надо мной, а тебя, оказывается, привела сама Нинав.

— Я сама толком не понимаю, почему всё так сложилось. Как говорил мой наставник: «Глаза боятся, руки делают, а ноги идут». Отступать нельзя, да и некуда, — Анью улыбнулась.

— Я и сам столько времени к этому готовился, но почему-то никогда не думал, что на самом деле сюда попаду. Будем надеяться, что я не зря все эти годы получал затрещины от бургомистра. Хотя немного страшно.

— Бояться нормально, главное, чтобы страх не парализовал тебя, а стал силой для действия.

— Ты не только сильная, но и мудрая, — улыбнулся Пэн.

— Это не мои слова — опекун мне часто говорил это.

— Просто всё, что я знаю, это слова наставника и старые записи тех, кто бывал здесь. Всё это так волнительно.

Туннель сделал ещё один изгиб и круто пошел вниз. Анью, придерживая Пэна, скатилась по покатому склону, оказавшись в просторной пещере. В полумраке можно было различить неясные светящиеся пятна. В круг света закатился небольшой белый камень яйцевидной формы, едва заметно светящийся. Анью остановилась, внимательно смотря на странный предмет и не зная, чего от него ожидать. Камень тем временем подкатился к ней ближе, покругил немного и вернулся обратно во мрак.

— Я одна не поняла, что это было... — чародейка медленно двинулась дальше, внимательно вслушиваясь в шорохи.

В тусклом свете духа-светлячка появлялось то одно каменное яйцо, то другое. Одни просто лежали на месте недвижимые и потухшие, другие катались по каменному полу, некоторые кружили на месте, а одно бессмысленно стучалось в крупный прямоугольный камень, вместо того, чтобы просто обогнуть его.

— Я читал о них. Их называют нейроли. Они — порождение мыслей Тортоика, — Пэн внимательно осматривался по сторонам, — Или они сами являются его мыслями...

— Не то чтобы я разбиралась в подобном, — Анью наклонилась, рассматривая потухшего и растрескавшегося нейроля, — Но как-то тут всё нездорово.

Анью распрямилась, создала на ладони сферу света и подняла заклинание над их головами. В каменном чреве Тортоика было что-то похожее на муравейник. Стены и пол были изрыты множеством ходов, из некоторых появлялись новые нейроли и тут же исчезали в другом проходе. У стен и переходов ютились небольшие постройки, напоминающие дома. Возле некоторых стояли или лежали каменные кубы. Она подошла к ближайшему из них. На каменной поверхности можно было различить два рельефных глаза и большой рот. На каменном лице застыло выражение тоски и безысходности.

— Это эозин. Они вроде зрителей внутри Тортоика, следят, чтобы всё было в порядке, — пояснил Пэн.

— Оно разве живое?

Анью присмотрелась внимательнее. У каменного куба оказалась пара непропорционально коротких и кривых ног и длинные руки. Больше всего это существо было похоже на то, что некий скульптор попытался высечь из камня то, что нарисовал маленький ребёнок. Эозин не подавал признаков жизни. Анью толкнула его руку носком сапога, но реакции не последовало.

— Никто из них не шевелится, — Пэн осматривался по сторонам, — Неужели они умерли?

— А ты уверен, что они изначально могли быть живыми? Я не чувствую в них магического ядра.

— В записях, что оставляли прошлые зрители, было сказано, что эозинами движет жизненная сила Тортоика.

Она обвела взглядом унылый пейзаж пещеры. Полуразвалившиеся домики, пожухлые растения, несколько мертвых стволов деревьев, высохший мох. Среди всего этого запустения, словно погибшие воины на поле битвы, лежали каменные зрители. Вокруг кружили нейроли, будто заплутавшие путники. Если это всё отражает внутреннее состояние великана, то можно было смело заявить о том, что Тортоик не здоров.

— Как ты думаешь, если забрать отсюда этот Ковчег, он поправится? — мококо кажется

пришел к тем же выводам, что и она.

— Я не знаю Пэн, — она показала головой, — Я поправилась достаточно быстро, но и проходила с Ковчегом в теле всего несколько дней, а он хранит осколок намного дольше. Куда нам дальше?

— В свитках сказано, что надо идти за нейролями, они движутся к сердцу.

Анью окинула взглядом пещеру. Состояние мыслей Тортоика оставляло желать лучшего. Не похоже было, что хоть один из нейролей куда-то стремится. Те редкие мысли, что двигались целенаправленно, скрывались в небольших узких проходах и норах. Туда мог забраться Пэн, но не она.

— Скажи мне, что ты прихватил то зелье, чтобы уменьшиться.

— Даже если это будет неправда? — аккуратно уточнил Пэн.

Ладно, тогда попробуем пойти другим путём. Она подошла к нейролю, который отчаянно бился о бок каменного стража и приподняла его, помогая. Каменное яйцо ненадолго замерло, а потом шустро покатило в боковое ответвление пещеры, достаточно большое, чтобы она смогла пройти.

— Кажется, получилось.

Анью бежала следом за мыслью Тортоика. Извилистые коридоры изредка расширялись большими залами. То запустение, которое они уже видели, было везде: безжизненные стражи, потерявшиеся мысли, разрушенные дома. Выглядело всё это как город после эпидемии. Пэн молчал, что для него было не характерно, и выглядел очень задумчивым.

— Не волнуйся, мы всё исправим как... — не успела Анью договорить, как споткнулась и растянулась на камнях, едва успев перехватить Пэна, не давая ему расшибиться.

— Ты чего? — мококо испуганно смотрел на неё в щёлку между пальцев.

— Аваар! Наше яйцо сбегает!

Она быстро подскочила на ноги, пытаясь догнать ускользающую, в самом прямом смысле слова, мысль. Нейроль скрылся в небольшой норе. Анью засунула руку следом, пытаясь его поймать, но безуспешно.

— Вот гадство! Нужно искать другое яйцо.

— Не яйца, а нейроли, — поправил её Пэн, — Я видел яйца, когда меня однажды ворон поймал и к себе в гнездо унёс. Еле сбежал от него, но хуже всего было потом выслушивать нравоучения от бургомистра. Я потом месяц чистил загоны для божьих коровок в наказание.

— Это сейчас действительно важно?

Анью осматривалась вокруг. Активных мыслей рядом не было. Куда идти дальше было непонятно. Да и дорогу, пока бежала, она не запомнила. Магический фон вокруг был ровным, так что ориентироваться по нему было бессмысленно. Неприятная мысль, что они заблудились, начала кружить в голове. Припасов, которые у неё сейчас с собой, хватит на какое-то время, поэтому не было смысла паниковать, однако, ситуация была неприятная. Такой роскоши, как потраченное впустую время, чародейка просто не могла себе позволить. Пэн молчал, сидя на её плече. Видимо, тоже не знал, что им делать дальше. Анью с досады пнула в сторону попавшийся под ногу камень. Тот попал точно промеж глаз каменного стража. Эозин дернулся, глаза и отверстие рта слабо засветились.

Глава 7. Сердце

*Так блестит вода,
Когда лунный луч превращает ее в сталь.
Так поет стрела,
Когда тисовый лук выпускает ее в цель.
Так поет война —
Как тысячи ртов, распахнутых в новый гимн.
Так не видать ни зги,
Когда тень любви принимает тебя в плен.*

Немного Нервно — Светлей

Анью аккуратно подходила к стражу. Тот следил за ней взглядом и пытался сказать что-то. Чародейка коснулась его кончиками пальцев, пытаясь создать ментальную связь, но получила лишь слабый разряд энергии в ответ. Судя по всему, страж был на последнем издыхании, если так можно говорить о куске камня.

— Если бы он мог нам помочь, — грустно вздохнул Пэн.

— Если этими существами движет жизненная сила великана, то, может, я смогу подпитать хотя бы этого, — задумчиво проговорила Анью, прикасаясь ладонью к эозину.

Камень оказался шероховатым и, на удивление, тёплым, внутри чувствовалась слабая искра жизни. Маленький огонек едва тлел, готовый вот-вот погаснуть. Колдунья разогнала энергию по телу, прикосновением делясь силой со стражем. Пламя жизни внутри эозина разгоралось, тускло засветились каменные узоры на его теле, зашевелились руки и ноги. Он медленно поднялся, растерянно озираясь по сторонам. Глубокая печаль отразилась на каменном лице.

— Смотритель, — эозин повернулся к ним, его голос был неприятно глухим и скрипящим. — Мы ждали тебя так долго. Как же тяжело говорить...

— Той энергии, что я отдала, не хватит надолго, — предупредила Анью. — Помоги нам пройти к сердцу Тортоика. Мы постараемся помочь ему.

— Ступай за мной, — страж повернулся и двинулся в сторону одного из переходов.

Анью шла следом, стараясь запомнить маршрут. Каменный страж смешно ковылял на своих коротких ногах, длинные руки почти волочились по полу. Он озирался по сторонам и без слов было понятно, как грустно ему видеть свой дом в таком состоянии.

Они двигались по переходам, то спускаясь, то опять поднимаясь. Полумрак и однообразная обстановка делали своё дело — Анью потеряла счёт времени, лишь чувство тяжести в ногах намекало на то, что они идут уже очень давно. Пэн на её плече уставшим не выглядел. Он с удовольствием ел ореховые лепешки, которые захватил в дорогу, и запивал их чем-то из своей маленькой слепленной из глины фляги. Под ногами периодически проскальзывали нейроли, показывая, что они идут в верном направлении. Кроме того, количество безжизненных стражей и построек в этой части было больше, они словно приближались к центру поселения.

— Интересно, а как тут всё было, до того, как Тортоику стало плохо? — задумчиво проговорил мококо, рассматривая унылый пейзаж, что окружал их.

— Тортоик даёт нам свет и жизнь, — проскрипел их провожатый, — Смотрителя давно

не было. Много времени мы ждали помощи. Нейроли сбиваются с пути и угасают, мои братья засыпают и не просыпаются. Искра Света... Сжигает Тортоика изнутри.

Они вошли в большой грот. Высокие стены уходили высоко вверх, теряясь в темноте. Под ногами кучковались мысли Тортоика, пытаюсь протиснуться вперёд товарищей. Своеобразный затор образовался из-за того, что путь перегораживали уснувшие стражи и угасшие мысли. Приходилось аккуратно переставлять ноги, чтобы не наступить на них. Их провожатый, насколько мог, старался на ходу исправить положение, двигая каменные тела своих братьев или подталкивая вперёд те мысли, что светились ярче остальных — видимо, они были важнее других.

— Я был прав, Ковчег нужно унести, чтобы спасти Тортоика. Иначе здесь всё погибнет. Неясень больше не даст новых семян. Больше не будут появляться новые мококо и валунчики. Всё, что есть на Тортоике погибнет, — прошептал мококо.

— Долго нам ещё идти? — поинтересовалась Анью.

— Вам туда, — эозин указал рукой на парящий под потолком кусок скалы, размером с замок. — Это сердце нашего отца, там же сокрыта и частица Света, что он оберегал всё это время.

— Ого! — Пэн, широко распахнув глаза, смотрел на то, как мерно кружит вокруг своей оси каменное сердце великана. — Такое большое... И так высоко. Как нам туда подняться?

— Подняться несложно.

Анью подошла к ближайшему дереву, касаясь ладонью иссохшей коры. Магия наполнила мертвое растение, возвращая его к жизни, заставляя расти и тянуться вверх, а заодно поднимать и их с Пэном.

Само по себе сердце представляло что-то наподобие парящей платформы, заросшей сухой травой с деревом в центре. Анью медленно шла вперёд, удивленно рассматривая последние живые листочки, сохранившиеся каким-то непостижимым образом в этом мрачном унынии.

— Это душа Тортоика, — тихо прошептал Пэн. — Ты только посмотри, она почти засохла.

— А где Ковчег?

Вместо ответа зашуршала сухая трава. Шорох практически сразу перешел в плеск воды и перед ними показалась высший дух. Созданное из воды стройное, гибкое тело и рыбий хвост вместо ног произвели на Пэна неизгладимое впечатление. Он сидел у неё на плече, широко распахнув рот, и во все глаза глядел на водяную красавицу. Анью тоже смотрела на духа, пытаюсь понять, что происходит. Запах соли и водорослей, что она чувствовала, красноречиво говорил о том, что перед ней океанида — высший дух моря. Это было странно, ведь рядом не было источников водной магии. Сердце каменного великана — последнее место, где ожидаешь встретить хранительницу морских просторов.

— Я давно жду тебя, смотритель, — на лице океаниды не было заметно ни толики радости от встречи. — Подойди ближе.

— Это Ассоль, хранительница сердца, — потрясенно прошептал Пэн.

Анью сделала несколько шагов вперёд. Пэн подскочил на ноги, нетерпеливо притопывая у неё на наплечной броне. Цель их пути была так близко. Казалось, осталось лишь протянуть руку...

— Ты не смотритель, — дух окинула её внимательным взглядом. — Ты пришла похитить осколок!

Океанида расправила хвостовые плавники, ударяя хвостом. Струя воды вспорола камень в том месте, где они стояли секунду назад, будто горячий нож масло. Пэн испуганно вскрикнул, не понимая, почему страж сердца так резко переменялась в отношении них.

— Я не позволю тебе украсть Ковчег!

Ассоль крутанулась на месте, собирая воду вокруг себя в поток, и атакуя её со всей яростью, на которую способна стихия. Анью бросилась в сторону, не решаясь атаковать в ответ. Так или иначе, они сейчас стоят на сердце древнего великана, а огонь — стихия разрушения. Да и возразить на обвинения ей было нечего, она и вправду собиралась забрать Ковчег.

— Дай нам объясниться! — она уклонилась от водного потока. — Мы не враги.

Поток на мгновение остановился. На одно краткое мгновение ей показалось, что получится договориться с океанидой мирно. Затем поток раскрутился сильнее, обращаясь множеством ледяных игл. Чародейка вскинула перед собой руку, призывая пламя, защищаясь.

— Мы хотим помочь Тортоику! — закричал с её плеча Пэн. — Росток вредит ему!

Дух не желала слушать. Поток воды с рёвом прокатился по платформе. Анью едва успела увернуться, на секунду останавливаясь возле дерева, хранящего в себе душу Тортоика, и опуская Пэна в небольшое углубление между корнями.

— Сиди тихо. Я разберусь.

Она телепортировалась на открытое место, посылая в противницу сотканых из молнии птиц. Океанида сбила магию водным потоком.

— Я хранила Ковчег все эти годы и должна уступить его ни на что неспособной девчонке?!

— Как ты меня назвала? — раздражение трещало молниями в волосах.

— *Не слушай её,* — попыталась вмешаться Энвиса. — *Она специально тебя провоцирует, чтобы ты ошиблась.*

— Девчонка, — с улыбкой повторила Ассоль, покрывая своё теле коркой льда. — Ни ума, ни опыта, ни силы, а возомнила себя равной великим эсдо. Ступай обратно в свою башню доучиваться.

— Я покажу тебе, на что я способна!

Воздух рядом с ней раскалялся. Магическое напряжение вокруг стало практически осязаемым. Энергия вместе с магией растекалась под кожей, усиливая чародейку. От разгоряченной кожи поднимались волны жара. Волосы трепетали в магических потоках. Анью, словно выпущенный из пращи камень, метнулась к противнице. На руках вспыхнуло пламя. Ассоль легко ушла от удара. Даже покрытое ледяной бронёй тело духа оставалось невероятно гибким.

Анью круто развернулась на месте, посылая в океаниду стаю горящих птиц. Ассоль создала мощную волну, сметая заклинание. Магия окружила чародейку, смыкаясь вокруг ледяным куполом и прорастая внутрь длинными острыми шипами.

— Вэн аэнье.

Огненная птица разбила ледяную ловушку ударом пламенных крыльев и атаковала океаниду. Дух ответила мощным потоком воды. Два заклинания встретились, разрываясь облаком пара. Мощная волна силы пошатнула платформу под ними.

— Арса Рион! — Анью создала грозное копьё, отправляя его в океаниду.

Ассоль закрылась ледяным щитом. Заклинание взорвалось, достигнув купола. Эхо

взрыва прокатилось по гроту, отражаясь от высоких сводов. Откуда-то сверху упали несколько небольших камней. Из облака пыли на неё набросилась океанида. Дух обратила свои руки в длинные ледяные клинки. Анью уклонилась от удара. Хвостовой плавник духа, покрытый льдом и острый, словно лезвие, полоснул её по ноге. Чародейка уклонилась от следующего удара, ударив кулаком в ледяное лезвие, разбивая его. Океанида извернулась в воздухе, отдаляясь от неё. На ледяной маске застыло удивление.

Анью крутанула перед собой посох, направляя в противницу волну пламени. Магия приняла форму табуна огненных коней. Ассоль раскрутилась водяным вихрем, круша заклинание. Вода обратилась множеством ледяных кинжалов.

— Повторяешься, — усмехнулась колдунья.

— Прекратите! — Пэн, размахивая руками, выбежал из своего укрытия. — Вы же так убьёте Тортоика!

Ледяные клинки полетели во все стороны.

— Идиот! — Анью телепортировалась в сторону, подхватывая Пэна.

Вспышкой боли отозвалось плечо там, где в него вонзилось ледяное острие. Чародейка зашипела сквозь сжатые зубы. Ещё несколько просто зацепили её, разрезали кожу и мышцы, но серьёзных ран не было. Океанида бросилась на неё, замахиваясь своим ледяным клинком. Анью отпустила посох, готовясь ударить в ответ. Кровь взметнулась, подчиняясь. Кулак пробил ледяной доспех. Мгновение. Ледяное лезвие замерло у её горла, лишь оцарапав кожу. Её пальцы сжались вокруг магического источника в груди духа. Кровавые путы держали Ассоль, не давая ей пошевелиться. Во второй руке тихо замер Пэн. Анью бросила на него быстрый взгляд — друг был цел, хоть и напуган.

— Что ты такое? — поражённо прошептала океанида. — Такие как ты не должны рождаться...

Слова резанули по сердцу больше любого клинка, всколыхнув старые обиды, которые, казалось, давно перестали её волновать. Анью нахмурилась, сжимая источник жизни духа чуть сильнее.

— Я могу развоплотить тебя прямо сейчас, — холодно ответила она. — Ты далеко от источника своей магии. Сколько времени тебе потребуется, чтобы снова воссоздать собственное тело?

— Только развоплотишь? — удивилась Ассоль. — Ты сейчас можешь полностью меня уничтожить.

— Прекратите, пожалуйста, — твердо проговорил Пэн, хотя Анью чувствовала, как он дрожит.

Анью кивнула, отпуская кровавые путы, доставала руку из груди духа, попутно осматривая ссадины, полученные когда пробил ледяной доспех. Ничего критичного, но если она и дальше будет так часто получать травмы, то целебные мази и повязки быстро закончатся. Океанида убрала клинок, растапливая лёд и внимательно на них смотрела.

— Он, — чародейка подняла повыше ладонь, на которой сидел Пэн. — Новый смотритель Тортоика. Мы пришли помочь великану.

— И как смотритель я принял решение, — мококо отважно посмотрел на океаниду. — Я отдаю Росток Анью, чтобы она оберегала Свет от демонов.

— И что ты будешь делать с силой Ковчега? — дух посмотрела на неё с нескрываемым подозрением.

— Отнесу в Тризион и передам Крылатой Хранительнице, — честно ответила колдунья.

— Да будет так, — Ассоль кивнула Пэну.

Океанида подлетела к дереву, растущему в центре платформы. Каким-то непостижимым образом оно не пострадало во время драки. Ассоль коснулась ствола, едва слышно шепча что-то на языке древних. Дерево засветилось ярким зеленоватым светом. Мощная волна чистой силы прокатилась по пещере. Свет отделился от души Тортока, направляясь к ней. Анью едва успела опустить Пэна на пол. Осколок Ковчега вонзился в её грудь, сбивая с ног, растекаясь болью под кожей. Она ждала, что будет та же агония, что и в прошлый раз, но было в разы легче. От центра груди расползались светящиеся зелёным светом трещины. Свет, словно кровь, пробивался в тех местах, где её ранили. Невероятная мощь, что наполняла её, свернулась вокруг магического источника, резонируя с ним. Анью медленно поднималась на ноги, пытаясь сфокусироваться на том, что творится вокруг, вытирая тыльной стороной ладони потекшую из носа кровь.

— *Как ты?* — участливо спросила Энвиса.

— Надо же, — задумчиво смотрела на неё Ассоль. — Я надеялась, что осколок просто сожжет тебя...

— Жаль тебя разочаровывать, но это не первый осколок Ковчега, что я держу в себе. Тот, которым прежде владел Лютеран, я уже перенесла в Тризион.

— Что ж, пути богов неисповедимы, — пожалала плечами океанида, хотя всё ещё выглядела разочарованной. — Раз они решили, что ты достойна, то кто я, чтобы противиться этому.

— Анью, ты в порядке? — Пэн взволнованно смотрел на неё снизу вверх.

— Да, со мной всё в порядке, — она наклонилась, поднимая мококо и усаживая его себе на наплечник. — Давай выбираться отсюда, а потом я быстро отнесу Ковчег в безопасное место.

Платформа под ногами содрогнулась. Волна силы ударила во все стороны. Ствол древа души наполнялся мощью, тускло светясь в полумраке. Дерево оживало, распускались новые листья. Платформа под ногами покрылась светящимся узором. Светящиеся линии расползались, покрывая стены и пол пещеры. Оживали каменные стражи-эозины, поднимались на ноги, удивленно осматриваясь по сторонам. Покрывались листвой деревья. Всё вокруг стремительно оживало, зазеленела трава и мох. Суетливо забегали мысли Тортоика.

— Что ж, я исполнила волю Нинав, — Ассоль медленно кивнула. — Там, где был мрак отчаяния, теперь появился свет надежды. Отныне забота о силе Ковчега на твоих плечах, девочка.

— Ковчег... Я должен защищать Ковчег... — глухой голос, настолько мощный, что был подобен горному обвалу, раздавался отовсюду одновременно.

— Тортоик. Он пробудился? — Пэн испуганно смотрел по сторонам.

— Если так, то хорошего мало, — Анью озиралась по сторонам, не зная, что ей делать.

— Ты устал, мой бедный Тортоик, — рядом с ними появился призрачный силуэт юной девушки.

Полы длинного белого платья колыхались в потоках несуществующего ветра. В её длинные волосы были вплетены цветы и птичьи перья. Но больше всего поражал её голос — тот самый, что пел в голове чародейки всё время, что она была острове.

— А если снова разлом? Снова демоны? — пророкотал Тортоик.

— Они защитят его, — улыбнулась Нинав, — Твои дети — часть тебя. Они справятся.

Всё будет хорошо. Закрой глаза, мой друг.

— Ты права... Я так устал...

Нинав тихо запела свою колыбельную, становясь при этом всё тусклее, словно вливая магию в эту песню, она тратила собственные силы. За миг до того, как исчезнуть, Нинав посмотрела на Анью, ласково улыбаясь.

— Беатрис! — Анью прикрыла глаза, почувствовав, как магия дернула её куда-то в неизвестность.

Жуткое ощущение, словно её тащит в водовороте, крутит и вот-вот переломает. Аман и Силлиан столько жаловались на якобы дискомфорт при телепортации, но те ощущения ни в какое сравнение не шли с тем, что она чувствовала сейчас. Она вообще не была уверена в том, что к этому можно привыкнуть. Чувство перемещения закончилось внезапно. Её выкинуло на холодный кристаллический пол.

Тризион. Место вне миров и вне времени. Огромная кристаллическая платформа, отделанная золотом, парящая среди звёзд. Жутко и красиво одновременно. Сквозь кристалл она видела голубоватого цвета туман, в котором горели яркими огнями звёзды. Колдунья поспешила подняться на ноги и перейти на металлическую часть — это давало хоть какое-то ощущение пола под ногами.

Звёзды были везде, куда не кинь взгляд. Было жуткое ощущение, что либо платформа кружится вокруг своей оси, либо мир кружится вокруг Тризиона. И в центре платформы стояла она — последняя крылатая лазенис. Беатрис. Анью так и не набралась храбрости спросить у Хранительницы, почему именно её обрекли на заточение, а этот вопрос крутился в голове уже несколько месяцев. Что должна была сделать эта девушка, чтобы её обрекли на долгие тысячелетия в этой тюрьме. Как бы красив Тризион не был, Анью не забывала, что он в первую очередь клетка.

— Я ждала тебя, — мягким голосом проговорила Беатрис, однако выражение её лица никак не выдавало радости очередной встречи.

Хранительница Тризиона вообще не отличалась эмоциональностью в прошлые два раза, когда колдунья была в этом месте. За мягкой интонацией и добрыми словами чувствовалась пустота. Анью было интересно, всегда ли эта лазенис была такой холодной, словно льды Шувьерда или это тысячелетия одиночества так повлияли на неё, но спрашивать подобное было верхом бестактности. Аньюриэль лишь вежливо поклонилась в ответ, подходя ближе к Хранительнице.

Красивая молодая женщина с выражением вежливого равнодушия на лице наблюдала за ней. Выразительные глаза лазурного цвета, пухлые нежно розовые губы, мягкие черты лица, красивая фигура, пара крыльев за спиной. Беатрис вполне могла считаться эталоном красоты. Вот только в глазах не было и искры жизни, а улыбка, словно приклеенная к губам, была пустой. Даже красота одежд лазениса и блеск украшений казались неестественными в этом месте.

— Я принесла ещё один осколок Ковчега.

— Я знаю, — Беатрис всё так же равнодушно улыбалась.

Казалось что в этом месте застыло не только время, но и сама узница. Анью обвела взглядом платформу. Кристалл, золото, звёзды. На небольшом возвышении за спиной

лазенис мерцали гранями несколько кристаллических спилюй. Над одним из них ярко сиял алым осколок Ковчега, что передал ей эсдо Лютеран. Больше ничего примечательного в Тризионе не было. Было до ужаса страшно осознавать, что здесь кто-то живёт вот уже не одну тысячу лет. Не было тут ни мебели, ни каких либо личных вещей. Что можно делать в этом месте долгие годы?

Сходить с ума, наверное...

— Ты готова?

Мягкий голос Хранительницы выдернул её из размышлений. Анью перевела взгляд на Беатрис и уверенно кивнула. Оставалось надеяться на то, что та гамма сочувствия и жалости, что зародилась в её сердце, никак не отразилась на лице. Участь, печальнее чем у узницы Тризиона, нельзя было представить.

Беатрис тем временем расправила за спиной белоснежные крылья. Перья в них мягко засветились, наполняя пространство вокруг магией. Анью чувствовала, как осколок Ковчега покидает её тело. Яркая зеленоватая сфера на мгновение зависла перед Хранительницей, а затем устремилась в сторону и зависла над одним из спилюй.

— Ты хорошо постаралась, юная эсдо. Отныне каменный великан может спать спокойно. Нинав была бы довольна. Но осталось ещё пять осколков. Поторопись, демоны снова проникли в наш мир. Они ищут Ковчег.

— Что с ней стало? — осмелилась задать вопрос Анью. — Что стало с Нинав? Она исчезла навсегда?

Беатрис лишь улыбнулась своей пустой улыбкой и сложила крылья за спиной, давая понять, что отвечать не станет. Колдунья постаралась скрыть всколыхнувшее было раздражение. Было неприятное чувство, что её, словно марионетку, дергают за ниточки. Беатрис знала намного больше, чем говорила ей.

— Я собираюсь в Аньшу. Может подскажешь, где искать? Так будет намного быстрее. Ты же как-то наблюдаешь за миром...

— Ступай, — мягко и одновременно с этим уверенно прервала её Хранительница.

Лёгкий взмах рукой и под ногами у Анью за клубился белёсый туман. Мгновение и появилось жуткое ощущение падения в бездну. Анью крутило в пустоте, словно опавший лист в водовороте. Жутко было от мысли, что она расшибётся насмерть, когда наконец достигнет твердой поверхности. И ещё ужаснее было от мысли, что она может застрять в этом неясном месте и падать в никуда бесконечно. Ещё до того, как Анью решила, какая участь страшнее, её выкинуло из портала на землю.

— Ну неужели нельзя помягче? — она медленно поднималась, потирая отбитый локоть и пытаясь понять, где находится.

Примятая её далеко не изящным падением трава приятно пахла. Лёгкий ветерок приносил с соседних лугов ароматы лаванды и ромашки и незабудки. Прямо перед ней подпирал своей могучей кроной небосвод Неясень. Беатрис отправила её прямо к порогу Моки-Токи.

— Анью, — рядом с ней, зависла крупная божья коровка, на спине которой сидел взволнованный Пэн. — Я тебя почти час дожидаюсь, ты чего так долго? Впрочем, это подождёт. Я всё рассказал бургомистру и старейшинам. Тебя зовут в город.

— Отлично, сейчас соберу всё что надо для той ерунды, чтобы уменьшится и сразу... А может они сами выйдут, чтобы я не ползала по болоту как в прошлый раз? Быстрее будет.

— Не волнуйся, зелье уже готово. Флакончик возле Неясеня. Пойдём!

Пэн нервно дёргал свою божью коровку за усики из-за чего она постоянно резко меняла направление. Анью грустно вздохнула, не понимая необходимости идти в Моки-Токи. Если ты отбираешь у целой расы смысл существования, идти на поклон в их городок не самая лучшая идея.

Нужно научиться говорить «нет». Вот сразу как выслушаю гневную проповедь от старейшин Моки-Токи, так и начну.

В доме бургомистра было шумно, словно в растревоженном улье. В гомоне голосов сложно было вычленить отдельные слова. Однако, стоило им открыть дверь, как разговоры мгновенно стихли. Пэн зашёл первым. Анью проследовала за ним с небольшой заминкой и прикрыла за собой дверь.

— А вот и спасительница Тортоика! — радостно провозгласил бургомистр.

Анью замерла на месте, ошарашенная неожиданно-теплым приёмом. Со всех сторон к ней тянулись руки. Её обнимали, хлопали по плечам. Дискомфорт, вызванный чужими прикосновениями не шел ни в какое сравнение с полным непониманием происходящего. Совсем недавно эти же мококо обвиняли её в желании украсть у них Ковчег, а теперь искренне за это благодарят. Она растерянно посмотрела на Пэна, тот лишь довольно улыбнулся в ответ.

— Разломы на теле Тортоика заживают так стремительно, — бургомистр радостно жал ей руку. — Думаю, через пару дней от них не останется и следа. Без Ростка ничего больше не потревожит сон могучего великана. А в кроне Неясеня появилось сразу три новых семени мококо. Ремесленники чуть не передрались, за право взять себе преемников.

Анью стояла и в полнейшей растерянности слушала, как налаживается жизнь на острове в целом и у маленького народца в частности. Её снова считали героиней, а она совершенно не понимала почему. Ведь она не сделала ничего особенного, ничего такого, что не сделал бы кто-то другой, оказавшийся на её месте. Было странное ощущение, что её просто принимают за кого-то, кем она на самом деле не является.

— Пэн нам рассказал, как героически ты взяла на себя тяжесть ноши Тортоика и что ты унесла Искру Первозданного Света в безопасное место. Он поведал, что тебя благословила на это сама Пресветлая Нинав. Это похвально, — продолжали осыпать её похвалой.

— Мне лестно слышать это, — она медленно пятилась в сторону двери. — Но мне уже пора... Корабль ждёт, а демоны ждать не будут.

— Ох, кто бы мог подумать, что ветер странствий так скоро позовёт тебя в путь, кокомо. В таком случае, совету осталось решить ещё одно важное дело. Пэн, — бургомистр Корнелиус обернулся к юноше, поглаживая бороду. — Как смотритель Тортоика ты принял то решение, которое посчитало верным твоё сердце. Однако, отныне наш остров более не нуждается в смотрителях. Я займу полагающееся мне место среди старейшин, а ты отныне лишаешься своего предназначения и вправе сам выбирать свой путь.

Пэн неверяще смотрел на своего, теперь уже бывшего, наставника. Ему явно хотелось что-то сказать, но он только молча открывал и закрывал рот, нетерпеливо притопывая на месте.

— Что такое, Пэн? — Корнелиус тепло, совсем по-отечески, смотрел на него, — Я не стану удерживать тебя. Пусть никто из нашего народа прежде не становился

мореплавателем, но тебя ведь всегда тянуло на пляж, к морю. Разве ты не хочешь узнать что там, за горизонтом?

— Хочу! Очень хочу! Анью, я могу отправиться с тобой? — Пэн обернулся к ней.

— Со мной опасно...

— Это ерунда! — перебил её юноша, — погоди, я быстро соберусь!

Пэн выскочил за дверь раньше, чем она успела возразить. Анью растерянно хлопала глазами, пытаясь понять, когда успела согласиться на такую ответственность. Всё же малыши мококо вряд ли сможет постоять за себя в случае столкновения с демонами, а это означало, что ей снова надо брать на себя ответственность за чужую жизнь. Анью покривила бы обеими душами, если бы сказала, что ей это в радость, но она так пока и не научилась говорить «нет».

— Ты уж присмотри за ним, кокомо, — Корнелиус остановился с ней рядом, задумчиво смотря на дверь. — Пэн добрый малый, но у него в голове свищет ветер. А мы будем беречь наш остров. Помни, тебе всегда будут рады на Тортоике. Вам обоим.

Следы, что оставались за ней на песке, быстро смывались волнами. Анью уверенной походкой шла по пляжу в ту сторону, откуда шла нить ментальной связи с Буревестником и Игнисом. На её плече Пэн торопливо проверял свои вещи, пытаясь понять, что он мог забыть.

— Не переживай, если вдруг и забыл что-то, это можно будет докупить. — попыталась успокоить его Аньюриэль.

— Ну и где мы купим одежду моего размера?

— Можно сшить. Я когда-то шила платья для кукол. Думаю, для тебя ненамного сложнее, — она улыбнулась.

— Платье?! Ну уж нет, я тебе не игрушка! — возмутился Пэн.

— Смотри, вот наш корабль, — она показала рукой в нужном направлении. — Это «Гордость Лютерии».

— Большой! — авторитетно заметил Пэн. — Он твой?

Анью сдержанно улыбнулась, понимая, что для Пэна даже шлюпка покажется большой, но вслух ничего говорить не стала. Все они для кого-то могут показаться маленькими. Тот же Тортоик наверняка относился бы к ней с той же мягкой снисходительностью, если бы не погрузился в сон. Всегда есть кто-то, кто больше и сильнее чем ты. Анью окинула взглядом галеон, вспоминая Силлиана. Было неожиданно приятно вспомнить, что есть место, где тебя ждут и, наверное, волнуются за тебя. Этот корабль связывал их, словно невидимая нить дружбы, даря душевное тепло. Она только сейчас поняла, как много значит для неё эта дружба и корабль, что стал её символом. Что бы не случилось, она будет беречь эту связь и «Гордость Лютерии», что её олицетворяет.

— Не совсем мой — друг подарил. — пояснила Анью.

— Ого! Тот же, что подарил тебе седые волосы? — Пэн едва ощутимо дернул за прядь волос.

— Нет, — ответила девушка, немного резче, чем того хотела.

Желание продолжать разговор закончилось. Пэн явно почувствовал смену настроения и молча вернулся в перебиранию содержимого своего мешочка. Корабль встречал её

неоднозначной тишиной, едва заметно покачиваясь на волнах. Никто не бродил по палубе. Ветер, дующий с моря, не приносил даже обрывков разговоров. И, тем не менее, сидящей на вороньем гнезде Буревестник не передавал ей никаких сигналов беспокойства, спокойно наблюдая за окрестностями. Анью замерла у самой полосы прибоя, беспокойно смотря на корабль. Наверное, в этот момент матросы должны были увидеть своего капитана и отправить за ней шлюпку.

— *Как-то слишком тихо на корабле*, — подметила очевидное Энвиса.

Никто не спешил за ней. Чародейка раздраженно повела кончиками ушей. Шлюпку не только не спускали на воду, но на палубе вообще никого не было. Анью потянула нить связи с Буревестником, передавая своё беспокойство. В ответ получила образ пустой палубы от духа и абсолютное спокойствие касательно сложившейся ситуации. В чём проблема Буревестник просто не понимал.

— Действительно, чего тут такого, — недовольно буркнула себе под нос Анью, прикидывая как добираться до корабля.

Можно было вплавь, вот только Пэна вполне могло смыть течением, а искать малыша-мококо в бухте... Вариант был отброшен сразу как потенциально опасный.

— Что-то не так? — Пэн нетерпеливо топтался у неё на плече, явно не понимая причины задержки.

— Всё в порядке, — она покачала головой, шагая в сторону корабля.

Волна накатывала на берег, стремительно приближаясь к колдунье. Анью привычным движением достала посох из магической петли за спиной. Взмах рукой, пальцы легко сплели магию в заклинание. Волна, почти коснувшись её сапога, застыла льдом. Девушка сделала первый шаг, едва не поскользнувшись, примеряясь. Дальше пошло гораздо легче, хотя замораживать подвижную воду было немного сложнее, чем воду в озёрах. Пэн завороченно наблюдал за происходящим, тихо сидя на плече.

Ледяная тропа достигла борта галеона, ощутимо толкнув его. Анью магией приманила к себе верёвку, поднимаясь на борт. Из трюма показалась Эйша, встречая её взглядом, полным недовольства, и поджатыми губами.

— Я немного задержалась, но смотрю, всё хорошо. — Анью постаралась улыбнуться, хотя чувствовала недовольство своего старпома.

— Если бунт на корабле — это хорошо, то я — умарский трубадур. — Эйша поднялась на палубу, вытирая руки о фартук. — Кэп, тебя где демоны носили? И смотрю потрепали изрядно.

Старпом оценила её порванную одежду и наспех наложенные повязки. Анью лишь пожалала плечами, не считая нужным вдаваться в подробности.

— Нашла пару зацепок, надо было проверить. Что за бунт?

— Рядом встал торговый корабль с Флечче, они переманили всех матросов к себе. Попытались увести и корабль, но я и твой зверинец им вежливо объяснили, что это очень недальновидно. В общем этот сброд, что нашел для тебя вшивый губернаторишка, похватили пожитки и умчали на торговце. Поздравляю, кэп, мы никуда не плывём потому что нет команды.

— Не вижу проблемы.

Анью взмахнула рукой, призывая Кармакула. Дух заинтересованно осматривал корабль. Из капитанской каюты, забавно переваливаясь на коротких кривых лапках, вышел Игнис и тут же принялся тереться о её ногу, выпрашивая ласку. Колдунья почесывала тёплую

шершавую кожу элементаря.

— Твоих знаний и моей магии вместе с духами вполне хватит, чтобы довести корабль до Аньшу. И вот тебе матрос в подчинение. Будешь обучать его мореплаванию вместе со мной, — она аккуратно пересадила Пэна на плечо к Эйше. — Пэн, это — Эйша, мой старпом. Думаю, вы поладите.

Эйша искоса и очень пристально смотрела на мококо. Судя по тому, как поджались губы девушки, пополнение в команде не пришлось ей по вкусу.

— Я готов начинать. Что мне делать? — Пэн с неисправимым оптимизмом смотрел на старпома и ждал ответ.

— Не попадайся мне под ноги, — старпом бережно сняла малыша с плеча и поставила на палубу, переводя взгляд на своего капитана. — Лучше бы ты завела попугая, честное слово. Кстати, твоя птица улетела.

— Знаю. Всё нормально. Олрея не моя собственность. Она навестила меня перед отлётом, — чародейка взмахнула рукой, магией поднимая якорь. — Эйша, курс на Аньшу. Плывём в том же режиме, что и прежде.

— Да, кэп, — старпом тут же собралась, подбегая к штурвалу.

Анью прислушалась к внутренним ощущениям, ловя чужое присутствие возле корабля. Она подошла к борту, облакачиваясь на перила.

— Покажись, я чувствую, что ты здесь. Есть разговор.

Ледяная корка треснула, разбиваясь на куски. Из воды ударил гейзер, доставая ровно до уровня палубы. На вершине потока держалась океанида. Ассоль, скрестив руки под грудью, пристально смотрела на колдунью, явно не радуясь новой встрече.

— Что ты хочешь обсудить, проклятое дитя звёзд? У меня много дел. — плавники духа трепетали, выдавая раздражение.

~ Такие как ты не должны рождаться. ~

— Хочу отдать тебе это, — Анью достала из магического пространства мешочек с жемчужинами Гивэны, что забрала у поверженной ведьмы. — Им не место в руках людей и не в моей власти снова вырастить вокруг них кельповый лес.

— Благодарю, — Ассоль явно стала чуть добрее к ней. — Я прослежу, чтобы они больше не попали в руки к людям. На то, чтобы вырастить лес потребуются десятилетия... Прежде я сторожила частицу Первозданного Света, ныне я стану стражем острова и буду оберегать покой Тортоика.

Анью кивнула в ответ. Океанида забрала жемчужины и скрылась в волнах, махнув напоследок хвостом. Корабль сам развернулся, подхваченный течением, и направился к выходу из бухты. Анью взмахнула рукой, ставя паруса. Буревестник, не дожидаясь команды, наполнил их ветром. Рядом остановился Кармакул, бросая взгляд на место, что многие годы была его домом.

— Та жемчужина, что была центром твой силы, снова в бухте. — Анью смотрела на медленно удаляющийся остров, — Я могу отпустить тебя.

— Уф, — Кармакул покачал головой и подхватил какую-то бочку, унося её в трюм под аккомпанемент грозных криков Эйши о том, что ей досталась команда бездарей и лентяев.

— Якорь поднят, паруса поставлены. Что дальше? — обратилась к старпому Анью.

— Ты тоже собираешься помогать? — Эйша неверяще посмотрела на неё.

— Я же капитан, а значит, часть команды, — Анью улыбнулась.

Глава 8. Историю пишут победители

*Неумолима боль, как вода.
Чем я, скажи, тебя гневаю?
Я не ловил её неводом,
Я не искал её никогда.
Я просто увидел сон — светлый лик
Будто последний день — хрупкую.
Я испепелял дома и корабли
Только чтобы подать руку ей.*

Немного Нервно — Микеланжело

Беатрис.

Беатрис стояла на краю платформы, внимательно вглядываясь в пространство. Её подопечная отплывала от Тортоика, отправляясь навстречу новым приключениям. Всё шло так, как и было предначертано, так, как предсказал её бог-покровитель Процей. Дитя пророчества справлялась с возложенной на неё ношей.

Взгляд Хранительницы устремился в другое место. Там, где всегда клубились тёмные облака, где волны мёртвого моря разбивались о чёрные камни, стояла крепость. Такая же холодная и грозная, как и скалы, на которых была воздвигнута. В одной из комнат, на влажных от пота простынях, метался во сне молодой человеческий мужчина. Хотя человеком его сейчас мало кто мог назвать. Пепельные, словно седые, волосы разметались по подушке, открывая заострившиеся кончики ушей. Острые когти рвали ткань и царапали гранитные стены. В уголках приоткрытого в беззвучном крике рта виднелись клыки. Проступающие на груди костяные наросты окружали осколок хаоса, тускло мерцающий во мраке комнаты.

Беатрис едва заметно нахмурилась, наблюдая за метаниями молодого дэрона. Если тот путь, что уготован молодой чародейке, до поры до времени был ей известен, то судьба этого мужчины была для неё загадкой. Мудрая, прожившая не одну тысячу лет, лазенис понимала, что в скором времени пути этих двоих вновь пересекутся, но не могла наверняка сказать, что из этого выйдет. Последнее Пророчество не давало ответа на этот вопрос. Как и на тот, почему её бог-покровитель вмешивается во сны этого дэрона.

— Боже, что же ты показываешь ему в этих снах?

Ей предсказуемо никто не ответил. Процей, попав в опалу, был лишен голоса, хотя и мог посылать во снах видения тем немногим, кого посчитал избранными. Во снах, что являлись для Беатрис давно позабытой роскошью. Руфеон лишил её даже такой призрачной возможности отдыха и общения с создателем.

Аман.

Капли дождя стучали по черепичной крыше мельницы. Стихия буйствовала снаружи, громом и молниями выражая свою ярость, сквозняком завывая сквозь неплотно прилегающие доски, бросала сквозь щели брызги холодной воды, словно пытаясь дотянуться

до него. Аман искренне надеялся, что ветхая мельница, в которой они нашли пристанище на эту ночь, не развалится под гневом стихии. То, что творилось снаружи, вызывало в его душе безотчетный страх, будто должно было произойти нечто ужасное. Никогда прежде гроза не вызывала у него такой реакции. Пугающее предчувствие заставляло постоянно оборачиваться на дверь. Что ждёт его там, под дождём?

— Ты ведь знаешь что там.

Мужчина обернулся. Аньюриэль сидела возле магического огня, держа в руках кружку с травяным чаем. Глаза колдуньи едва заметно мерцали в полумраке помещения. Мощный раскат грома потряс небосвод. На мгновение ему показалось, что мельница не выдержит. Девушка даже ухом не повела, полностью игнорируя стихию, буйствующую снаружи.

— Там гроза, — Аман сел возле импровизированного очага, подставляя руки к огню, ловя потоки тепла.

— Не волнуйся, если молния ударит в эту постройку, то я просто впитаю энергию. Нет причин для беспокойства.

Было странное чувство, что он откуда-то знал, что она сейчас скажет. словно это всё уже однажды происходило с ним когда-то давно, будто в другой жизни. Несмотря на близость костра, его всё равно почему-то морозило. Аман наклонился ещё ближе к огню, надеясь согреться. Цепочка на его шее натянулась, напоминая об артефакте. Мужчина расстегнул пару верхних пуговиц на куртке и достал кулон. Прозрачный камень, заключенный в изящную вязь силлинского серебра, красиво отражал свет костра.

— Я совсем запамятовал, — он снял с себя артефакт. — С фетранийской язвой в этих землях покончено — так что возвращаю.

— Оставь себе, — она проигнорировала его протянутую руку и отпила немного чая, довольно жмурясь.

— Но ведь он очень ценный...

— Почему тебе надо вечно со мной спорить? — Анью недовольно посмотрела на него. — Если я сказала «оставь себе» — это значит, что мне возвращать не нужно. Мне будет спокойнее, когда я знаю, что ты защищён от яда и большинства болезней, амадан.

Он растерянно смотрел на артефакт. Цепочка, словно серебристая змея, скрутилась на его ладони, обвиваясь вокруг кристаллита. Слишком дорогая вещь для того, чтобы он мог просто так оставить её себе. Слишком дорогая, чтобы такой как он вообще мог её носить, но с Анью спорить так же бессмысленно, как пытаться повернуть реку вспять.

— Хорошо. Но только до конца путешествия, а после я верну артефакт.

Снаружи вновь сверкнуло и пророкотал гром. Аман вздрогнул. Мерзкое чувство, что там, за дверью, происходит нечто ужасное, только усилилось. Почему его так пугает этот дождь?

— Ты ведь знаешь, что там, но предпочитаешь спрятаться, — она слегка сощурилась, пристально смотря на него. — Прячься, словно мальчишка, который не способен взять на себя ответственность за содеянное.

— Я не понимаю, о чём ты, Анью?

Она ухмыльнулась в ответ так, как делала всегда, когда знала ответ, но хотела, чтобы он сам догадался. Магическое пламя ярко вспыхнуло на краткое мгновение, осветив даже дальние углы, и погасло. Помещение затопило тьмой. Холод мгновенно проник под одежду, расплзаясь по коже, затягиваясь вокруг сердца щупальцами липкого страха, граничащего с ужасом. В темноте напротив него вспыхнули два зелёных огонька.

— Разве ты не должен был взять ответственность за то, что сделал?

Магическое пламя в глазах девушки завораживало. Но то, с каким холодным равнодушием были сказаны эти слова, заставило мужчину отшатнуться. Так Аньюриэль разговаривала с разбойниками и бандитами, с теми, кого собиралась убить...

— Я не понимаю, о чём ты говоришь...

Он медленно, спиной вперёд, отползал в сторону двери. Не было сил отвести взгляд от того, как два зелёных огонька перед ним меняются, становясь золотыми. Яркое золотое свечение расползлось по коже светящимися трещинами. Волосы на голове девушки вспыхнули алым пламенем, голову украшала корона из рогов, кожа раскалилась, превратившись в магму. На месте Аньюриэль находилось жуткое огненное чудовище, лишь отдаленно похожее на человека.

— Что ты наделал?

Волосы на голове существа взметнулись вверх, поджигая стены и потолочные балки. Вместо рта у чудовища была лишь огненная воронка. Кожу обдало жаром. Аман в ужасе смотрел, как пламя подбирается к нему вместе с огненной тварью. Мужчина метнулся к двери, отчаянно пытаясь спастись. То, что могло поджидать его снаружи, не шло ни в какое сравнение с тем, что он оказался заперт в ветхой мельнице с полыхающим монстром. Проржавевший засов не поддавался, словно не желая выпускать его наружу. Существо тем временем воспарило над полом. Огненные волосы шевелились, словно змеи, поджигая всё к чему прикасались.

— Что ты наделал, Аман?

Жуткий голос, словно из бездны, заставлял всё внутри сжиматься от страха. Это существо не было Аньюриэль. Просто не могло ею быть... Аман ударил дверь плечом, пытаясь выбить её. Потом ещё раз. Пламя подбиралось всё ближе. Он уже ощущал этот жар. Одна из огненных прядей скользнула в воздухе в пугающей близости от него. Эта, почему-то, была из белого пламени. Времени на то, чтобы обдумывать подобные странности, не было.

Ещё одна отчаянная попытка выбраться и дверь всё же поддалась. Аман выскочил под проливной дождь, надеясь, что огненное чудовище предпочтёт остаться под крышей. И, судя по тому, как отчаянно оно ревели за спиной, предположение оказалось верным.

Полыхающая мельница освещала окрестности. Вокруг были лишь камни, на которых распростерлись мертвые тела. Женщины, мужчины, даже какой-то мальчик, который казался ему смутно знакомым. Искорёженные обломки доспехов, оторванные конечности и посреди всего этого кровавого месива стоял он сам... Измазанные кровью и изодранные одежды служителя Руфеона пугающе нелепо смотрелись на дэроне. Аман потрясённо смотрел, как медленно поднял взгляд его двойник... Алые глаза сверкнули, отражая свет полыхающей постройки за его спиной. Тишина вокруг стала оглушительной.

Он вздрогнул и резко сел на кровати. Дрожащими руками вытер катившийся по лицу холодный пот. Оставалось надеяться, что он не кричал во сне. Кошмары исправно преследовали его. Оказалось, что от них, как и от самого себя, не сбежать...

Аман вздохнул, опуская ноги на холодные плиты пола. Осталось решить, что он хочет. Уснуть всё равно уже не выйдет. Хотя бы потому, что ночное видение растревожило что-то в нём. Он потянулся к висящей в изголовье одежде, доставая из внутреннего кармана цепочку с кулоном. Силлинское серебро едва заметно светилось в темноте. Холодный металл жег руку, будто хотел прожечь ладонь насквозь. До чего же неуместно смотрелся этот изящный кулон в когтистой лапе дэрона. Демонам не свойственны такие вещи... О том, чтобы вернуть

Аню артефакт, он совсем не подумал... Тогда было совсем не до этого, а сейчас уже поздно. Он не нашел в себе сил даже на то, чтобы попроситься с друзьями. Попроситься с ней...

В груди неприятно кольнуло. Тоска грызла его изнутри, словно какая-то болезнь. Он понимал, что так будет лучше для всех, но всё равно было больно. Если бы он мог сказать, если бы мог объясниться...

Если бы я мог сказать тебе...

Но при мысли о том, чтобы попытаться её увидеть, стало страшно. Аню наверняка разозлилась из-за его ухода, а в гневе она была бессовестно разрушительна. Вспыльчивый темперамент девушки не оставлял надежды на то, что она воспримет его решение спокойно. Хотелось верить, что Силлиан смог сдержать колдунью и никто не пострадал.

Так будет правильно. Так лучше для всех.

Он повторял это себе уже сотни, тысячи раз. И всё равно что-то тихо, едва заметно, словно скреблось внутри, не давая ему покоя. Казалось, что он что-то забыл там, в «той» жизни. Казалось, что именно это странное чувство и не даёт ему спокойно спать ночами, являясь в образе зеленоглазой колдуньи. Казалось, что часть его навсегда была утеряна, оторвана от него, что причиняло практически ощутимую боль.

Взгляд блуждал по комнате. Камин, который он никогда не топит. Плотные шторы занавешивают окно. Письменный стол завален книгами, которые Аман уже почти все прочёл. В основном историческая хроника, но есть несколько сборников легенд и пара словарей. Внимание привлекла чернильница и стопка чистых листов. Там он делал пометки, переписывал важную информацию. Идея, что пришла в голову, могла показаться бредовой, но сердцем он понимал, что должен хотя бы попытаться.

Аман надел штаны и прошлепал босыми ногами к столу. Зажег светильник, подтянул ближе чернильницу и задумался о том, с чего начать. Первая строчка далась с трудом, но дальше слова полились сами, перо порхало над бумагой, снова и снова окунаясь в чернила, передавая его мысли и чувства, обличая их в слова. Мужчина посмотрел на исписанный лист. Он найдёт способ отправить ей письмо. Обязательно найдёт.

Ощущение чужого приближения выдернуло его из размышлений. Аман быстро сложил письмо и спрятал его в карман. В коридоре раздался приглушенный звук шагов. Кармиан зашел в его комнату без стука, как и всегда.

— Не спится, маленький дэрон?

Аман молча пожал плечами, не считая нужным отвечать и комментировать новое прозвище.

— Смотрю, ты уже почти закончил с книгами, — Кармиан взял одну из них с вершины стопки, бегло пролистал и пренебрежительно бросил на стол. — И как тебе?

— Весьма познавательно, хотя на изучение фетранийского наречия и письменности потребовалось время.

— Вот и отлично, а теперь можешь с чистой совестью забыть всю эту чушь, которую прочитал.

— Но ведь... Это же историческая хроника! — Аман растерянно смотрел на книги, не желая признавать их содержимое чушью.

— Глупый маленький дэрон, историю пишут победители. Хотя в этом случае победа величина весьма сомнительная. Что ты знаешь о Фетрании, Аман? — Кармиан присел на край стола.

— Помимо того, что прочитал в этих книгах, — он кивнул на стопки книг. — Я знаю, что демоны вторгаются в Акрасию и убивают тех, кого могут.

— А как бы вели себя люди, если бы им грозило полное вымирание? — демон усмехнулся.

Аман задумался, пытаясь представить себе, как вели бы себя народы Акрасии, если бы оказались на краю гибели. Хотелось верить, что все сплотятся и будут сообща работать, стремясь к общему благу, вот только верилось в это с трудом. Войны между людьми были частым явлением. Силлины, вместе с другими волшебными народами, не ладили с людьми со времён войны Фоден. Лазенисы предпочитали жить скрытно и никак не проявляли себя последние тысячи лет. Тавиры хоть и жили далеко на севере, в ледяных землях, были известны своей тягой к битвам, как и умары. Духи стихий хоть и сторонятся конфликтов, но, в случае войны, скорей всего, примут сторону силлинов, с которыми имеют общую неприязнь к человечеству. Расклад, где начнётся массовая грызня между народами, казался более правдоподобным...

— Мы будем искать выход, способ спастись, — уклончиво ответил Аман.

— Ну так и демоны ищут спасения. Руфеон даровал твоему миру вечное Солнце, на то он и Бог Света. Но Игхарам, что сотворил Фетранию, Бог Хаоса. Он даровал своему миру кроваво-алую Луну. Многие сотни лет она дарила свой тусклый свет детям темного мира, но потом начала угасать. Увы, тот, кто создан разрушать, не может сотворить нечто вечное. Но разве фетранияцы виноваты в том, что их мир погружается во тьму, скажи мне, Аман? Или то, что демонов сотворил другой бог сделало их чем-то хуже, чем люди?

— Не люди первыми напали...

— Верно. Но как бы повели себя эти самые люди, если бы посреди погибающего мира открылся разлом в другой. Перед теми, кто готовился медленно умирать в бесконечной тьме, открыли дверь в светлый, цветущий мир. Мало кто не попытался бы воспользоваться такой возможностью.

— Первое Вторжение, насколько мне известно, мало напоминало попытку мирного переселения.

— Там пролилось немало и демонической крови. Сейчас никто не сможет сказать наверняка, кто атаковал первым. И можно даже не загадывать о судьбе тех несчастных, что остались в твоём мире после того, как Руфеон запечатал разлом силой Ковчега, но тот разлом изменил не только твой мир, маленький дэрон, а и Фетранию — у демонов появился шанс на спасение, появилась мечта. Клань прекратили грызню за ресурсы и попытались снова открыть брешь между мирами.

— Но разве такое возможно? — Аман непонимающе смотрел на светящиеся в полумраке комнаты желтые глаза демона. — Разлом открылся из-за того, что гармония в Акрасии была нарушена и пролилось много крови. Как можно открыть его самостоятельно?!

— Это в твоём мире невозможно, — Кармиан усмехнулся. — А в моём возможно всё. Разлом открыли, вот только не в Акрасию... А в Бездну. Чудовищную, ненасытную Пустоту, что мгновенно вгрызлась в Фетранию, разрушая, разъедая её. Единственное, что хоть как-то сдерживает Пустоту — алая Луна. Но она уже на исходе и день изо дня становится всё тусклее. А теперь скажи мне, святоша, разве заслуживают демоны такой чудовищной участи.

— Не мне судить, — Аман отвёл взгляд.

— «Не суди других и тебя не осудят» — так кажется гласят заветы твоего бога. Удивлён? Я читал священные Писания твоего Ордена. Весьма скучные, должен заметить.

— Я более не принадлежу к Ордену.

— Но всё ещё думаешь как монашка, — Кармиан засмеялся.

— Прекрати!

Аман резко поднялся на ноги. Когти оставили борозды на деревянной столешнице. Кармиан довольно улыбался, наблюдая за его реакцией. Дэрон глубоко вздохнул, взяв эмоции под контроль. Демон недовольно нахмурился в ответ.

— Ну вот... Тебе следует научиться контролировать свою силу, маленький дэрон, или она будет контролировать тебя, но об этом позже. Сейчас я расскажу тебе ещё кое-что, чего ты не найдёшь в этих глупых книжках. Когда раскрылся разлом в Бездну, из него в Фетранию явился Казерос...

Аман резко сел, не зная, как реагировать на подобное. Ножки стула скрипнули по каменным плитам пола, разорвав повисшую тишину. Картина мироздания постепенно рушилась, перестраиваясь и расширяясь.

— Как?! Разве Казерос не демон?

— Не демон. Казерос быстро разобрался с тем, что происходит в Фетрании. Он вызвал Игхараму на бой и победил, разрубив бога надвое. После этого Казерос быстро подчинил себе разрозненные народы Фетрании. Ему служит оракул. Она предсказала, что между Фетранией и Акрасией откроется ещё один разлом, что и случилось. Вот только в отличии от первого раза, тогда демоны были готовы к войне и, если бы не вмешался старик Эвергрейс и другие Хранители, история сложилась бы иначе. Но всё случилось так, как случилось. Эсдо, получившие силу Ковчега, смогли одолеть Казероса и сковали его тело печатями, но дух Казероса отделился от плоти и сумел вернуться в Фетранию до того, как разлом был запечатан. Прошло всего пять веков, а Акрасийцы забыли ужасы войны и опять перестали ценить мир. Вы сами порождаете хаос, что ослабляет печати, сковавшие тело Казероса, отчего его дух и плоть резонируют между собой. Миры снова притягиваются друг к другу. Для фетранийцев это ещё один шанс на спасение. Демонам некуда отступать, ведь позади лишь Пустота. Оба мира сейчас на грани новой войны, каждый должен будет выбрать сторону, к которой примкнёт.

— Почему ты мне в это рассказываешь?

— Потому что ты особенный, маленький дэрон, — Кармиан улыбнулся. — Ты, как и Хранители, несёшь в себе одновременно и Свет, и Хаос. Ты лучше, чем кто-либо другой, способен почувствовать баланс между мирами. Ты способен понять обе стороны. Не только людей, но и демонов.

В стекло кто-то постучал. Аман, вздрогнув от неожиданности, обернулся к окну, недоумевая, кто может стучать так высоко над землёй. Кармиан спокойно встал и прошёл к окну, распахнул шторы и открыл ставни. В комнату влетел красноглазый ворон и уселся демону на плечо. Птица громко каркнула, словно приветствуя их.

— Шайтар, — Кармиан погладил ворона. — Ну и где ты пропал всё это время?

Ворон легонько клюнул демона в щёку и снова каркнул. Кармиан тем временем прошёл к двери. Видимо, урок истории был закончен. Но, почти выйдя в коридор, демон замер.

— Ходят слухи, что когда Казерос разрубил Игхараму, от его тела отделились две искры Хаоса.

— И что ними стало?

— Неизвестно. Это всего лишь слухи.

Дверь закрылась, а Аман продолжал сидеть, обдумывая услышанное. Можно ли верить

Кармиану? У демона не было причин ему лгать, так же как не было причин говорить ему правду. Но, как бы там ни было, в тот момент, когда казалось, что для него всё потеряно, именно Кармиан протяну руку помощи, забрав его с утёса. Кармиан дал ему место, где можно было спокойно разобраться со своими мыслями и чувствами. Пусть это место и не было для него домом, но дома у Амана не было уже очень давно. Его дом остался в далёком детстве. Там, где жили они с мамой, там пахло тушеными овощами, а по вечерам мама рассказывала ему сказки. Кармиан дал ему ещё один шанс, возможность начать сначала, как однажды сделал это для него наставник Барут, бывший в те годы простым странствующим жрецом. Сейчас Аману нужно было понять, как распорядиться этим шансом. Он нащупал в кармане письмо.

Нужно его отправить. Мне нет там больше места. Нужно отпустить прошлое, иначе оно никогда не отпустит меня...

Экстра. Любовь с привкусом рома

*Танцуй, волна бежит на берег,
Волна бежит и что — то бредит.
Танцуй, звезда летит за ворот
И ковш на небе перевернут.
Танцуй, в башке смешались мысли.
Передавай бутылку виски,
Передавай бутылку яда,
Нам больше ничего не надо.
Нам больше ничего не нужно,
От виски кружит, кружит, кружит.
С тобой мне больше здесь не тесно
И ковш на небе стал на место.
Передавай бутылку виски
И ты мои читаешь мысли,
И звезды падают за ворот,
И ковш на небе перевернут.*

Сплин — Танцуй

Всё шло своим чередом. Форт Роял медленно восстанавливался. Работа на верфи шла в две смены. Пару галеонов уже спустили на воду и теперь набивали трюмы товаром, готовясь отправляться в Берн. Появились в порту и первые иноземные корабли. Несколько джонок из Аньшу стали на якорь, а торговцы уже расположились на площади, поражая многообразием привезённого товара: пряности, шелка, фрукты, украшения.

Утренняя суэта города успокаивала губернатора. Приятным теплом разливалось по телу ощущение контроля над ситуацией. Карлос Альваро, чеканя шаг, шел по улицам Форт Роял. Ветер трепал светлые волосы мужчины, полностью сведя на нет все потуги придать опрятности причёске. Внимательный взгляд выискивал любые признаки беззакония или нарушений. Всё было отлично. Стражники несли службу на своих постах, торговцы зазывали горожан, демонстрируя свои товары, горожане вежливо кланялись ему.

Во всей этой идиллии была лишь одна проблема. И она смотрела на него с плакатов о розыске дерзким, озлобленным взглядом. Джана Чернозубка — капитан Чёрного Клыка снова объявилась у берегов Лютерии. О корабле из чёрного дерева, что ходит под чёрными парусами, шептались на каждом углу. И одно дело, когда это болтовня базарных сплетниц и совсем другое, когда вести приносят заезжие торговцы. Пираты у берегов Лютерии, просто фактом своего присутствия, грозили сорвать несколько крупных торговых сделок, на которые Карлос рассчитывал. И контракты эти были нужны не столько ему, сколько Лютерии. Месяцы переписок, бессонных ночей и литры выпитого рома могли обесцениться в одно мгновение из-за одной развязной девицы, что ехидно улыбалась ему из-под надписи «Живой или мёртвой».

Проблему необходимо было решить и как можно скорее. Карлос уже несколько раз выходил в море на «Разящем», обследовал бухты, но результатов это не принесло. Свидетели уверяли, что видели пиратский корабль, но выследить Чернозубку не удавалось. А очень

хотелось потопить эту мерзавку вместе со всеми теми отбросами общества, которых она пригрела у себя на судне.

Представляя сладкий миг триумфа закона над пиратством, Карлос зашел в здание ратуши. Альберто, тут же появившийся в коридоре, вежливо ему поклонился и полусшепотом поведал о том, что прибыл посланник из Аньшу. Губернатор кивнул, изобразил на своём лице самое радушное выражение, на которое был способен, и отправился в свой кабинет, решать очередной вопрос государственной важности.

Последние лучи заходящего солнца ложились на волны яркими бликами. Карлос любил такие вечера. Тихие, спокойные, наполненные приятной прохладой и шумом прибоя. Хотя может быть причина была в том, что вся работа оставалась в порту, а здесь были он и тишина, и можно было просто ни о чём не думать какое-то время... Кто знает? Уж он точно не собирается размышлять о чём-либо. Не сегодня.

Мужчина торопливо расстегнул пуговицы на камзоле, сбрасывая его на песок. Стянул сапог. Следом второй. Стопы мягко погрузились в ещё тёплый песок. Он закрыл глаза, полной грудью вдыхая запах моря, наслаждаясь тишиной и уединением. В эту бухту никто не навещался, так как она считалась частью имения Альваро. Здесь можно было наблюдать, как по утрам поднимается из водной глади солнце, начиная новый день. Здесь можно было лежать на песке ночью и смотреть на звёзды. Или, как сейчас, вдыхать вечернюю прохладу пока солнце медленно скрывается за вершинами сопки.

Рядом с сапогами лёг на песок ремень и фамильный клинок в ножнах. Карлос снял брюки, оставив их возле камзола. Следом легла сорочка. Ветер, дующий с моря, обдавал кожу прохладой и мелкими каплями воды. Мужчина неторопливо прошел в сторону воды, останавливаясь у самого края пляжа, позволяя накатывающим на берег волнам несколько раз лизнуть ноги. Стрекотали в лесу сверчки. В небе пролетела припозднившаяся чайка.

Тишина и спокойствие, которых ему так не хватало днём... Ещё несколько шагов вперёд. Вода, ещё тёплая, приятно принимала его в свои объятия, словно истосковавшаяся любовница. Смешно надулась пузырями ткань кальсонов. Карлос, не обращая на это внимание, продолжал шагать, заходя всё глубже. Когда очередная волна разбилась о грудь, он сделал вдох и нырнул, проплывая пару метров под водой.

Медленно темнел небосвод. Яркой россыпью сияли в небе звёзды. Одна из них вспыхнула и сорвалась вниз, упав за горизонт между морем и небом. Мужчина проследил за ней взглядом. В усталом сознании промелькнула мысль, что можно было загадать желание. Но каких-то особенных желаний у него не было. Неплохо было бы раз и навсегда разобраться с пиратами. Если не в глобальном масштабе, то хотя бы в водах Лютерии. Ну и, наверное, как не устаёт напоминать ему Альберто, можно было бы озаботиться выбором спутницы жизни и наследниками. Впрочем, об этом надо было думать пока звезда падает. Но, как известно, умная мысль часто приходит с опозданием.

Карлос лежал на воде, широко раскинув руки и наслаждался тем, как мерно покачивают его волны. Мышцы, натруженные утренней тренировкой и одеревеневшие от долгого сидения за рабочим столом, приятно покалывало. Определённо надо было чаще позволять себе такой отдых. Умиротворение... Тишина... Уединение...

— Ты живой, блондинчик? У тебя там сейчас всё скукожится! — раздался насмешливый

голос с берега.

Он вздрогнул, засуетился, теряя внутренний баланс и пошел ко дну. Дно оказалось несколько глубже, чем можно было предположить. С трудом вернув себе самообладание, Карлос вынырнул, уже уверенно держась на воде, и обернулся. В полумраке было не понятно, кто сидит на берегу, но женский голос определённо был ему знаком. На то, чтобы добраться до берега много времени не потребовалось, вот только та, что ждала его там никак не относилась к тем, кого Карлос был бы рад видеть при подобных обстоятельствах.

— Ты что здесь делаешь?! — он смотрел на ту, что являла собой корень всех его проблем и не знал, как реагировать.

То ли эта была шутка богов, то ли издёвка судьбы. Джана Чернозубка собственной персоной сидела на одном из камней, крутя в руках его оружие. Сам же Карлос, мокрый, в одних кальсонах, стоял перед пираткой и не мог решить, что ему делать. Звать на помощь — унизительно и бессмысленно. Пытаться наобум вернуть себе оружие — опасно для жизни и опять же бессмысленно. Просто стоять столбом — тоже глупо.

— Как грубо ты приветствуешь недавних союзников, — равнодушно подметила Чернозубка, продолжая изучать его клинок. — Я думала, ты будешь рад меня увидеть.

— Я буду рад увидеть тебя в петле, — парировал мужчина, делая небольшой шаг вперёд.

— Так ты любишь игры со связыванием, — Джана ухмыльнулась, быстро взмахнув клинком. — У него отличная балансировка! Подаришь мне?

— У тебя два своих есть, — Карлос кивнул на оружие пиратки. — Как ты третий держать будешь? Зубами?

— Эх, ты прав...

— Что ты тут забыла, Чернозубка? — Карлос сделал ещё шаг вперёд, натыкаясь грудью на острие своего же клинка и замирая на месте. — Ты разве забыла, что за пиратство в водах Лютерии тебе светит виселица?

Его храбрая бравада вызвала у Джаны лишь усмешку. Конечно, глупо грозить кому-либо смертью, когда ты стоишь безоружный и в одном белье. Карлос уже осознал, что его желание побыть в одиночестве привело к совсем не благоприятным для жизни последствиям, но он не сдастся просто так. Если и предстоит ему погибнуть этой ночью, то он не проявит страха перед лицом врага и уйдёт с честью, как и положено воину.

— Мне светят солнце, луна и звёзды, блондинчик. Мне поют чайки и шепчут волны. Я вольна как ветер. А ты скован своими законами и порядками. За своим аристократическим высокомерием ты не видишь простейших вещей, что доступны обычным людям.

— Очень поэтичная тирада. Я сделаю вид, что проникся, — Карлос даже не попытался улыбнуться. — Вот только честная жизнь намного достойнее пиратства.

— У берегов Лютерии я ничего не украла, — пожалала плечами женщина.

— Помнится, не так давно ты украла галеон.

— Не украла, а реквизировала, — уточнила пиратка. — И я вернула его. Так что предъявить мне ты ничего не можешь.

— Ты украла мою шпагу. Это, между прочим, семейная реликвия, — быстро сориентировался мужчина.

— Ну раз она так тебе нужна — забирай.

Чернозубка едва заметно двинула рукой, металл просвистел в воздухе и клинок воткнулся острием в песок возле его ноги. Карлос, не веря в свою удачу, схватился за рукоятку, чувствуя себя в разы увереннее с оружием в руке. Кто бы мог подумать, что

противница окажется столь глупа, что вернёт ему оружие. Однако женщина перед ним не проявляла никаких признаков враждебности и продолжала сидеть на камне, словно не её сейчас будут арестовывать.

— Ты чего сидишь? — Карлос недоумевал её спокойствию.

— А куда мне торопиться? — Джана посмотрела на него с выражением полнейшего недоумения на лице.

— На эшафот. Я собираюсь арестовать тебя, — Карлос крепче сжал рукоять клинка.

— За что, могу я поинтересоваться?

— Ты — пиратка.

— А ты — зануда. Умирать не входило в мои планы на сегодняшний вечер, если тебе интересно, — женщина поднялась с камня, отряхивая ладонями налипший на плащ песок и не выражая никакого беспокойства относительно сложившейся ситуации.

— С чего это я зануда? И вообще, про свои планы расскажешь на допросе. Так же, как и о цели, с которой ты опять объявилась у берегов Лютерии.

Он атаковал, целясь в плечо, но девушка легко уклонилась, отходя на пару шагов в сторону и едва заметно улыбаясь.

— Я пришла сюда повидаться с тобой. Думала, вдруг ты соскучился по мне...

— Безмерно соскучился... — Карлос снова атаковал. — По виду пиратов, корчащихся в петле.

— Ты такой кровожадный, блондинчик, — она снова уклонилась и отступила ещё на пару шагов, даже не удосужившись достать сабли из ножен. — А ты знаешь, что белая ткань при намокании просвечивает?

— Э? — он растерялся, на мгновение опуская взгляд на свои кальсоны.

Не то чтобы ему было чего стыдиться. Ежедневные тренировки, умеренное питание, да и пловцом Карлос был отличным. Ни одна женщина не могла бы упрекнуть его в плохом телосложении. И всё же выпад пиратки был ниже пояса в самом буквальном смысле. Слова этой бесстыдной девки смутили лишь на секунду, но этого оказалось достаточно. Когда он снова поднял взгляд, в руке девушки оказалось странной сферической формы предмет. Округлая колба с металлическим обрамлением едва заметно поблескивала в полумраке, переливалось мутное содержимое. Он судорожно вздохнул, понимая, что это и что ничего хорошего не будет.

— Вынуждена откланяться. Но я ещё забегу, так что постарайся соскучиться к следующему разу. А пока держи — сувенир из Ардетайна, — она улыбнулась, кидая бомбу между ними.

Снаряд взорвался, выпуская в воздух облако тьмы. Карлос остервенело размахивал руками, стараясь разогнать дым, крутился на месте, ожидая подлую атаку в спину. Но никакой атаки не последовало. Вообще ничего не последовало. Дымовая завеса развеялась, и он остался один на пляже. На песке валялась разбитая склянка и его одежда. Почти вся. Камзол он так и не нашёл...

Если бы Карлоса спросили, что самое трудное в работе губернатора, то он, не задумываясь, сказал бы: «Отчёты». На его рабочем столе высилась гора из разного рода книг учёта. Сведения о ставших на якорь в порту кораблях, поставки и отгрузки товаров,

контракты с моряками и торговцами, деловая переписка, договора, чертежи с верфи и ещё огромное множество разнообразной отчётности. Всё это надо было проверить и подписать. А читать приходилось досконально, проверяя буквально каждую букву и цифру. Увы, привыкшие к попустительскому отношению со стороны прошлого губернатора, рабочие всё ещё пытались утащить хоть что-то, даже если это была какая-то мелочь. Были конечно и те, кто пытался воровать по-крупному, но они быстро попались и отправились приобщаться к полезному труду — мостить булыжником дороги. Остались редкие храбрецы, таскающие по мелочи. Но и до них доберётся рука правосудия, уж он то постарается.

Уже давно стемнело. Все работники ещё с вечера разошлись по домам и сейчас наверняка спали в своих постелях, досматривая десятый сон. Но Карлос был не из тех, кто бросает работу незаконченной. Свечи на столе медленно таяли, бросая на стены яркие отблески. Приоткрытое окно наполняло кабинет приятной прохладой, что помогало не терять концентрацию. Перо скрипело по бумаге, оставляя за собой тонкую полосу чернил. Он бросил взгляд на запись в амбарной книге, сверился с бумагами от торговца, оставил подпись и перешел к следующей записи.

— До чего же скучно ты живёшь...

Он вздрогнул от неожиданности. Перо с едва слышным треском сломалось, оставив в колонке тёмное пятно чернил. Карлос медленно обернулся на голос, потянувшись рукой к клинку.

Джана сидела на подоконнике и более чем довольна улыбалась. Взгляд губернатора зацепился за красный камзол. Его камзол. Эта бессовестная пиратка щеголяла в его одежде. В одежде с вышитым семейным гербом Альваро.

— Сними его немедленно!

— Прямо так сразу?! — улыбка Джаны стала ещё шире. — Может сначала небольшую прелюдию?

Карлос открыл было рот, собираясь ответить что-то про эшафот. Потом смысл слов пиратки дошел до погрязшего в работе сознания. И он замер, не зная, как отреагировать на подобное, в высшей степени возмутительное, заявление. Пользуясь его растерянностью, Джана прыгнула с подоконника и прошла вглубь кабинета, безошибочно найдя бар.

— А у тебя тут внушительный арсенал, — она с интересом осматривала бутылки. — Якорь мне в плотку, этому вину же не меньше ста лет. Я, конечно, догадывалась, что аристократишки любят такие вещицы... Вот объясни мне, в чём смысл так жить?

— Объясни мне, что ты делаешь в моём кабинете?! — вспыхнул губернатор. — Так в петлю не терпится, что сама пришла?

— Да что ты заладил всё одно и то же? — Джана обернулась к нему, недовольно упирая руки в бока. — Просто решила заглянуть по старой дружбе. Я думала ты успел соскучиться с момента нашей прошлой встречи.

— За три дня?! — возмутился Карлос.

— Это были очень долгие три дня. И очень трезвые, — она достала из бара бутылку рома. — Составишь компанию?

— Ты что берега попутала?! И вообще, как ты прошла мимо охраны? — он извлёк клинок из ножен, пытаясь выгадать подходящий момент для атаки.

— Да это и не сложно было: твои патрульные там в карты играют, — она, не обращая внимания на клинок в его руках, достала из сервиза пару бокалов.

Карлос обомлел от такой наглости, молча наблюдая, как Чернозубка хозяйничает в его

кабинете. Эта странная женщина полностью игнорировала тот факт, что он собирается с ней сражаться. Нападать на вооруженную лишь бутылкой женщину Карлос не мог. Или не хотел... Он понимал, что перед ним пират. И не просто пират, а капитан целой пиратской флотилии. Но сейчас в её руках не было оружия. Долг губернатора и воспитание аристократа отчаянно боролись внутри него. Казалось, что верного решения в этой ситуации просто нет...

Карлос вспомнил отца и попытался понять, как бы он поступил в такой ситуации. Отец никогда не поднимал руку на женщину. Это стало решающим фактором. В конце концов, ему же не обязательно сражаться с Чернозубкой. Он просто подгадывает момент, когда она потеряет бдительность, и повяжет её. Сабля медленно вернулась в ножны.

— Наконец-то ты готов к продуктивной беседе, — Джана очаровательно ему улыбнулась.

— Мне не о чем говорить с пиратами.

— Опять ты затянул эту шарманку... — она покачала головой, сгружая все документы в одну кучу и освобождая стол. — Я к нему со всей душой. Пришла его проведать, рассказать свежие слухи, что по миру ходят...

— Ты пришла сорвать мне торговые сделки и посеять панику среди рыбаков, — перебил её Карлос.

— Ну, все мы не без греха. Но это я не специально. Это всё шлейф моей репутации, — она пожалала плечами, разливая ром по бокалам. — Присоединяйся. Сегодня ты мой собутыльник.

— Ты собралась пить ром из бокалов для вина?

— Надо уметь жить красиво, — Джана улыбнулась.

— Я отказываюсь, — Карлос скрестил руки на груди, не одобряя всем своим видом эту идею.

— Ладно, тогда я предлагаю заключить сделку...

— Отказываюсь.

— Ты же даже не дослушал! Дай мне договорить. Так вот, я предлагаю заключить сделку. Ты пьешь со мной. Но не просто пьешь, а мы поиграем. Будем угадывать друг о друге правду. Если выиграешь ты — верну тебе твою тряпку.

— Ты заключаешь со мной сделку на мой же камзол?! — изумился мужчина.

— А что такого? С королём же сработало, — она явно не понимала суть претензии.

— Откуда в тебе столько нахальства и наглости?! Да по тебе виселица плачет!

— А что ты хочешь? — она посмотрела на него со смесью любопытства и насмешки в глазах.

— Посмотреть, как ты дёргаешься в петле. Тогда в водах Лютерии наконец-то наступят мирные времена.

— Да ты, блондинчик, оказывается, садист, — она разлила по бокалам ром. — Ладно, если выиграешь — можешь отправить меня под суд. Даю слово. Идёт?

В такое просто не верилось. Выглядело это слишком просто. Он всего лишь должен выиграть в какую-то игру. Конечно, вряд ли Чернозубка пойдёт в камеру просто и мирно, как это сейчас обещает. Но всё же это шанс. К тому же, будучи пьяной, она однозначно потеряет бдительность.

— Идёт, — он сел за стол, беря в руку бокал. — Что за игра?

Судя по тому, как растянулись в довольной улыбке губы пиратки, во всём этом действе

явно была подоплёка. Карлос глубоко вздохнул, готовый к этому противостоянию.

— Всё предельно просто, блондинчик. Мы по очереди угадываем факты друг о друге. Если угадал — пьёт соперник. Не угадал — пьешь сам. Кто останется самым трезвым, ну или менее пьяным, тот выиграл.

— Значит, чтобы победить, мне нужно просто перепить тебя?

Ему было разве что не смешно от таких простых условий. Уж чего, а рома Карлос мог выпить много и сохранить при этом трезвость суждений и координацию движений. Это ведь так просто — дожидаться пока пиратка захмелеет и расслабиться. И уж тогда рассвет Чернозубка встретит в петле.

— Дамы вперёд, — он галантно уступил право первенства.

— Каждый день на рассвете ты тренируешься на том пляже, — Джана улыбнулась.

— Ты же не угадываешь...

— Разве это не правда? Пей.

Карлос сделал глоток, чувствуя, как алкоголь обжигает горло. Джана, случайно или намеренно, вытащила из бара что покрепче.

— До дна, блондинчик.

От её самодовольной улыбки становилось плохо. Карлос скептически посмотрел на соперницу, потом перевёл взгляд на бутылку. Если опустошать по полбокала за тур, то рома надолго не хватит...

— Ты на ходу правила придумываешь?

— Нет, — в её глазах появился озорной блеск. — Пей.

Карлос опрокинул в себя оставшееся в бокале. Джана тут же снова наполнила его ромом до середины.

— Пей.

— С чего это?! Сейчас мой черёд угадывать!

— Ты предположил, что я додумываю правила и ошибся. Пей, блондинчик, — Джана поставила локти на стол и оперлась подбородком на ладони, безмерно довольная собой.

— Посмотрим, кто будет улыбаться в конце, — Карлос решительно глянул на свою противницу и выпил ром, тут же налив себе ещё.

— Из всего алкоголя в твоей коллекции, ты предпочитаешь медовый ром из Берна.

Карлос залпом выпил третий бокал. В горле ощутимо жгло от алкоголя. Становилось очевидно, что Джана явилась к нему подготовленной. А ещё он понимал, что, кроме общеизвестных фактов, не знает о женщине перед собой ровным счётом ничего. Ощущение предстоящей лёгкой победы улетучилось.

— Ты следила за мной.

— Снова не угадал, — она хихикнула. — Как будто мне заняться больше нечем...

Карлос злобно зыркнул на обнаглевшую пиратку и выпил ром из бокала. Джана долила ему алкоголь. Она улыбалась так, словно уже праздновала победу. Он нахмурился, пытаясь понять, это начало гудеть на улице или у него в голове? Внезапно вспомнилось, что он так погряз в работе, что забыл про ужин и, кажется, обед. Напиваться натошак было очень плохой идеей. Он хмелел намного быстрее, чем мог предположить, в то время как соперница всё ещё была трезва. Неприятно было признавать, но себя он явно переоценил.

— Единственный человек в Форт Роял, которому ты полностью и безоговорочно доверяешь — твой дворецкий Альберто.

Даже не дожидаясь его реакции, Джана подвинула бокал по поверхности стола к нему.

Карлос скрипел зубами от подступающей злости. Как он вообще мог подумать, что сделка с пираткой может быть в его пользу?! И тем более было непонятно, зачем всё это этой нахальной женщине. Он залпом опрокинул в себя ром, потом старательно сосредоточился на своём ощущении пространства, пытаясь наполнить бокал заново. Получалось плохо — то руку вело, то сам бокал почему-то уползал от него по столу. Джана хихикнула и перехватила его руку своей, помогая налить ром. Кожа на её ладони оказалась обжигающе горячей и не по-женски мозолистой.

— Ты вот сейчас тут мне зубы заговариваешь, а твои люди грабят мои пакгаузы, да? — он с обидой посмотрел на свою собутыльницу.

— И снова ты не угадал, блондинчик, — она покачала головой. — Какого же ужасного ты мнения обо мне...

Он нахмурился. Единственная зацепка, которая могла быть верной, оказалась ошибкой. Он снова выпил, поставил бокал на стол и пристально посмотрел на женщину перед собой, пытаясь уловить хоть какой-то намёк на причину в её ускользающем образе.

— Что ты тут делаешь?

— Сейчас мой черед задавать вопросы. Блондинчик, я тебе нравлюсь?

— Пей, — Карлос подтолкнул к ней бокал, довольный тем, что наконец-то хоть один раунд за ним.

На мгновение показалось, что Джана разочарованно вздохнула, но Карлос не мог быть уверен в этом. Слишком сильно шумело в ушах. Пиратка спокойно опустошила бокал и тихо поставила его рядом с другим.

— Бутылка закончилась, а играть дальше мне стало не интересно, — она встала, поправляя на себе красный камзол с вышитым на нём золотой нитью гербом — выпрыгнувшей из воды рыбой-парусником.

— Я ещё не проиграл! — он попытался встать и перегородить путь пиратке.

Ноги неожиданно подвели, колени подогнулись, будто вместо суставов там оказалась вата. Карлос рухнул обратно на стул.

— Ты пьян, а я победила, хотя и проиграла. По правилам я имею право на свой приз, блондинчик, — Джана смотрела на него с плохо скрываемым торжеством.

Карлос изо всех сил пытался вспомнить, на что они спорили. Он точно знал, что собирался отдать эту наглую девку под суд. Но вот что запросила Джана? Карлос, хоть убей, не мог вспомнить, на что спорила Чернозубка. Не мог же он быть настолько глуп и самонадеян, что не уточнил, что пиратка запросит за свою победу. Или мог?

Пока мысли хаотичным потоком метались в его голове, Джана перегнулась через стол, схватила его обеими руками за ворот рубашки и резко прижалась своими губами к его. Карлос от растерянности попытался что-то возразить, но лишь позволил её языку проскользнуть в свой рот. Мягкая, солёная с привкусом рома. Она опьяняла гораздо быстрее, чем любой алкоголь, но стоило ему поддаться на эту, несомненно, бесстыдную провокацию, поцелуй разорвался, а Джана, словно дикая кошка, исчезла в окне, оставив ему лишь растерянно смотреть ей вслед.

Всё шло своим чередом. Дни сменяли друг друга, одна работа сменялась другой, круговорот бумаг на его столе пока так и не закончился... Карлос растерянно посмотрел на

окно за своей спиной. На улице было уже ощутимо прохладно, ему приходилось надевать шерстяной жилет, но Карлос продолжал держать по вечерам окно открытым и топил камин. Что он ждал от этого своего действия, он и сам не мог понять. Однако ночная гостья больше не появлялась с того раза. На следующее утро после проигрыша, губернатор, несмотря на сильнейшее похмелье, перетряс весь порт, а потом и всё побережье. Ничего не украли, пиратов нигде не было. Лишь несколько рыбаков подтвердило, что видели корабль из черного дерева под чёрными парусами, отплывающий от берегов Лютерии ранним утром.

Чернозубка ушла... Карлос испытывал по этому поводу смешанные эмоции. С одной стороны, всё шло отлично: торговцы и рыбаки успокоились, мирная жизнь вернулась в эти воды. Но какая-то затаённая тоска заставляла мужчину каждый вечер открывать окно в ожидании неизвестно чего. Сам себя он успокаивал тем, что жаждет поквитаться за тот проигрыш. Однако Альберто, принося ему ужин или подкидывая дрова в камин, лишь тяжело вздыхал и качал головой, смотря на молодого губернатора. Мало кто мог знать Карлоса Альваро лучше, чем человек, который его вырастил. Эта неожиданная перемена не могла укрыться от не по-старчески зоркого взгляда. Как и тот факт, что бар в кабинете губернатора теперь был заполнен исключительно элитными напитками, но ничего из этого не предлагалось гостям.

Дни шли, сливаясь в недели. Недели сменялись месяцами. Шерстяная жилетка сменилась шерстяным пледом, а потом снова вернулась. Карлос упрямо оставлял окно открытым. Покрывались пылью дорогой медовый ром из Берна, рисовая водка настоящая на змее, из Аньшу, забористая загорская цветочная бражка и коллекционные вина из погреба резиденции Альваро, многие из которых стоили целое состояние.

С наступлением весны, Карлос начал ловить себя на том, что порой сидит и задумчиво смотрит в стену. Внутри поселилось странное опустошение, причин которому просто не было. А ещё он всё чаще засматривался на листовки о розыске, подмечая несоответствия с оригиналом. И взгляд у Чернозубки был другой, и черты лица мягче, и улыбка была совсем не такая злобная и надменная, а скорее по-женски лукавая. То и дело он прокручивал у себя в голове их последний разговор. И каким чудом в хмельной голове отпечаталось каждое слово? Мерзкое ощущение недосказанности грызло его изнутри.

К чему был тот пассаж... Зачем он это ляпнул? Верно говорят, что пьяный говорит прежде, чем голова думает. Сказал бы он так на трезвую голову?

Карлос поднялся из-за стола, понимая, что сосредоточится на работе у него не получается. Нужно было вдохнуть немного свежего воздуха. Он твердым шагом вышел из кабинета.

— Найди мне художника, надо перерисовать листовки. Они не эффективны, — бросил он на ходу Альберто и направился в сторону пляжа.

Тихий шелест волн успокаивал. Давно Карлос не выходил в море. Ему не хватало этого ощущения мерно покачивающейся палубы под ногами. Не хватало свободы. Накопившаяся за месяцы усталость давала о себе знать. И в то же время рассудок осознавал, как много держится на нём одном. У него нет права на безделье. От него ведь так много зависит.

Шорох в кустах привлёк внимание. Карлос на мгновение замер, делая вид, что поправляет камзол. Позади кто-то явно был. За ним следили. Он продолжил путь как ни в чём не бывало, при этом полностью готовый к нападению. Мысленно губернатор прикидывал, кто мог послать за ним убийц. Врагов у новой власти было не мало. Были и те, кто с выгодой для себя жил при регенте-самодуре, а с приходом короля Силлиана положение

вещей переменялось. Многих молодой король лишил привилегий и нажитого, далеко не честным трудом, имущества. А что может лучше подкосить власть, чем прекращение международной торговли, которую, собственно, контролировал Карлос Альваро?

Да и у семьи Альваро хватало врагов, не говоря уже о самом Карлосе, который своими жесткими порядками перешел дорогу не одному вору и контрабандисту. К неприятному удивлению, оказалось, что потенциальное число недоброжелателей стремительно приближается к паре сотен.

Так или иначе нужно было выяснить что нужно его преследователю и на кого он работает. Карлос, делая вид что просто наслаждается прогулкой, свернул на тропинку, ведущую к мысу. В том месте, где дорога огибает небольшой уступ скалы он на мгновение ускорился и спрятался за грядой камней. И минуты не прошло, как на тропинке показался преследователь. Вот чего Карлос не ожидал, так это увидеть чумазого мальчишку лет двенадцати. Он распрямылся и вышел на дорогу, с откровенным непониманием смотря на это недоразумение, лишь по ошибке принятое им за преследователя.

— Тебе чего надо?

Малец явно не отличался самообладанием и красноречивостью. Он сначала побледнел, потом покраснел, а потом и вовсе попытался сбежать. Это показалось подозрительным, и Карлос побежал следом, довольно быстро нагнав того, кто сам не так давно был преследователем. Юный соглядатай сдаваться без боя не собирался. Он со всей своей мальчишеской прытью махал руками и лягался, сопротивляясь пленению. Пришлось пожертвовать поясом, чтобы скрутить паренька.

Карлос поднапрягся, закидывая на плечо свою добычу. Мальчишка всё ещё дергал ногами, пытаясь ударить его коленками побольнее и осыпал ругательствами. Такие речевые обороты можно было подхватить разве что на корабле, однозначно не торговом... Под аккомпанемент витиеватой брани и изысканных проклятий, Карлос вернулся в город. С нечитаемым выражением лица прошествовал по улицам под изумленные взгляды горожан, вошел в ратушу и спустился в подвал, где были оборудованы камеры для тех, кто находился под следствием.

Скинув на кучу соломы своего пленника, он сел на скамейку рядом и устало выдохнул. Хоть и тощий, но паренёк оказался тяжеловат для длительных прогулок. Радовало, что фонтан красноречия иссяк и теперь пленник просто сидел на подстилке, озлобленно смотря в ответ.

— Раз ты наконец-то заткнулся, предлагаю начать допрос. Я, знаешь ли, человек занятой, поэтому предпочту, чтобы ты поскорее рассказал мне, кто тебя приставил шпионить за мной?

Будучи ещё недавно предельно болтливым, паренёк проявил неожиданную молчаливость, затравленно смотря в ответ. Делиться информацией добровольно он явно не собирался. Карлос глубоко вздохнул, запуская ладонь в волосы, проводя ею вдоль головы и потирая уставшие мышцы шеи. И вот за что ему всё это? Как будто мало всей этой суеты и бумажной волокиты.

— И что мне теперь, пытаться тебя?

Мальчишка испуганно выпучил глаза, но продолжил молчать. Перспектива физического насилия его не обрадовала.

— Парень, день действительно был трудным, — Карлос поднялся, медленно надвигаясь на пленника. — Я не собираюсь тут с тобой расшаркиваться. Говори, кто тебя послал!

Он поднял мальчишку за ворот рубашки. Потрепанная ткань с треском начала рваться и расплзаться. На ключице у паренька красовалась ощерившаяся голова черного волка. Пальцы разжались, и пленник рухнул вниз на подстилку. В груди, словно разжавшаяся пружина, всколыхнулась целая буря разных эмоций. И недоумение, что понадобилось пиратке в этих водах, и ликование, что скоро он поквитается с этой нахальной девкой, и странная радость, что тихо свернулась под сердцем.

— А вот и ответ. Ты — мелкий пират, оказывается. Да ещё и с «Чёрного клыка». Вот это новости... Чернозубка, стало быть, снова у берегов Лютерии.

Парнишка смотрел на него со смесью страха и обиды. Ни для кого не было секретом, что губернатор предпочитает вешать пойманных пиратов, без исключений и долгих разборок. Пленник покраснелся и шумно сглотнул, изо всех сил стараясь не разреветься. Карлос смотрел на это недоразумение, по какой-то странной прихоти судьбы оказавшееся в рядах пиратов. И что ему с этим делать?!

То, что нужно было, Карлос уже узнал. Как и то, откуда Чернозубка знала о нём так много — пусть и не следила сама, но посылала своих людей. Надеяться на то, что этот мальчишка расскажет, где корабль, было глупо. Пленник, хоть и дрожал от страха, но молчал. А пытаться кого-то на полном серьёзе Карлос считал ниже своего достоинства.

Идея, гениальная в своей простоте, появилась практически мгновенно. Он вышел из камеры, запирая пленника на ключ и направился к себе в кабинет, на ходу раздавая указания о том, чтобы мальчишке принесли поесть и заодно развязали. У себя в кабинете Карлос быстро нашел в стопке бумаг чистый лист, наскоро написал записку, запечатал её сургучом и принялся перебирать свои запасы алкоголя, размышляя о том, что из этого будет принято благосклонно, а не разобьётся о голову несчастного гонца. Выбор пал на бутылку красного полусладкого, примерно пятидесятилетней выдержки. Хорошее вино, в меру сладкое, с лёгкими фруктовыми нотками. Не вычурно, но и не скромно. То, что нужно.

Когда Карлос спустился вниз, мальчишка уже доедал рыбный суп. На подносе остались так же несколько крошек от хлеба и кусочек сыра. Пленник посмотрел на него подозрительно и явно растерял аппетит.

— Я смотрю, Чернозубка вообще не заботится о тех, кто на неё работает. Ходишь в лохмотьях, да ещё и оголодал. Ей должно быть стыдно.

— Эоо не тэо, — паренёк подавился и закашлялся.

Карлос какое-то время наблюдал, ожидая. Торопиться ему было некуда.

— Капитан не плохая. Она дала мне серебра, я просто проиграл его в карты. А одежда — это маскировка, чтобы за попрошайку мог сойти. Только на попрошайничестве сыт не будешь, — вступился за Чернозубку паренёк.

— Это не отменяет того факта, что она тащит под свой флаг детей, — губернатор пожал плечами.

— Капитан спасла меня. И других таких. Меня Генри звать. Я сам с Шувьёрда, — еда явно повлияла на мальчишку, и он тут же стал словоохотливым. — Родители умерли уже. Подрабатывал я в порту, там меня работорговцы и поймали. Нас много на корабле было, таких, кого искать не будут. Когда пираты напали, мы все перепугались, но я не так сильно, как другие. А нас спасли, одели, накормили, разрешили остаться. Я сам вызвался на это задание, капитану помочь хотел. А тут вот, попался так глупо...

Про работорговлю Карлос слышал прежде, хотя в водах Лютерии торговцы живым товаром не появлялись. Но вот чтобы пираты и работорговцы враждовали — слышал

впервые. Не исключено, что Генри врал, но выгоды ему от лжи никакой не было.

— Ну раз так, то у меня к тебе есть предложение. Я тебя отпущу и завтрашний рассвет ты встретишь на свободе, а не в петле. Но за это, ты должен будешь отнести это Чернозубке, — он указал на бутылку с закреплённой на ней запиской. — И расскажешь мне, где это ты проиграл в карты все деньги. Уж очень интересно, где это у меня под носом открылось игорное заведение. Согласен?

Паренёк радостно закивал в ответ и едва не выронил миску. Оказывается, пиратский кодекс, запрещающий ему сдать капитана и команду, ничего не говорил о других преступных организациях и возможность поработать посыльным. Уже через пару минут Генри стоял в дверях ратуши, прижимая к груди бутылку и смотрел на губернатора с почти уважением.

— И, Генри, эта поблажка для тебя первая и последняя, — Карлос глянул на него со всей возможной строгостью. — Завязывай с пиратством, а то опять поймаю и точно повешу.

— Спасибо!

Генри улыбнулся так радостно, что стало понятно, он скорее научится быстро бегать, чем уйдёт из команды. Паренёк быстро скрылся в подворотне, унося с собой подарок и послание.

— Проследить за ним? — поинтересовался капитан городской стражи, стоящий неподалёку.

— Не нужно. У меня всё под контролем, — Карлос покачал головой.

— Может не стоило его отпустить? Пират всё же...

— Да какой это пират? Мальчишка. Ещё молоко на губах не обсохло. Меня, итак, тираном считают, а если я ещё и детей вешать начну... Подрастет, глядишь и поумнеет. Ну, а если нет, тогда и вешать будем, — он развернулся, возвращаясь к себе в кабинет. Следовало подготовиться к приходу гости.

Он стоял, задумчиво рассматривая свой кабинет. Такой чистоты тут не бывало с тех самых пор, как здание ратуши было построено. На диване лежал чистый плед и несколько небольших декоративных подушек. На столе все документы лежали идеально ровными стопками. Всё, что могло содержать хоть какие-то ценные сведения о Лютерии, было спрятано в ящик и заперто на ключ. Содержимое бара перепроверено, бутылки протёрты от пыли, стаканы и бокалы блестели. Рядом с ними, как бы невзначай, стояла тарелка с аньшуйскими мандаринами. Камин вычищен, огонь в нём ярко горит, разгоняя прохладу ночи, что сочтется в открытое окно. Нужно только решить, нужны ли ещё свечи...

— Ты совсем страх потерял, блондинчик?!

Карлос обернулся к окну. Джана как раз перелезла через подоконник. И судя по всему, подарок ей не понравился. Она одета в свой чёрный плащ, тот самый, что был на пиратке в день их знакомства и тогда на пляже. И почему-то ему это не понравилось. Красный отлично сочетается с её смуглой кожей...

— Надеюсь, что у пиратов не принято убивать гонцов. Да и вообще, зачем детей в команду набираешь?

— Захочет — уйдет. Держать не буду. Лучше так, чем в рабских кандалах. Это что за писулька? — он кинула в него смятую в комочек записку. — Что значит я жульничаю?

— Ты посылала своих людей собирать информацию обо мне. Мы изначально были не в

равных условиях. Поэтому результат того соревнования не может считаться справедливым. А раз ты жульничала, то у нас ничья.

— Ничья?

— Я тоже сжульничал.

— Да?! — она непонимающе хлопала ресницами.

— Поэтому предлагаю переиграть, — он достал из бара бутылку медового рома, открывая её и кивнул на стол, предлагая присесть.

— Ну раз ты предлагаешь и угощаешь, — она пожала плечами, усаживаясь в его кресло.

— Это моё место! — он опешил от такой наглости.

— И что с того? — Джана изящно приподняла одну бровь, располагаясь в его кресле, словно королева на троне.

— С того, что ты сейчас с него встанешь и пересядешь в другое.

Он замер рядом, нависая над пираткой. Она дерзко смотрела в ответ. Её карие глаза были похожи на два бездонных омута, в которых явно водились бесы.

— Мне и тут хорошо, — практически прошептала в ответ.

— Ты жульничала, поэтому пей, — он отдал ей бутылку, облокотившись одной рукой на спинку кресла.

Джана, не сильно утруждаясь приличиями, сделала пару глотков прямо из горла, смакуя ром, и утвердительно кивнула. Видимо, в этот раз он выбрал правильно.

— Ты ведь тоже сжульничал, поэтому тоже пей штрафную, — она вернула ему бутылку. — И в чём же заключается твоё жульничество, если не секрет?

— Ты и так поняла, — он сделал глоток, наслаждаясь приятным терпким вкусом, переходящим в сладость.

— Я хочу это услышать от тебя, — Джана поднялась, отодвигая кресло и требовательно смотря ему в глаза.

— В последний раунд выпить должен был я.

Карлос аккуратно притягивает её к себе, сокращая и без того незначительное расстояние. Приподнимает лицо женщины за подбородок, отмечая с каким вызовом она смотрит в ответ. Слишком дерзкая. Слишком непокорная. Не такая, как другие. С ней всё по-другому...

— Скучал по мне?

Карлос не считает нужным ответить. Просто делает ещё глоток рома.

— А ты скучала?

Джана забирает из его руки бутылку, делая глоток. Наверное, сейчас надо задать ещё какой-то вопрос, но он наклоняется, прижимаясь своими губами к её. Медовая сладость рома, смешанная с морской солью. Ладони ложатся на талию, прижимая женщину ближе, настолько близко, что он можно почувствовать жар её кожи сквозь одежду.

Чувства и эмоции обостряются практически до предела. Эйфория переполняет, хочется большего.

С этой наглой пираткой всё совсем не так, как прежде, по-другому. Она особенная. С ней всё по-другому. Карлос забыл, где они и о том кто он, забыл кто она, забыл вообще обо всём, позволяя ей прикусывать себя за нижнюю губу. Джана отвечает на поцелуй жадно, требовательно, напористо. Ответ на невысказанный вопрос очевиден: она тоже не переставала думать о нём...

Как-то незаметно для него её плащ с тихим шорохом падает на пол. Карлос

подхватывает женщину под бедра, усаживая на край стола и раздвигая колени в стороны. Ловкие женские пальцы уже расстегнули пуговицы на его камзоле, снимая его и бросая на пол.

Жар предвкушения разливается по телу. Он аккуратно, медленно вытаскивает тонкие палочки, что удерживают копну чёрных, как смоль, волос. Слегка жестковатые, пропитавшиеся морской солью, они рассыпаются по плечам чёрным водопадом. Карлос откидывает их назад, целуя шею. Джана запрокидывает голову, открывая ему большой простор и тихонько постанывает.

Тем временем её руки стягивают с него рубашку, проходясь горячими ладонями по плечам, медленно опускаются на грудь, скользят вниз и слегка царапают кожу ноготками. Он шумно выдыхает от удовольствия. Кажется, по спине прошли мурашки, то ли от удовольствия, то ли виной всему прохладный ветер, залетевший в раскрытое окно. Наверное, стоит быть нежным и ласковым, но терпения на это ему не хватает. Он дергает за шнуровку корсета, нервно, неистово, разрывает изящные кружева, отбрасывает ненужную одежду на пол. Следом отправляется и блузка.

Карлос смахивает все бумаги со стола, укладывая на деревянную поверхность женщину и любясь ей. Джана прекрасна. Не той изнеженной красотой, которой хвалятся дочери аристократов. Нет, она словно хороший клинок. Её красота хищная и опасная. Её кожа, загоревшая и пропитанная солью, тело изящное и в то же время натренированное, грудь полная и идеально ложится в его ладонь. Он играет с сосками, перекачивает их между пальцами и изредка тянет на себя. Целует ямку между ключицами, скользит языком по шее. Женщина, постанывая в ответ, прогибается навстречу его рукам. Её пальцы сжимают пряди его волос, тянут, почти до боли. Она что-то шепчет одними губами, но не просит, не умоляет, не торопит, хотя Карлос знает, она тоже медленно тлеет от желаний. Слишком гордая. Такая никогда не снизойдёт до того, чтобы просить. Но ей это и не придётся. Он сам всё предложит и сам всё даст. Потому что проиграл давно и безвозвратно.

Он отстраняется и закидывает её стройную ногу себе на плечо, оглаживая ладонями бедро, медленно поднимаясь выше. Нарочито неторопливо развязывает шнуровку. Джана ёрзает по столу в нетерпении, но Карлос лишь самодовольно улыбается и откидывает сапог в сторону. Затем так же медленно снимает с неё второй. Её ремень он расстегивает намного быстрее. Карлос стягивает, почти срывает с неё то недоразумение, что по какой-то ошибке называют брюками.

И как эта бесстыдная девка ходит по улице, практически голая?

Её кожа на ощупь как велюр и приятно горячая. Тонкая ткань кружева мягко скользит вниз и падает на пол. Она перед ним, полностью обнаженная, но нет и следа смущения. Она знает, что красива, знает, что сводит его с ума и наслаждается этим.

Карлос прикасается губами к нежной коже бедра, медленно спускается вниз, оставляя след из поцелуев. Едва касается нежной кожи губ, скользит языком по клитору, срывает первый громкий стон. Джана вцепляется рукой в его волосы, стонет от наслаждения.

Женщина мечется по столу, выгибается навстречу губам, когда он водит языком по складкам, посасывает клитор. Её ноги на его плечах мелко подрагивают. Карлос погружает внутрь язык, получая в награду очередной стон. Джана резко дергается, выгибаясь дугой, по её телу проходит дрожь. Он медленно распрямляется, смотря Джане прямо в глаза — потемневшие и немного мутные. По подбородку стекает слюна вперемешку со смазкой.

Карлос спешно снимает с себя сапоги и брюки, разводит в стороны её колени, касается

губами затвердевшего соска, слегка прикусывая его. Джана что-то тихо шепчет, едва слышно.

Дразнить её так приятно. Знать, что сейчас она принадлежит ему, наслаждаться ею. Ладонь ложится, а вторую грудь, пальцы сжимают сосок, даря наслаждение, граничащее с болью. Джана обхватывает его ногами, притягивая к себе и покачивает бедрами, отчего его член трётся о нежную, влажную кожу. Он подаётся вперёд, чувствуя, как проскальзывает в неё, чувствуя, как плотно её лоно обхватывает его. Карлос целует её, заглушая стон. Сжимает бедра ладонями, крепко впиваясь в них пальцами, а затем снова толкается в неё бедрами. Джана прогибается под ним, стремясь стать ещё ближе. Ноготки царапают кожу на его спине, путаясь в волосах. Карлос целует её жадно требовательно, сопровождая поцелуями каждое своё движение. Она приглушенно стонет в ответ, играет с его языком и прикусывает губу.

Темп нарастает с каждым движением. Несмотря на открытое окно становится слишком жарко, она невероятно горячая и мокрая внутри. Каждый толчок словно пронзает насквозь. Хватка на ягодицах усиливается. От стен эхом отражаются её стоны и его хриплое дыхание.

Это движение. И следующее. И ещё одно за ним. Каждое отдаётся ударом сердца в груди. Быстрее, ближе, жестче. Напряжение нарастает, скручивается тугим узлом внизу живота и с финальным рывком разрывается, перекатываясь по всему телу судорогой наслаждения. Он вжимает женщину в стол, утыкаясь лицом её в шею. Дышит поверхностно и рвано, отдаваясь этому ощущению и её близости. Джана пахнет морем и ромом. А ещё страстью.

Переведя дух, Карлос подхватывает женщину под ягодицы, поднимаясь с ней вместе. Джана что-то лениво бурчит, но не сопротивляется, обнимая его руками и ногами. Он относит её на диван, устраивая у себя на груди и накрывает пледом. Джана нежно целует его и устраивается поудобнее, засыпая практически сразу. Им не нужно разговаривать. Они, итак, всё знают. Слова только всё испортят. Он перебирает пряди её волос и тоже засыпает.

Перед рассветом она уходит. Джана тихо встаёт, а он разжимает ладонь, отпуская, и делает вид что спит. Наверное, он мог бы предложить ей остаться, но она не сможет жить жизнью хозяйки поместья и жены губернатора. Наверное, она могла бы позвать его с собой, но он не может бросить Форт Роял и свою работу, не может бросить свою страну. Поэтому она не зовёт, а он не просит остаться. Она ускользает в окно, ещё до того, как первые лучи нового дня осветят дорогу. Лишь тонкий запах страсти, моря и рома, да разбросанная по полу его одежда и бумаги напоминают о том, что здесь было ночью.

Он лежит и смотрит в потолок. В голове абсолютное и глухое ничего. Наверное, потому, что эта наглая пиратка украла кусок от него. Разорвала грудную клетку, вырвала сердце и унесла с собой. А он ей позволил. Хочется выпить, желательно что покрепче...

На рассвете приходит Альберто, вкатывая в кабинет дребезжащую тележку с завтраком и умывальными принадлежностями. Запах моря вытесняется ароматом чёрного чая и овсянки. Дворецкий неодобрительно качает головой и принимается собирать с пола бумаги. Карлос поднимается с дивана, подбирая с пола одежду и приводя себя в порядок. Объясняться он не станет — не мальчишка ведь.

— Погубит тебя она, мой мальчик, — Альберто неодобрительно качает головой.

— Не понимаю о чём ты, — равнодушно отвечает Карлос, с выражением напускного равнодушия на лице.

— О Чернзубке, — дворецкий протягивает ему одну из тех тонких аньшуйских

палочек, которыми пиратка скрепляет волосы в пучок. — Вы с ней живёте в разных мирах. Там, где плавает она, вода слишком мутная и беспокойная. Ты с ней пропадёшь, Карлос, пойдёшь ко дну и не вынырнешь. Я на могиле твоих родителей клялся, что позабочусь о тебе.

— Не переживай попусту, старый друг, — он забрал забытую вещь, пряча этот неожиданный сувенир в ящик стола. — У меня всё под контролем. Ты нашёл мне художника? Я ещё вчера просил.

Всё шло своим чередом. В Форт Роял приходили и уходили корабли. Торговцы, послы, рыбаки. Медленно отстраивался королевский флот. В городе царила привычная суета. Карлос Альваро, чеканя шаг, делал свой утренний обход.

Всё было идеально. Торговцы всюду расхваливали свой товар, горожане и гости города прохаживались мимо лотков, торговались и покупали. Стражники несли службу, следя за порядком. На доске объявлений висели плакаты о розыске. С самого большого из них улыбалась нежной улыбкой красивая черноволосая женщина с выразительными глазами. Подпись гласила: «Джана Чернозубка. Доставить живой и невредимой. Награда двести золотых.» Весьма щедрое вознаграждение. Никто и не посмеет упрекнуть губернатора в том, что он попустительски относится к угрозе пиратства в водах Лютерии.

Карлос блаженно улыбался, глядя на её портрет. Почти такая же, как в жизни. Он тогда довёл художника до нервного срыва, но не успокоился, пока не получил максимально похожее изображение. Один из таких плакатов лежал у него в ящике стола, рядом с той самой палочкой-заколкой, что он оставил себе на память.

Его окно по-прежнему всё время открыто. Она по-прежнему гуляет по миру, словно ветер, изредка заходя в гости, даря ему жаркие ночи и рассказывая о том, что видела.

У его любви привкус рома и морской соли.

Экстра. Крадущееся пламя, затаившаяся тень

Примечание:

События происходят за 63 года до основной истории. Аньюриэль 44 года (выглядит примерно на 10-12 человеческих лет).

Для тех, кому интересно, имя Таллеан — производное от "talyon" (толкиеновский эльфийский), что означает "бесстрашный".

I know that the spades are the swords of soldier.

I know that the clubs are weapons of war.

I know that diamonds mean money for this art.

But that's not the shape of my heart.

Sting — Shape of my heart

Таллеан.

Таллеан замер в пустом оконном проёме магической башни, наблюдая за тем, как удлиняются тени. Солнце садилось, Аньюриэль уже должна была вернуться с магических занятий, но задерживалась. Воспитывать ребёнка оказалось сложнее, чем он мог предположить. Если сам он обходился минимальным уровнем комфорта, то о важной мелочи приходилось заботиться и следить, чтобы она не попала в беду, чем собственно он сейчас и занимался. Обычно шагающий в тених не встречал девочку возле портала, зная, что ей ничего не угрожает. Аньюриэль, уже сейчас, будучи сильным магом, легко могла сжечь любого, кто попытается причинить ей хоть какой-то вред, но нынешний случай был особенным.

Возле портала нетерпеливо топтался молодой силлин. Таллеан за последние несколько дней много узнал об этом юноше. Анариан из рода ни Тиарин, младший из трёх сыновей Ари Сильмиона, что оберегает Солнечную долину в западных землях Рохэндела. Весьма сильный и многочисленный род целителей и светлых магов. Таллеана мало волновала политика, но о том, что нынешний глава этого рода негласно считается левой рукой Ард Рены и пользуется её уважением, не мог не знать. Впрочем, этот факт никак не влиял на то, что отпрыск знатного рода уже час подпирает спиной стену дома неподалёку от портала, а сам шагающий в тених всё это время незаметно наблюдает за ним с башни.

Началось всё это, на первый взгляд, совершенно случайно. Анариан решил посетить библиотеку Облачной башни ради каких-то редких свитков. Это не вызывало подозрений. Неожиданно там он встретил Аньюриэль, у которой в это время были теоретические занятия. Это, хоть и с натяжкой, тоже не вызывало подозрений. Азена, хоть и старалась держать юную Ари подальше от общества, но с тех пор, как хаотичные всплески магии прекратились, не ограничивала её в общении и передвижении. Но всегда есть то самое «но», которое портит хорошую историю. Анариан, неожиданно для всех, воспылил безграничной любовью к Аньюриэль и начал весьма настойчиво проявлять к ней внимание. И вот это было в высшей мере подозрительно. Как можно было проникнуться какими-либо романтическими чувствами к девчонке, которой нет ещё и пятидесяти, Таллеан не понимал. И ладно бы девочка была эталонно красива, но речь шла об Аньюриэль... Это мелкое, вечно чумазое, тощее и лохматое недоразумение точно нельзя было причислить к красавицам. И, тем не менее, юноша предпринимал отчаянные попытки добиться расположения от объекта

воздыхания, даже не озадачиваясь тем, что этот самый объект младше его на три столетия и ещё не достигла совершеннолетия. Аньюриэль же просто опешила от такого количества внимания и всячески старалась избегать навязчивого поклонника. Если бы он представлял хоть какую-то угрозу, она бы легко могла проявить характер и подпалить юноше кое-что мягкое ниже поясицы, но поджигать того, кто настойчиво пытается впихнуть сладости, игрушки и украшения, девочка по каким-то неясным ему причинам не могла.

Вмешиваться Таллеан не планировал, позволяя Аньюриэль самостоятельно решать свои проблемы, по крайней мере до тех пор, пока она не попросит его о помощи, но девочка упрямо молчала и делала вид, что всё хорошо. Узнал о происходящем Таллеан от одного из наставников, когда явился в башню чтобы узнать, почему его воспитанницу постоянно задерживают по вечерам. Оказалось, что задержки связаны с тем, что важная мелочь предпочла решать проблему путём избегания этой самой проблемы. После занятий Аньюриэль сбегала из башни и, скрываясь и ежедневно меняя маршрут, направлялась к одному из порталов в Лоаране или его окрестностях, стараясь не попасться на глаза своему воздыхателю. Зачастую ей удавалось добраться до дома незамеченной. Но сегодня Анариан заявился в Паргелий и поджидал девочку возле портала.

В то, что при взгляде на важную мелочь, в сердце юноши вспыхнула любовь и он почувствовал в ней свою мэлдо, Таллеан не верил. Скорей уж Анариан был расчетливым засранцем. Третий сын имел весьма скромные шансы возглавить род и занять место в Совете Ари, но став супругом Аньюриэль... Смешанная кровь и проклятый дар существенно пошатнули позиции рода ни Силмириан в глазах силлинов. Да, формально Аньюриэль являлась главой рода, но никакой властью не обладала, а в совете ей будут рады не больше, чем тролю на обряде единения сердец. Супруг благородных кровей вполне мог бы занять место главы рода в Совете и управлять Звёздным долом от имени Аньюриэль. Паргелий и окрестные земли вновь стали бы заселяться силлинами, духами и малыми волшебными народами. Дети от такого брака будут иметь незначительную примесь человеческой крови и вряд ли смогут пробудить в себе кровавую магию. В общем, все только выиграют от такого союза, кроме самого Таллеана, которому придётся искать другое место для уединенной жизни и он мог бы поступиться домом, к которому уже привык, если бы Аньюриэль проявила хоть толику благосклонности к ухажеру, но Анариан ей явно не нравился. Таллеан никогда прежде не слышал, чтобы обретение мэлдо было невзаимным. А значит, юноша врёт и, что наиболее вероятно, с подачи отца, желающего устроить своему чаду благополучную жизнь. Впридачу к Аньюриэль шли не только земли и место в Совете, но и несколько шахт, богатых акрасиумом. Важная мелочь сама того не понимала, но была весьма лакомым куском для тех, кто желает обрести положение и богатство, не прикладывая усилий.

Руны портала засияли и из сферы света шагнула Аньюриэль. Девочка облегченно выдохнула, на краткий миг почувствовав себя в безопасности. Она сделала пару шагов в сторону дома, подняла голову и замерла на месте, увидев своего поклонника, которого впору было называть преследователем.

— Лэри Аньюриэль, я так рад видеть вас, — Анариан разве что не светился от счастья. — В последние дни вы так быстро покидали Облачную башню, что у меня не было возможности лицезреть вашу красоту. Я истосковался по вашему обществу.

Таллеан скривился от того, насколько приторно и льстиво звучали эти слова. Мелочь тоже скривилась и выглядела крайне жалко. Она прижала уши к голове и медленно попятилась спиной к центру портала, но юноша успел схватить её за руку. Шагающий в

тнях нахмурился, наблюдая за происходящим. Не было похоже, что Анариан допущен в мэлринд и происходящее было вопиющим нарушением границ дозволенного в общении. Аньюриэль, едва не плача, дергала руку, стараясь освободиться из цепкой хватки ухажера. Юноша явно пользовался мнимым уединением, полагая что если никого нет рядом, то никто не осудит его хамство и наглость, а маленькая Ари, оставшаяся сиротой, всё равно никому не пожалуется.

Он наблюдал за разворачивающимся внизу идиотизмом и ждал, когда важная мелочь наконец проявит характер вместе с силой и объяснит зарвавшемуся ухажеру, что не ему пытаться держать в руках это пламя. К его огромному разочарованию, малявка лишь попыталась вырваться и мямлила что-то себе под нос. Аньюриэль отчаянно озиралась по сторонам, дергала руку и, судя по покрасневшей мордашке, была готова разрыдаться. Шагающий в тенях медленно втянул воздух сквозь сжатые зубы.

Почему она не использует магию?

Хотелось поколотить этого мальчишку от всей души, чтобы неповадно было приставать к тем, кто слабее. Тем временем ситуация внизу достигла апофеоза абсурда — Анариан достал из кармана обручальный браслет и принялся по новому кругу распинаться о своей безграничной влюбленности, прося принять помолвочный браслет в знак серьёзности его намерений. Глаза Аньюриэль округлились от ужаса. Этого Таллеан стерпеть уже не смог. Он тенью скользнул вниз и метнулся к порталу. Один точно выверенной удар. Треск ломающейся кости. Звон браслета, скатившегося по камням и вопль боли. Важная мелочь подбежала к нему, прячась позади. Шагающий в тенях успел заметить синяк у неё на запястье.

Надо было сломать засранцу шею.

Анариан прижал к себе сломанную руку и орал как корень мандрагоры. Таллеан сделал шаг вперёд, ударив его кулаком в челюсть. Юноша упал на бок, прямиком на сломанную руку и заорал ещё сильнее. От этого зрелища в груди разливалось чувство мрачного удовлетворения. Таллеан решил не останавливаться на достигнутом и с удовольствием пнул поверженного противника.

— Рот закрой.

Его спокойный голос подействовал на юношу отрезвляюще. Тот прекратил орать и устоял на его протез. Взгляд медленно поднимался, скользнул по рукояткам клинков, что торчали из поясных ножен, прошелся по шрамам на руках и предплечьях. К тому моменту, как их взгляды встретились, на лице Анариана поступил ужас узнавания.

— Аль'Джадан...

— Собственной персоной. И, да будет тебе известно, эта малявка под моей опекой, а я крайне недоволен тем, что сейчас имел неудовольствие наблюдать. Ещё раз подойдёшь к ней — убью. Я понятно выражаюсь?

Юноша сдавленно пискнул в ответ, практически забыв о сломанной руке и разбитом лице, и отползал к порталу. Реакцию можно было расценивать как полную и безоговорочную капитуляцию противника.

— Проваливай и не смей больше появляться тут, обсос, — Таллеан пинком придал ему ускорения и активировал портал.

Незадачливый ухажер исчез во вспышке света. На несколько секунд повисло молчание. Таллеан размышлял о возможных последствиях своего решения. Как опекун Аньюриэль, он имеет полное право применить силу в обстоятельствах, когда его воспитаннице что-то

угрожает, так что особых проблем быть не должно. Вероятно уже через час к нему прилетит магический вестник от Ард Рены с приглашением на приватную беседу, где его попросят не калечить отпрысков знатных родов. Или никого не калечить — зависит от настроения Азены. Хотя, возможно, мальчишка будет достаточно умён и не станет распространяться о том, где и как получил травмы, чтобы обстоятельства не стали общеизвестны.

— Вот, — важная мелочь стояла рядом, протягивая ему окровавленный зуб. — Ты его победил, а такого ещё нет в коллекции.

— Я его не убил, так что выброси, — Таллеан наклонился, поднимая браслет. — Это на случай, если мелкий утырок пойдёт жаловаться.

— Но ведь среди трофеев нет зубов силлинов, только люди и демоны.

— Выброси. Смысл трофея в том, что его берут от поверженного врага, а этот сбежал. И сколько раз я тебе говорил не рыться в сундуках...

Он покачал головой и пошел в сторону дома. Важная мелочь бежала рядом и выглядела вполне довольной жизнью.

— Если кто-то ещё будет тебя обижать — просто скажи мне, а я разберусь, поняла?

— Он не обижал, просто... Не знаю, как объяснить, — она замерла, задумавшись.

— В любом случае — говори мне. Таким, как этот засранец, иногда полезно получить по морде, чтобы неповадно было обижать тех, кто слабее, — он положил ладонь на её макушку, безуспешно пытаясь пригладить растрепавшиеся волосы.

Кто слабее...

Он всё понял. Прежде Таллеан не задумывался об этом, потому что не воспринимал мелкую как защитницу этих земель, но здесь Аньюриэль просто не могла использовать магию против того, кто слабее её, если он не угрожает чьей-либо жизни или здоровью. Она сама толком не понимала ещё, почему не смогла атаковать Анариана, но инстинкт вынуждал её сдерживать пламя.

Это значит, что уже сейчас она сильнее, чем другой наследник древней крови, чей дар уже полностью раскрылся, но разве такое возможно? Зачем Кратос создал кого-то, настолько могущественного?

Он внимательно посмотрел на свою воспитанницу. Аньюриэль счастливо улыбалась в ответ, даже не догадываясь о том, что произошло.

— А знаешь что, завтра покажу тебе, как надо ломать руки.

— Зачем? — она удивлённо хлопала глазами.

— Потому что никто не имеет права прикасаться к тебе или принуждать тебя к чему бы то ни было, если ты этого не хочешь. Если мужчина, который тебе не нравится, тянет к тебе руки, ты имеешь полное право эти самые руки ему сломать.

— Но ему ведь будет больно.

— Ну и что? Целители всё вылечат, не волнуйся по этому поводу. Зато поумнеет.

Идея была как минимум гениальной. Раз уж важная мелочь не может использовать магию, то будет защищаться другим путём. Инстинкт вынуждает её сдерживать пламя, но не связывает руки. Малышка сможет постоять за себя и ему будет спокойнее.

— А если не поумнеет?

— На этот случай научу тебя ломать ноги и челюсти.

Он снова погладил девочку по голове и направился в сторону дома.

— И ещё кое-что расскажу, — после недолгих размышлений добавил Таллеан. — Но это на самый крайний случай. Безотказный приём.

Почему Кратос решил даровать роду ни Силмириан именно дочь? Почему нельзя было благословить древний род сыном? Почему девчонка, да ещё и с таким дряным характером!?

Таллеан старательно высматривал среди травы следы малявки и жалел о том, что так хорошо обучил её. Прежде, чем рассказывать девочке о том, как выслеживать добычу и читать следы, надо было отучить её сбегать каждый раз, когда злится. Теперь же он пытался различить в высокой траве направление, в котором скрылась важная мелочь.

Ежедневная утренняя тренировка прошла вполне спокойно и малявка ушла на свои магические уроки. Что там пошло не по плану, Таллеан узнал уже после того, как сам заявился в Облачную башню. Аньюриэль заметила в окно других учениц, играющих со своими духами-компаньонами, и попыталась с ними подружиться. Девушки не только не захотели общаться с той, кто была заметно младше, но ещё и посмеялись над её внешним видом.

Аньюриэль отреагировала весьма неожиданно: молча развернулась и гордо удалилась, но стоило ей зайти за здание, как она сорвалась с места и скрылась в неизвестном направлении. Наставники лишь разводили руками, но ничего более рассказать ему не смогли. Решив не доводить ситуацию до вмешательства Азены, маги обратились к нему, ссылаясь на то, что раз он опекун, то ему и искать беглянку.

Это было неожиданно по нескольким причинам. Во-первых, оказалось, что его боятся меньше, чем гнева Ард Рены. Прошло ведь не так много времени с тех пор, как он ушёл со службы, но новое поколение уже не испытывало того уважения, граничащего со страхом, к которому Таллеан привык. Или он просто стал терять хватку? Во-вторых, что вытекало из первого, одна из наставниц посмела заявить, что он плохо заботится о ребенке.

Сказать, что Таллеан был зол услышать подобное, значило тактично умолчать о всей той гамме эмоций, что он испытал. Он делал всё, что от него зависело, чтобы обеспечить малявке комфортную жизнь. У неё была отдельная комната, своя кровать, он даже регулярно и вполне разнообразно готовил. О вкусовых качествах собственной стряпни Таллеан предпочитал не думать — съедобно и ладно. Откуда ему было знать, что именно для девочек этого не достаточно?!

Не разбирается он в платьях, причёсках и всей этой блестящей ерунде. Да что там говорить, он и в воспитании детей не разбирается. Накормлена, одета, защищена — это максимум, что он может дать как опекун. Стыдно было признавать, но он от своего опекунства получал в разы больше, чем важная мелочь. Она дала ему смысл и цель, вытащила из болота отшельничества. Пусть она и внесла изрядную долю суматохи и неопределенности в привычный уклад жизни шагающего в тених, но было впечатление, что до этого весь мир был чёрно-белым, а с её появлением стал цветным. Он снова почувствовал себя нужным и не хотел терять это ощущение, теплом разливающимся у него в груди. И вот он искал в траве след своей сбежавшей воспитанницы, не зная толком, что он ей скажет. Что вообще положено говорить в таких ситуациях?

След петлял, то исчезая, то вновь появляясь. Кажется, она пыталась спрятать признаки того, что пробегала здесь. Таллеан мог собой гордиться, пусть и медленно, но она обучалась его ремеслу, хотя и не имела к этому особой предрасположенности.

Судя по тому, что всё чаще его путь пересекали ручьи и реки, он зашел в Озёрный край

— земли рода ни Аилин. Это не могло обрадовать. Нынешняя Ари славилась своим норомом и тем, что не боится перечить даже Азене. А новость о том, что Илания ни Аилин тайнс провела обряд единения с гигантским жабрелем и вовсе вызвала такой резонанс среди силлинов, что эхо от этой новости докатилось даже до него, хотя сплетни интересовали Таллеана в последнюю очередь.

След вывел его к берегу большого озера. На небольших волнах плавно покачивались водяные лилии. Размеренно плыли в небе облака, отражаясь в воде. На мелкой, светлой гальке был расстелен синий плед, на котором, поджав под себя ноги, сидела Аньюриэль. Малявка была не одна. Позади неё, вооружившись щёткой для волос, сидела Илания, глава рода ни Аилин.

Таллеан молча наблюдал за происходящим из тени, не зная, стоит ли ему сейчас вмешиваться. Илания старательно вычесывала волосы Анью, недовольно высказываясь о колтунах и опекунах, которые совсем не следят за детьми. Можно было не сомневаться, что Ари ему не образуется.

На мелководье грелся на солнце супруг Илании. Огромных размеров пунцово алый жабрель довольно жмурился, поворачиваясь к солнцу то одним боком, то другим. Плотная шкура, мощные лапы и похожие на рога наросты на лбу красноречиво доказывали, что статус озёрного короля жабрель получил не просто так. Внимательный взгляд синих глаз следил за берегом и небом — жабрель, хоть и выглядел расслабленно, был готов дать отпор, если это потребуется. Таллеан не питал лишних иллюзий касательно того, насколько опасным может быть это существо. Шкура такого жабреля не уступит по прочности драконьей, а физической мощи в комплекте со способностями управлять водой, супругу Илании хватит, чтобы доставить проблем любому. Да и вряд ли сама хозяйка Озёрного края станет отсиживаться в стороне, если завяжется драка. Любому недоброжелателю, что окажется сейчас на берегу озера, не поздоровится. Таллеан не относил себя к недоброжелателям, но предпочёл остаться в тени и понаблюдать.

Тем временем Илания закончила расчесывать волосы Аньюриэль и достала из корзинки какую-то баночку. Воздух наполнился терпким ароматом трав. Озёрная владычица аккуратно наносила состав на волосы малявки и протягивала его щёткой по всей длине.

— Так они будут меньше путаться, — пояснила Илания.

— Но разве это поможет? — тихо спросила Аньюриэль.

— Конечно! Ты такая красавица, — озёрная владычица улыбнулась. — У тебя очень яркая внешность, гордись ею.

— Я слышала другое...

— Глупости, — отмахнулась Илания. — Даже акрасиум нуждается в огранке. Так и красота нуждается в уходе. Твой чумазый носик мы уже отмыли, сейчас причешем, а потом пойдём в Лоаран, прикупим тебе пару платьев и туфельки. Вот увидишь, никто больше не посмеет над тобой смеяться.

— Не знаю... — она печально вздохнула. — Разве платьем можно изменить то, что я такая?

— Глупости! — Илания отложила в сторону щётку, начиная мастерить на голове малявки причёску из кос. — Однажды ты встретишь своего мэлдо. Может, уже завтра, а может, и через годы. Ты это почувствуешь, когда встретишься с ним взглядом. Для него никогда не будет никого прекраснее тебя. Это особенная связь, когда сердца бьются в унисон.

— Но я ведь не совсем силлин... Разве у меня может быть кто-то такой? — Анью попыталась обернуться к собеседнице.

— Не крутись. Послушай, мэлдо — это те, кто нам предназначены самой судьбой, но это не приговор. Ты сама решаешь, кем станет твой друг души. Можете остаться друзьями, а можете создать пару. Да, ты не обычная, но это означает лишь то, что и твой мэлдо может не быть обычным. Но он обязательно есть, поверь мне. У такой хорошенькой малышки обязательно есть тот, кто ей предназначен и важно не ошибиться с выбором. Ведь мэлдо даётся один на всю нашу жизнь. Можно связать себя с другим, но сердце твоё будет страдать от этого. Не дано нам, силлинам, полюбить дважды...

— Вот как, — Анью улыбнулась, став заметно веселее.

— Я знала твоих родителей, — призналась Илания. — Они были предназначены друг другу. Когда Риваль, твой отец, встретил Эльвию и посмотрел ей в глаза, то замер, словно в него попала молния. Я была там — мы возвращались с совета Ари с твоей мамой. Вышли из Солнечной башни, а там он. Их взгляды встретились и больше твои родители не расставались до той эпидемии. И не важно было, какая в ком кровь, кто как выглядит и протесты Азены никто даже слушать не стал. Душа выбирает душу, а не внешность и родословную.

— Спасибо, — Анью тихонько шмыгнула носом.

— Эй! Ты чего?! Разреветься решила?

— Просто что-то в глаз попало, — оправдывалась Аньюриэль, вытирая подступающие на глаза слёзы.

Таллеан тихо стоял в тени, наблюдая за происходящим. Он не станет вмешиваться. Хотя, пожалуй, следует позже навестить Иланию ни Аилин и попросить её иногда проводить время с Аньюриэль. Важной мелочи действительно нужно немного женского внимания, которое он сам дать ей не в состоянии. Так будет правильно.

Он легко уклонился от атаки, сделав шаг назад. Она промчалась мимо, споткнулась о камень и растянулась на траве. Шагающий в тених показательно вздохнул.

Есть ли в этом мире сила столь могущественная, что способна преодолеть саму судьбу? Таллеан не знал наверняка, но всегда хотел в это верить.

Она поднялась с земли, яростно фыркнула и снова попыталась атаковать. Метнулась вправо. Ярko вспыхнула магия мгновенной телепортации. Девочка появилась слева. Он перехватил руку с деревянным клинком, выбивая оружие, и пинком отбросил противницу в сторону.

Очень хотелось верить, что воля способна пересилить судьбу. Просто иначе получалось, что всё, на что способен он сам — проливать кровь и убивать, а все его попытки освоить кулинарные премудрости — просто баловство от скуки. А из мага никогда не получится воин. Разве можно пересилить то, что боги сочли твоим предназначением?

Аньюриэль явно была на грани истерики и очередной вспышки ярости. Она поднялась, слегка пошатываясь. Глаза ярко полыхали магическим светом, волосы, заплетённые в косу, мотылялись из стороны в сторону, как хвост у разъяренного саблеклыка. Шел второй час тренировок. Синяков и ссадин на ней появилось изрядно. Хотя стоило признать, что последняя попытка была на уровень выше всех прошлых потуг.

Снова исчезла. Таллеан покачал головой. От вспышки при телепортации надо избавляться — слишком заметно. Он внимательно вслушивался в окружение. Шелестел ветер в кронах деревьев, журчал родник неподалёку, где-то затянула переливчатую мелодию птица. Мелкую слышно не было. Шагающий в тених улыбнулся уголками губ. Обучение давалось Аньюриэль нелегко, но от этого даже маленькие успехи были особенно ценными.

Сама его идея обучать боевого мага искусству бесшумно убивать не нашла отклика у Азены, а Иона была в ужасе, увидев Аньюриэль после первой тренировки. Таллеан не мог сказать точно, что именно произвело на Ард Рену большее впечатление: обилие ссадин или настойчивое желание мелкой Ари продолжать тренировки, но вот уже десять лет по утрам он гонял мелочь палкой, а она всё никак не могла его подловить.

У физических тренировок оказался весьма неожиданный эффект: мелкая начала расти. Если до этого все силы тщедушного тельца тратились на то, чтобы раннее пробуждение магического источника не сожгло его обладательницу изнутри, то, став сильнее и выносливее, Аньюриэль старательно сокращала разницу между собой и сверстниками. И, если она прежде была мелкой и прожорливой, то теперь она стала тощей и вечно голодной.

Урчание в животе выдало её... Таллеан хмыкнул, поднимая взгляд на ветки дерева, что были у него над головой. Мелкая, поняв, что вся маскировка пошла к фетранийской матери, отчаянно попыталась атаковать. Она прыгнула вниз, извернувшись в воздухе, целясь ногой ему в голову. Хорошая попытка. Правда хорошая. Но глупая.

Таллеан схватил её за щиколотку и обернулся, добавляя к силе её инерции направление. Мелкая кубарем покатила по траве и тут же взвыла, как раненный лешак. Шагающий в тених устало выдохнул и пошел смотреть что к чему.

Аньюриэль клубком свернулась в траве, прижимая к груди руку и жалобно скулила. Вот только за жалостью надо не к убийце обращаться. Поборов вялое сопротивление, он осмотрел травму.

— Запястье сломала, — прокомментировал он. — Насчёт три. Раз. Два.

Он резко дёрнул кисть, вставляя кости на место. От истошного визга разлетелись в стороны птицы. Волна пламени отбросила его в сторону. Этого стоило ожидать. Магические вспышки при сильных эмоциях были той чертой мелкой, которую не любили все без исключения наставники. Таллеан бросил беглый взгляд на волдыри, покрывшие руки, в очередной раз поразившись той невероятной силе, что помещалась в этом мелком тельце. Боги вложили в эту девочку пламя, куда более жаркое, чем огонь самой Хелгаи.

Даже сквозь защиту амулета пробило...

— На моих тренировках магия запрещена, — строго подметил он, поднимаясь с обожжённой земли. — Нам теперь опять новую лужайку искать.

— Мне же больно!

Мужчина телепортировался вплотную к маленькой чародейке, уходя от второй волны пламени. С грохотом сломалось пополам обуглившиеся дерево.

— И что с того? — он сел на корточки, спокойно смотря ей в глаза. — Это разве повод раскидываться силой?

Она закулила в ответ, здоровой рукой размазывая по лицу слёзы и сопли.

— Не реви.

— Мне больно.

— Бой ещё не закончен.

— Мне же больно! — она со смесью злости и обиды посмотрела на него, однако новой

волны пламени не последовало.

— И что с того?! У тебя есть ещё две ноги и рука. Ты ещё можешь сражаться. Если ты будешь сдаваться из-за такой ерунды как перелом, то тебя просто убьют.

— Но мы же сейчас не на войне... — она надула щёки, став похожей на маленького недовольного жабреля.

— Война никогда не спрашивает разрешения, чтобы прийти, — он сел рядом, вытягивая ноги. — К ней просто нужно быть всегда готовым. Запомни, мелочь, если тебе больно, значит ты всё ещё живая. А раз ты живая, то можешь сражаться. Боли не чувствуют только мертвецы. Никогда не сдавайся. Проигрывает не тот, кто слабее, а тот кто сдался, запомни это. И если Азена узнает, что у тебя был очередной неконтролируемый выброс магии, то будешь сидеть под домашним арестом ещё год.

Перспектива её явно не обрадовала. Анью старательно размазывала слёзы и сопли по лицу, успокаиваясь.

— Тебе тоже было больно? — она шмыгнула носом и исподтишка кидала на него взгляды.

— Да это просто ожоги. Я и внимания не обращаю, — он махнул рукой. — С тобой и не к такому привыкнешь.

— Я про ногу, — она кинула неуверенный взгляд на его протез. — Больно было, когда...

— Когда демон отгрыз? — он усмехнулся. — Больно, конечно. Я же тоже живой, значит, и чувствую так же, как и ты. Только ною меньше по этому поводу. Тогда было больно, но не до этого было. У меня на шее сидел мелкий пацан, а вокруг были демоны. Если бы я тогда сдался из-за такой ерунды, как откушенная нога, то сейчас не сидел бы тут с тобой. Поэтому наматывай сопли на кулачок и пошли, сдам тебя целителям.

Он поднялся на ноги, отряхивая пепел с одежды. Аньюриэль продолжала сидеть с отстранённо-задумчивым выражением на лице.

— Мелкая, ты долго ещё? Пошевеливайся, а то на свои магические занятия опоздаешь. У тебя рука травмирована, а не нога. Не жди, что понесу тебя.

— А! Ага, — она поднялась, всё ещё прижимая руку к груди.

Впереди уже виднелись стены домов. Улицы заросли травой, во многих окнах отсутствовали стёкла и ставни. Паргелий медленно утопал в зелени. Птицы и звери теперь хозяйничали на безлюдных улицах.

Сквозь мутные окна можно было заглянуть внутрь. На одном из подоконников стояла цветочные горшки. Растения в них давно завяли и облетели, осталось лишь несколько жестких стеблей. В другом окне можно было увидеть стол, на котором, под слоем пыли, стояла посуда. Каждый дом хранил в своих стенах отголоски прошлого. Хранил память о том времени, когда ещё жили в Звёздном доле силлины. Теперь здесь жили он и важная мелочь.

Таллеан бросил взгляд на холм. На его вершине белели стены особняка, что прежде принадлежал роду ни Силмириан. Аньюриэль часто ходила туда. Она высаживала семена рохэндельских клёнов, вскармливая их собственной магией, как когда-то птенца феникса. Среди почерневших стволов деревьев яркими алыми пятнами выделялась листва молодых деревьев.

Они подошли к portalу и Таллеан остановился, оборачиваясь к воспитаннице.

— Знаешь, иногда она всё ещё болит. Я про ногу. Не там, где начинается деревяшка, а стопа. Как будто у меня есть нога, но её нет. Понимаешь? Иногда старые раны болят так, как будто тебе только что нанесли удар. Это нормально. Помни, боли не чувствуют только

мертвецы. Боль — неотъемлемая часть нашей жизни. Она приходит и уходит. Иногда кажется, что насовсем, но это лишь самообман. Если тебе больно — не реви, не ищи жалость в других, а ищи в себе силы преодолеть боль и идти дальше. Запомнила?

— Да, — она вымученно улыбнулась, становясь на плиту портала. Руны под её ногами ярко засветились. Девочка исчезла, перенесясь в Лоаран.

Таллеан снова бросил взгляд на холм. Аньюриэль часто ходила туда, но почему-то никогда не заходила в тот дом, в котором родилась...

Экстра. Ночь проклятых

Примечание: События главы относятся ко второй части истории. Происходят после обнаружения первой части Ковчега, но до дальнейшего отправления героев в путешествие. Маленькое приятное дополнение, расширяющее картину мира. Приятного чтения)

*Carry on my wayward son
There'll be peace when you are done.
Lay your weary head to rest
Don't you cry no more.*

Kansas - Carry on my wayward son

Силлиан поворошил угли в камине и поставил сверху небольшой котелок. После открыл коробку с пряностями и бросил пригоршню в вино. Следом отправилось мелко нарезанное яблоко и сушеный виноград. Воздух тут же наполнился ароматами кардамона, бадьяна, корицы и мускатного ореха. Аньюриэль, лежащая на шкуре урса перед камином, прикрыла глаза и медленно вдохнула, блаженно улыбаясь. Пряности доставляли в Лютерию из Аньшу и стоили они баснословно дорого, но это того стоило. К тому же этот вечер был особенным. Осталось лишь дожидаться Амана, который обещал прийти на закате, после того как закончит дела в храме Кадана.

— Идёт, — Анью приоткрыла глаза.

Несколько минут ничего не происходило и король просто помешивал вино со специями. Тихо открылась дверь в покои.

— Мы ждали тебя раньше, — Силлиан обернулся, приветствуя друга.

— Его Преосвященство решил воспользоваться моим визитом и задать несколько вопросов о состоянии Ордена в Артемисе, — жрец виновато улыбнулся и поставил посох к стене.

— От тебя разит ладаном, — колдунья совершенно по-кошачьи фыркнула, отворачиваясь.

— Долг жреца Руфеона требует моего присутствия на подобных службах, — произнес Аман, усаживаясь в кресло и доставая из внутреннего кармана кипу каких-то бумаг, пожелтевших от времени. — Сегодня как никогда важно попросить у Великого Творца сострадания к несчастным душам, обречённым влачить свою послежизнь столь прискорбным образом.

— Многие из этих «несчастливых» сами же и заслужили такую участь, — Анью магией подманила к себе яблоко из корзинки и с хрустом вгрызлась в него.

— Довольно жестоко заявлять подобное, — жрец неодобрительно посмотрел на неё. — Все могут оступиться. Главное найти после смелость признать, что ошибся, и сделать всё возможное, чтобы это исправить.

— Что-то я не припомню никого, кто раскаивался бы в содеянном, — девушка пожалала плечами.

— Это потому, что ты убиваешь всех разбойников и грабителей, — обличительно ткнул пальцем в колдунью мужчина. — Ты никому не оставляешь даже шанса на раскаяние!

— Вы можете хоть сегодня не препираться на эту тему? — Силлиан скрестил руки на

грудь, переводя взгляд с жреца на колдунью и обратно.

— А я и не начинала. Это всё он.

— Ну знаешь ли! Могла бы проявить больше уважения к человеческой культуре и хоть раз сходить со мной в Храм. Сегодня же осеннее равноденствие! Именно в этот день, когда Свет и Тьма становятся равны по силе, Руфеон может услышать плач души, раскаявшейся в своих грехах, и даровать ей покой в Небесных Чертогах. Поэтому жрецы всю ночь несут службу, молясь за несчастных, мечтающих о прощении.

— То есть можно грабить и убивать, а потом попросить о прощении и тебе всё спустят с рук? — Анью скептически смотрела на жреца, всем своим видом показывая, что его религиозные убеждения её не проняли.

— А ещё в эту ночь призраки и нежить становятся намного сильнее и нападают на незадачливых путников, которые не успели спрятаться в домах и тавернах до наступления темноты. Поэтому эту ночь и называют «Ночь проклятых». Но порой даже крепкие стены не могут уберечь человека и тьма вторгается в жилище, собирая кровавую жатву, — Силлиан придал лицу загадочное выражение, стараясь развеять повисшее между друзьями напряжение.

Девушка переглянулась с жрецом, очевидно не понимая, как надо реагировать. Аман сохранял невозмутимое выражение на лице, словно простонародные поверья были ниже его жреческого чувства собственного достоинства.

— Да ладно вам! Вы что, никогда не слушали страшные истории у костра в эту ночь? — король обводил друзей взглядом.

— Я рос при Леонхольском соборе Первозданного Света и эту ночь мы проводили в молитвах.

— Я вообще впервые слышу про такой праздник, — Анью пожала плечами.

— Аман, ну ты же должен был хоть раз слышать про «Шеакрийскую мессу»? — с надеждой в голосе спросил Силлиан.

Жрец нахмурился и поджал губы. Реакция была более чем красноречивая.

— А это что? — заинтересованно спросила колдунья, кидая огрызок яблока в камин, где его тут же поймала саламандра.

— Много лет назад в эту ночь что-то напало на храм Руфеона в Шеакрии, — тихим голосом ответил Аман. — Убили всех жрецов, прямо во время службы, всех послушников и простых людей, кто был в храме. Утром прихожане нашли только мертвые тела. Никто не знает точно, кто и почему убил служителей Руфеона. Поговаривают, что на храм напали какие-то сектанты, служащие Тьме. Вроде находили какие-то предметы и следы кровавых ритуалов, но я не могу сказать, так ли оно на самом деле. «Шеакрийская месса» и по сей день остаётся загадкой.

— А это случаем не накануне войны Фоден произошло? — Анью удивленно приподняла бровь.

— Да, — Аман кивнул. — Война разразилась сразу после этого.

— Не культисты всех там убили, — уверенно заявила Анью. — Это сделали тени.

— Откуда ты знаешь? — Силлиан непонимающе смотрел на чародейку.

— От участника событий, — девушка улыбнулась. — Могу рассказать. Я эту историю много раз слушала, так что помню хорошо.

Мужчины переглянулись и кивнули. Анью довольно улыбнулась и села, оперевшись спиной о кресло и обнимая руками небольшую подушку.

— Это была безлунная ночь. В небе плыли редкие облака, за которыми прятались звёзды. Казалось, что даже эти частички Первозданного Света, усыпающие небосвод, этой ночью стали какими-то блеклыми. Но для шагающих в тенях так было даже лучше. Отряд бесшумно скользил по крышам, направляясь к храму, что был на главной площади города...

Это была безлунная ночь. В небе плыли редкие облака, за которыми прятались звёзды. Казалось, что даже эти частички Первозданного Света в эту ночь стали какими-то блеклыми. Но для шагающих в тенях так было даже лучше. Отряд бесшумно скользил по крышам, направляясь к храму, что был на главной площади города.

Таллеан замер на парапете, скрываясь за каменным изваянием девы-лазениса. Ещё шестеро теней бесшумно замерли неподалёку, терпеливо ожидая распоряжений командира. Командир же не торопился, он наблюдал за часовыми, неторопливо шагающими по площади. С другой стороны площади стоял высокий храм, посвященный Великому Творцу. Этой ночью у людей был праздник и все жрецы города собрались сейчас там. Момент был идеальный.

За месяц до этого шеакрийские послы прибыли в Лоаран под предлогом обсуждения будущего торгового соглашения. Ард Рены были более чем добры, разместив титулованных гостей в Солнечной башне. Никто не ожидал нападения. Люди же не просто атаковали посреди ночи, они целенаправленно пытались пробиться к Обители Снов, стремясь погубить Великое Древо. Стражи справились и вреда Элзовин не получила. Тем не менее погибших среди служащих башни и стражи было много. Азена была в ярости. Она объявила сбор войска, собираясь уничтожить всю Шеакрию, а после пойти дальше по человеческим землям. Однако Иона смогла усмирить сестру, настояв на том, что не все люди виновны в случившемся, и устраивать геноцид человечества — не самое мудрое решение в сложившейся ситуации. Результатом спора сестёр стало то, что Таллеан и его отряд теней прибыли в Шеакрию с конкретной целью — отомстить, не причиняя вреда простым людям, не причастным к случившемуся.

Тем временем часовые на посту сменились. Проводив уходящих солдат взглядом, шагающий в тенях поднял вверх руку и сделал несколько сигнальных жестов, отдавая команду. В ту же секунду мимо него пронеслось три тени, едва уловимые взглядом. Несколько секунд спустя трое часовых тихо опустились на камни площади и так же бесшумно исчезли из вида.

Таллеан снова поднял руку, махнув вперёд, и легко соскользнул с крыши. Он знал, что три тени последуют за ним. Дисциплина в его отряде всегда была идеальной. Каждый знал свою позицию, обязанности и что нужно делать. В несколько секунд они преодолели площадь и остановились возле стены.

— Командир, — с крыши спрыгнул один из теней. — Там творится... что-то ненормальное...

— Сейчас разберёмся. Кириаз и Вазар со мной. Остальные пока скройтесь и не показывайтесь.

Воины кивнули и слились с тенями. Таллеан схватился за один из выступов в лепнине храма и шустро вскарабкался по стене наверх, выискивая в ярких витражах кусочки прозрачного стекла. В главном зале и вправду творилось нечто странное. Шагающий в тенях

знал многое о тех, кто служит Руфеону, но ему не доводилось слышать о том, чтобы при поклонении Великому Творцу практиковались жертвоприношения.

На полу кровью была начертана пятиконечная звезда, вписанная в рунический круг. В основании каждого луча лежало мертвое человеческое тело. Жрецы в измазанных кровью одеяниях плели какие-то заклинания.

Это было совсем не то, что Таллеан ожидал увидеть... И распоряжений от Азены на подобный случай не было. Стало быть придется действовать самостоятельно, исходя из ситуации.

— Вазар, сообщи остальным, что цель меняется. Перекройте все выходы, устраните всех жрецов и послушников в этом храме.

Мужчина молча кивнул своему командиру, спрыгнул вниз и бесшумно скользнул к остальным товарищам. Несколько секунд спустя тени метнулись в разные стороны, окружая храм. Таллеан ловко и бесшумно перебрался на крышу. Кириаз молча следовал за ним.

Тени перепрыгнули на крышу соседнего строения. Достаточно быстро нашлось окно, которое удалось легко открыть. Небольшое помещение было похоже на чью-то комнату. Кровать с набитым сеном матрасом, письменный стол, заваленный книгами и свитками, да небольшой сундук в углу. Таллеан равнодушно отметил аскетичность обстановки и прошел к двери. Снаружи было тихо. Взломать замок оказалось настолько просто, что хозяину комнаты следовало бы задаться вопросом, есть ли смысл вообще его запирать. Тени вышли в длинный неосвещенный коридор. Вокруг было тихо. На этаже не было никого. Они быстро спустились вниз на пару лестничных пролётов и нашли переход в главный зал храма.

— ...и восславим же Тьму, что делает Свет ярче! — донёлся до них голос архиепископа.

Ладонь привычно легла на рукоять кинжала. Таллеан бесшумно передвигался, скрываясь за колоннами, наблюдая за безумием, происходящим в храме Великого Творца. Вдоль противоположной стены так же незаметно для людей крался Кириаз, ожидая приказа к атаке.

— Люди — вот венец творения Богов. Лишь мы были сотворены силой целого Ковчега, силой самого Руфеона! — не унимался архиепископ, держа при этом в руке человеческое сердце. — Нет больше старших и младших рас! Лишь нам дозволено править Акрасией.

Происходящее в храме не укладывалось в голове. Таллеан повидал за свою жизнь многое — тренировки шагающих в тених не оставляют в душе места для глупой сентиментальности. Но то, до чего дошли люди, потрясло даже его. Выпотрошенные тела на полу в лужах крови, каменные плитки, исписанные рунами, труп на алтаре изуродован настолько, что невозможно понять, была это женщина или мужчина. Но намного ужаснее смотрелись жрецы в белых одеяниях, измазанных багряными пятнами, взывающие к Руфеону. Таллеану очень хотелось, чтобы в этот миг Творец присмотрелся к тому, что происходит в Акрасии, откликнувшись на голоса своих детей. Ведь покарал же он халь за их жажду власти, так куда же смотрит теперь?

Но Владыка Света остался глух к мольбам. Зато на призыв людей откликнулась Тьма, просачиваясь через кровавый круг, стелясь по полу, подобно щупальцам морского чудовища. Ситуация не просто не соответствовала тому, что мужчина ожидал увидеть в храме Руфеона, происходящее было похоже на ночной кошмар. Таллеан извлёк клинки из ножен. Одним быстрым движением он метнулся к магическому кругу и в несколько ударов оборвал жизни заклинателей, разрывая подпитку заклинания. Тьма с шипением вскинулась, извиваясь в воздухе.

За его спиной на пол упали несколько тел и раздался женский вскрик — Кириаз атаковал других жрецов. Люди заметались, словно перепуганные звери во время лесного пожара. Кто-то ломанулся к дверям, отчаянно и бесполезно пытаясь их открыть. Тени знали своё дело — этой ночью из храма не выйдет ни один человек.

Архиепископ кинул в Таллеана сгустком светлой магии. Шагающий в тенях легко уклонился, метнувшись в сторону. Где-то рядом свирепо клубилась Тьма, лишившаяся источника магической подпитки. То, что призывали жрецы, застряло между мирами и теперь яростно и отчаянно рвалось из портала. По каменным плитам пошли трещины. Неизвестная тварь рычала, стремясь разорвать пространство. Смерть призывателей не остановила перемещение, хотя и замедлила его.

— Твой народ — ошибка богов! Давать такую силу неполноценным творениям! — архиепископ самодовольно смотрел на него, плетя новое заклинание. — Пусть Свет покарает тебя!

Таллеан едва успел увернуться. Лучи обжигающего света хаотично ударили по всему помещению. Тьма зашипела, сворачиваясь оборванными лоскутами возле кровавой печати.

— Ты черпаешь свою силу из теней, проклятое создание. Я изгнал тьму, — человек безумно рассмеялся, глядя на него.

— Ты сам и призвал сюда тьму, — равнодушно подметил шагающий в тенях, прислушиваясь к колебаниям магии возле места проведения ритуала.

Каменная плита раскололась и из проема показалась покрытая густой черной шерстью лапа. Чудовище вцепилось когтями в пол, протискиваясь через брешь в пространстве.

— Вот он, мой союзник, — обрадовался архиепископ. — Они помогут человечеству очистить Акрасию от недостойных.

— Безумец, ты призвал демона Фетрании.

Чудовище вылезло из расщелины уже по пояс. Мощное тело, покрытое чёрной шерстью, лапы с длинными когтями, способными крошить камни, крупная волкоподобная голова и два полыхающих алых глаза с узкими, словно щели, зрачками. Тварь нашла его взглядом и оскалилась. Таллеан подметил, что зубы у демона растут в три ряда. Ждать, пока вервольф вылезет целиком и будет готов сражаться, было глупо. Шагающий в тенях метнулся к врагу, ловко уклоняясь от заклинания. Телепортировался немного в сторону, уходя от размашистого удара лапой. Острые когти высекли искры из каменного пола. Брызнула кровь. Черная. Фетранийская. Покатилась по мраморным плитам отсеченная демоническая голова.

Таллеан развернулся к человеку, даже не удосужившись бросить взгляд на поверженного врага. Рядом с ним остановился Кириаз. Можно было не оборачиваться, чтобы понять — живых жрецов за его спиной уже не осталось. А человек перед ними видел, что стало с его последователями, и прекрасно понимал, что будет дальше.

— Вы... Вы не посмеете! Я — Термер Третий, архиепископ шеакрийский. Это будет считаться объявлением войны между Шеакрией и Рохэнделем! — мужчина отступал спиной вперёд, разумно опасаясь поворачиваться спиной к убийцам. — Я — наместник Руфеона в Акрасии! Я несущего его волю народу!

Одно быстрое движение. Взмах клинка. Крики архиепископа потонули в потоке крови, брызнувшем из рассеченного горла. Таллеан ещё раз взмахнул рукой, стряхивая алые капли с оружия на белые плиты. Из боковых переходов один за другим появлялись шагающие в тенях, закончившие зачистку остальной части храма.

— Ну надо же, до чего докатилось человечество... Это что, фетранийский вервольф? —

Вазар, остановившись рядом с тушей поверженного демона, толкнув лапу носком сапога.

— Да, — шагающий в тених подошел к голове демона, приподнимая вверх губу и оценивая клыки. Выбрал тот, что был самым крупным, и одним точным движением рассек десну, помогая себе вырвать боевой трофеей.

Его подчиненные молча переглянулись между собой. Новое увлечение своего капитана они не понимали, но спорить никто не станет. К тому же клык демона станет лишним подтверждением его слов, когда придёт время доложить Азене о результатах их миссии. Если люди дошли до того, что объединились с фетранийцами, то войны избежать не получится...

— Эта история не несёт в себе ни капли правды! Сплошные домыслы и клевета! — Аман негодуяюще расхаживал по комнате.

— Мне её рассказал непосредственный участник тех событий, — Анью пожала плечами.

— Такого не могло быть! Служители Руфеона никогда не опустятся до того, чтобы заключать союз с Фетранией. Я не потерплю подобного в отношении своего Ордена!

Силлиан помешивал пряное вино в котелке, делая вид, что его вообще нет в комнате. Лезть в религиозные препирательства этой парочки он не собирался. И уж тем более не собирался принимать чью-либо сторону в этом конфликте. Споры Амана и Аньюриэль на тему религии и ценности жизни каждого существа в мире не прекращались столько, сколько Силлиан знал этих двоих. И, что наиболее вероятно, с самого момента знакомства жреца и колдуньи.

— Ты хочешь сказать мне, что за всю историю Акрасии ни один жрец не отрекся от этого твоего учения и не повернулся к Тьме? — Анью самодовольно улыбнулась, словно знала ответ на этот вопрос.

— Вы можете прекратить ругаться? Я хотел спокойно провести вечер с друзьями, а не слушать эти ни к чему не ведущие споры, — король всё же не выдержал и вмешался.

— Ладно, — чародейка снова растянулась на шкуре урса перед камином, покачивая в воздухе босыми ногами. — Мне не принципиально. В отличие от этого глупого святоши.

Аман хотел было что-то ответить, но, встретившись с Силлианом взглядом, решил промолчать. Так было всегда. Анью предпочитала оставлять последнее слово в их спорах за собой. Каждое слово, сказанное жрецом в последствии, становилось началом нового спора.

Силлиан разлил вино по чашкам, протягивая одну Аньюриэль. Девушка принялась к напитку, попробовала немного и довольно зажмурилась, улыбаясь.

— Ответственность за последствия полностью на тебе, — не глядя на них проворчал Аман.

— Весь алкоголь уже выпарился. Это не опьянит даже младенца. Может отложишь в сторону свои бумажки и присоединишься к нам? — король недовольно косился на листы в руках друга. — Я думал сыграть с тобой партию в асар.

Жрец удобно устроился в кресле, вытянул вперёд ноги и принялся за чтение каких-то рукописей, принесенных им из храма Кадана.

— Ты просил не сидеть сегодня в архиве и библиотеке. Но разговора о том, что мне нельзя читать, не было, — Аман улыбнулся, довольный собственной находчивостью.

Силлиан собирался было ответить, но в этот момент рукописи в руках жреца вспыхнули синим пламенем.

— Аньюриэль! — мужчина яростно перевел взгляд на чародейку. — Немедленно прекрати это!

— Нет, — она лукаво улыбнулась в ответ, жмурясь, словно добравшаяся до сливок кошка.

— Поиски Ковчега — задача первостепенной важности! Ты хоть знаешь, что это? — жрец потряс в воздухе полыхающими бумагами.

— И что? — судя по интонации, колдунье было глубоко плевать на содержание бумаг.

— Это письма эсдо Сиен Лютерану. Там может быть информация о том, куда она спрятала свою часть Ковчега. А ты их сжигаешь!

— И что изменится, если ты прочтёшь их завтра? — Анью приподняла вверх одну бровь.

Аман сурово смотрел на чародейку. Та спокойно смотрела в ответ. Воздух между двумя магами разве что не искрил. Король грустно вздохнул. Ожидания приятного вечера в компании лучших друзей разбились о реальность, где эти самые друзья не могут находиться в одном помещении не поругавшись. Иногда Силлиан задумывался о том, есть ли что-то, что держит их вместе, помимо общей цели путешествия? Уж слишком эти двое разные. Спокойный, рассудительный Аман и взбалмошная, неугомная Аньюриэль... Боги знатно посмеялись, сведя вместе их пути.

Жрец, нахмурившись, отложил бумаги на стоящий рядом стол. Синее пламя тут же потухло. Записи остались невредимы, словно не полыхали буквально несколько мгновений назад. Магическое пламя не чета обычному, это король уже успел уяснить.

Повисло напряженное молчание.

— Может всё же партию в асар? — попытался разбавить тишину Силлиан.

— Я пас. Жрецам не дозволено играть в азартные игры.

Анью прикрыла улыбку за бокалом. Жрецам много что было запрещено, однако это не мешало Аману участвовать в игре в качестве советника.

— Лучше расскажи какую-нибудь историю. Люди ведь так проводят этот праздник, рассказывая друг-другу что-то, — чародейка пристально посмотрела на жреца.

Аман задумчиво смотрел себе под ноги, словно размышляя, о чём таком жутком и мистическом он может рассказать.

— По правде говоря, жрецы-отступники встречались в истории Ордена прежде, — мужчина перевел взгляд на угли в камине. — Тогда его звали Родрик Благодетельный. Его репутация целителя была известна во всём Артемисе и за его пределами. Великий лекарь, что с легкостью исцелял даже тех, кто казался безнадежным, глава Ордена Первозданного Света. Уважаем и почитаем всеми. Казалось бы, к чему ещё можно стремиться...

Его репутация целителя была известна во всём Артемисе и за его пределами. Великий лекарь, что с легкостью исцелял даже тех, кто казался безнадежным, глава Ордена Первозданного Света. Уважаем и почитаем всеми. Казалось бы, к чему ещё можно стремиться. Но извечный ход мироздания неминуемо двигался, повинувшись колесу времени. За весной приходило лето, за ним осень, а за ней...

«Смерть — естественная часть жизни»: так говорилось в Священных Писаниях Ордена Родрик повторял это из раза в раз, читая проповеди перед жрецами, послушниками, горожанами. Успокаивал стариков, страшущихся ухода из жизни, и тех, кто переживал утрату близких. Весна, лето, осень... Годы начинали брать своё и он задумался о том, а что ждёт его после жизни. Ведь рано или поздно, но дар начнёт слабеть, а за этим неминуемо последует старение тела.

Можно было, как и многие другие жрецы, успокаивать себя тем, что то добро, которое они принесли в этот мир, будет жить вечно. Но Родрик, как никто другой знал, что человеческая память так же быстротечна, как горная река. В его распоряжении были все архивы Ордена. Там же были и описания каких-либо значимых деяний жрецов. Многие страницы выцвели, имена стёрлись, да никто уже и не вспоминает о тех событиях. Все те добрые дела канули в забвение. Так случится и с памятью о нём, после того, как душа покинет тело и отправится в Звёздные Чертоги. Ничто не вечно. Его забудут, словно никогда и не было тех поступков, что он сотворил. Весна, лето, осень...

Годы неумолимо бежали вперёд, доводя Верховного жреца до грани отчаяния. Бестолковые молодые послушники никак не могли заучить историю Ордена, вечно путаясь в именах и датах. Всё было бесполезно. Всё, что он сделал, всё, чего он добился, исчезнет вместе с ним из этого мира.

— Ваше Святейшество, — перед ним стоял Кадмар, один из старших жрецов. — Вам пора бы уже подумать о выборе преемника...

Эти слова, словно ножом, резанули по сердцу. Родрик приложил все силы, чтобы выражение лица осталось невозмутимым, а голос не дрогнул.

— Разве я плохо справляюсь со своими обязанностями?

— Ни в коем случае, — собеседник смутился.

— Или мой дар ослабел?

— Нет, — Кадмар пристыженно смотрел себе под ноги.

— Так в чём дело? — Родрик надменно смотрел на жреца, зная, что попрекнуть его не в чем. С обязанностями Верховного жреца он справлялся многократно лучше своих предшественников.

— Дело в том, что... — мужчина перед ним мямлил, словно пойманный за шалостью послушник. — Понимаете... Ваш возраст... Вы прилагаете все силы служению Ордену уже много лет. Разве вы не хотите уступить эти хлопоты другому? Чтобы немного отдохнуть...

— ЧТО?! — волна магической силы смела бумаги со стола и выбила окно за его спиной. — Так дело в том, что нашелся кто-то, кто считает себя достойнее меня! Ты что ли?

— Нет, ни в коем случае, — жрец испуганно попятился от него.

— Тогда кто?

Кадмар испуганно отвёл глаза в сторону, стараясь не встречаться с Родриком взглядом. Было очевидно, что такие разговоры велись за его спиной.

— Передай тем, кто пал настолько, что уподобился базарным сплетницам: я выберу преемника тогда, когда увижу достойного. А теперь прочь с глаз моих!

Мужчина выбежал из кабинета, словно камень, вылетевший из пращи. Родрик тяжело дышал, стараясь унять бурю в душе. Он ещё не стар, магия в его теле по-прежнему сильна, он идеально справляется со своими обязательствами, Орден под его руководством достиг небывалых высот, но они всё равно списали его со счетов. Жгучая обида вместе с отчаянным страхом затопили сердце Верховного жреца. Весна, лето, осень...

Родрик искал. Неистово искал средство от забвения. Отказывался от сна, а порой и от еды, потому что чувствовал: времени с каждым днём становится всё меньше. Его дар начал слабеть. Пока ещё неприметно для остальных, но магия покидала его тело капля за каплей, словно вино из прохудившегося бурдюка. Скоро начнёт слабеть и тело, а потом смерть и пустота. Всё, что он сделал при жизни, будет обесценено.

Но что, если он не умрёт? Эта мысль посетила его одной безлунной ночью, когда он в очередной раз перебирал записи в архивах в надежде, что упустил нечто важное в прошлые разы. Невероятная, ужасающая своей простотой идея впиалась в разум, словно изголодавшийся хищник в плоть жертвы. Это ведь так просто! Ответ всё это время лежал на поверхности. Если смерть обесценивает всё, что было при жизни, то он просто исключит смерть.

У него появилась четкая цель. Магия, дарованная ему Руфеоном, всё ещё была намного сильнее, чем у любого жреца. Так же, как и доступ ко всем знаниям Ордена. Главным противником по-прежнему было время. О, время... Время неизменно бежало вперёд. Прежде оно было верным союзником, но нынче стало неумолимым врагом. Время не щадило. Как и смерть. Весна, лето, осень...

Изыскания Родрика лишь в самом начале ограничивались светлой магией. Чем явственнее становилось его магическое угасание, тем дальше он углублялся в дебри темной магии, ища лекарство от смерти. В катакомбах под Собором Первозданного Света он оборудовал свою лабораторию, где проводил магические опыты и эксперименты. Тайные ходы и убежища, построенные после Второго Вторжения с той целью, чтобы люди могли спастись в случае нового нападения демонов, стали оплотом ужаса и страданий. Был лишь один способ убедиться в том, насколько эффективны его эксперименты — испытание ритуалов на других людях...

Вначале он заманивал в подвалы редких бродяг, искавших ночлега в соборе. Потом стали пропадать по ночам пьяницы, путешественники, послушники, отказавшиеся принимать обет и выбравшие мирскую жизнь... А потом и добропорядочные горожане, в одиночестве шедшие по ночным улицам Леонхольда. Люди боялись выходить с наступлением темноты на улицы. Всюду шептались о том, что в городе появился убийца.

Верховный жрец ходил мрачнее тучи. Говорили, что он опечален тем, что творится вокруг. Едва ли не каждую ночь он в одиночку отправлялся патрулировать улицы. Говорили, что он ищет убийцу. А после ночного бдения он запирался в подземелье, приказывая никому его не беспокоить. Говорили, что он молится Руфеону, прося о сострадании к безвременно погибшим и наказании для того, кто принес столько горя и зла в этот мир.

Чем больше людей исчезало, тем угрюмее становился Родрик. Вот только не исчезновения людей беспокоили жреца. Сколько бы он не проводил разнообразных ритуалов, эффект был один — все испытуемые умерли. Что же он делал не так? Что упустил из виду? Весна, лето, осень...

Ошибки совершают все. И Родрик не стал исключением. Мальчишка, сбежавший от него ночью, навёл стражу на Верховного жреца. Двери в его оплот были сломаны, страшная тайна стала достоянием чужих глаз. Люди с ужасом взирали на изувеченные тела, вдыхали въевшийся в камни запах разложения. А Родрик тем временем, прихватив самые важные записи, бежал по каменному коридору, преследуемый гвардейцами. До чего же они глупы и слепы! Они не могут осознать всё величие его замысла. Разумеется, найдя рецепт бессмертия, он разделит его с достойнейшими из людей, чьи деяния не должны исчезнуть в

водовороте времени. Все эти жертвы — лишь необходимая плата на пути к бессмертию. Но слушать его никто не желал...

Тайный проход открывался в башне, где держали голубей. Родрик как можно тише отодвинул каменную плиту, осматриваясь по сторонам. В помещении никого не было, лишь тихонько курлыкали белоснежные голуби, разбуженные неожиданным вторжением. Жрец крался, прислушиваясь к звукам снаружи башни. Осталась такая малость: тихо открыть дверь и выскользнуть через калитку, ведущую в сады. Его никто не поймает и он сможет спокойно закончить свои исследования. Он докажет им, что был прав. Они ещё будут ползать у него в ногах, моля поделиться секретом бессмертия!

Он тихо, маленькими шажками, продвигался к двери. Над головой что-то скрипнуло и спину обожгло резкой болью. Жрец охнул от неожиданности и едва сдержал крик боли. Сейчас не было времени на такие мелкие помехи. Родрик открыл дверь и, пошатываясь, двинулся к калитке. Расстояние, которое он прежде преодолевал за считанные мгновения, теперь потребовало от него значительных усилий. Калитка, тихонько скрипнув проржавевшими петлями, открылась, пропуская опального жреца в сады. Где-то за его спиной бегали люди, подсвечивая себе факелами. Кричали гвардейцы, но Родрик уже растворился в ночи, унося записи о своих чудовищных исследованиях.

Весна, лето, осень... Он по-прежнему скрывается от людей, найдя убежище в одной из горных пещер Пограничья. Его исследования ни к чему пока не привели. Чего же не хватает? Ещё один человек умер. Ритуал не принёс результата, но нужно продолжать. Родрик с тяжким вздохом оттаскивает изуродованное тело из пещеры. До чего же болит спина. То, на что он сразу не обратил внимание, оказалось одной из клеток для голубей, висящих под потолком башни. Непонятно, по какой причине там оказалась клеть без дна и почему она упала на него. Металлические прутья пронзили кожу и словно срослись с костями. Бывший жрец никак не смог снять с себя эту конструкцию, причиняющую боль при каждом движении. Словно божья кара обрушилась на него...

Родрика продолжали искать гвардейцы, изредка почесывая горные перевалы, да и весь Артемис. Приходилось осторожничать. Но вряд ли кто-либо признал бы Верховного жреца в горбатом старике. Кто бы мог подумать, что Родрик Благочестивый облачится в лохмотья и будет сидеть у обочины дороги с протянутой рукой? Ему всё сложнее было находить и заманивать людей для своих ритуалов. Сил справиться с ними тоже уже не было, приходилось прибегать к дурманящим травам, а потом долгие часы тащить бессознательные тела к себе в пещеру. В тех местах, где кожу проткнули металлические прутья, вздулись гнойные язвы. Боль согнула Родрика пополам. Теперь при ходьбе приходилось опираться на посох. Магический дар практически полностью покинул его. Тело дряхлело день ото дня, неумолимо приближая конец. Если воспаление не доконает его, то это сделают подступающие холода и пронизывающий до самых костей ветер, заносащий в его пещеру сухие листья.

Весна, лето, осень... Он открыл глаза, удивляясь тому, что впервые за последние несколько месяцев он видит отчетливо. Рука привычно нашарила рядом с лежанкой посох. Мышцы словно одеревенели, пришлось приложить усилие, чтобы подняться. Родрик с трудом принял вертикальное положение, неожиданно для себя отметив, что ничего не болит. Он потянулся к спине, ощупывая клетку, которая, к его огромному сожалению, по-прежнему была на своем месте. Скорее по привычке, чем надеясь на результат, подергал за прутья. Металлическая конструкция упорно отказывалась покидать его спину. В этот

момент он, наверное, должен был печально вздохнуть, но внезапно обратил внимание, что совсем не дышит.

Родрик растерянно ощупывал кожу, ставшую по цвету какой-то сероватой. Он не только не дышал. В его груди перестало биться сердце. По всем признакам его тело было мертво, но душа не покинула плоть, а разум продолжал осознавать всю ужасающую реальность того, что произошло.

Неужели получилось? Он не знал, стоит ли ему испугаться или наоборот возликовать своему неожиданному успеху.

Несмотря на все сложности, несмотря на то, что его с позором изгнали из Ордена, несмотря на ужасные условия бродячей жизни и боль, терзавшую тело последние несколько месяцев, Родрик добился успеха, осуществив свою цель. Смерть, хоть и коснулась его плоти, не смогла отделить душу от тела. Бывший жрец усилием воли совершил вдох, набирая в легкие воздух, и хрипло рассмеялся.

Вот только радость эта была недолгой. Уже на третий день кожа из бледной сделалась мраморной серо-голубой. Появились бордовые пятна, какие он часто видел у покойников. День ото дня кожа становилась всё темнее, пока не стала иссиня-черной. Плоть вздувалась, словно у утопленника, огромными пузырями, которые лопались, разбрызгивая вокруг грязно-бурый гной. Родрик, застрявший на грани между жизнью и смертью, вынужден был наблюдать, как гниет и разлагается его собственное тело. Неспособный чувствовать боль, но на удивление ясно осознающий происходящее... Днём он метался по своей пещере, incapable выйти под солнечные лучи, перед которыми испытывал безотчетный страх, а ночью выходил к дороге, завывая и бормоча проклятия, пытаясь найти хоть кого-то, кто сможет помочь. Но люди лишь сбегали в ужасе, завидев его.

В отчаянье Родрик царапал собственную плоть ногтями, рвал на себе волосы, будучи не в силах ничего поделать. Попеременно он то молил Руфеона о прощении, то осыпал Владыку Света самыми гнусными словами и проклятиями, которые только знал. Мечтавший о бессмертии, сейчас он желал лишь смерти.

В его прогнившей плоти копошились личинки, вокруг кружили трупные мухи, откладывая в него всё новые и новые яйца. Почерневшая кожа свисала лоскутами. Из него всё ещё сочилась какая-то гнилостная слизь. Родрик забился в самую глубину своей пещеры. Его глаза сгнили, но каким-то невероятным способом он всё ещё мог видеть то, что происходило с его плотью. Ужас и отчаянье точили его рассудок. Не может жить, не может умереть, не может даже на краткий миг забыться и отдохнуть от того кошмара, что с ним происходит... Ненависть стянулась тугим клубком там, где прежде было сердце человека. Почему он никак не умрёт? За что на него обрушились эти нечеловеческие страдания? Ведь всё, чего он желал — избежать забвения.

На входе в пещеру раздались приглушенные голоса. По стенам побежали отсветы факелов. Кто-то тихо переговаривался, бредя по запутанному лабиринту ходов. Родрик бы не обратил на это внимания, если бы среди слов чужаков не услышал собственное имя. Он медленно поднялся, привычно опираясь на свой посох. Часть личинок осыпалась на каменный пол пещеры, но ему не было до них никакого дела. Живой мертвец медленно двинулся на звук голосов.

Перед ним в ужасе замерли несколько мужчин, на одежде которых он заметил символы принадлежности к Ордену Первозданного Света. Странствующие жрецы. Мужчины схватились за магические жезлы. Один из них кинул в Родрика сферой света. Заклинание

неприятно обожгло, но особого вреда не причинило. Костлявая рука сомкнулась на голове молодого наглеца, легко раздавив череп, словно перезревший помидор. На стены брызнули кровавые капли и ошметки мозга.

— Ты хоть знаешь, кто я? — прохрипел мертвец, повернувшись ко второму мужчине.

— Родрик Окаянный! Позор Ордена! Я покараю тебя за твои злодеяния! — жрец начал плести заклинание изгнания нежити.

Мертвец резко взмахнул рукой, откидывая волной силы зарвавшегося юнца и не давая ему завершить заклинание. Несколько шагов в сторону жертвы и пещера наполнилась отчаянными воплями умирающего человека.

С наступлением ночи Родрик покинул свою пещеру, переставшую быть безопасной. В его прогнившей плоти поселилось яростное презрение к людям и жрецам Ордена, который прежде был смыслом его жизни. Он приложил столько сил, столько сделал для них, но всё это было обесценено. Они забыли всё добро, что он сотворил. Всё, что он сделал хорошего, обесценилось. Если они помнят лишь зло, значит это единственный способ обрести истинное бессмертие. Пока он жив, пусть и таким чудовищным способом, они не смогут его забыть. Уж он-то постарается. Весна, лето, осень... Зима.

Той ночью лил дождь. Низкие тучи затянули небо. То и дело сверкали молнии и гремел гром. Мужчина, закутанный в серый дорожный плащ, торопливо двигался по дороге, прихрамывая на правую ногу. В одной руке он держал длинный посох, на который едва заметно опирался при ходьбе. Во второй был крупный свёрток, который он бережно прижимал к груди. Свёрток был слишком громоздким и постоянно норовил упасть, но путник упрямо продолжал свой путь, игнорируя неудобство.

Впереди уже показался тускло светящийся прямоугольник окна. Сверкнула молния, на краткий миг осветив плетёную ограду, поля пшеницы, пару плодовых деревьев и небольшой домик впереди. Пророкотал гром и в свёртке что-то едва заметно зашевелилось. Мужчина ускорил шаг, стремясь поскорее дойти до жилища. Полы промокшего до последней нитки плаща липли к ногам, мешая идти.

Заскрипели под ногами доски крыльца. Сторожевой пёс, которого сердобольные хозяева пустили в дом из-за непогоды, зашелся истерическим лаем. Мужчина шумно выдохнул — реакция собак всегда была одной и той же... Гость постучал набалдашником посоха о дверной косяк.

Внутри раздались голоса, скорее удивленные, чем испуганные. А следом за ними донеслось размеренное постукивание. Скрипнул засов и дверь приоткрылась на длину цепочки. Мужчина хмуро окинул нежданного визитера взглядом и тут же добродушно улыбнулся.

— Лорд десница! Вот это неожиданно. Чем обязаны визиту столь титулованной особы?

— Не паясничай, — путник улыбнулся в ответ. — Я промок до нитки. Впустишь?

— Ага.

Дверь закрылась. Громогласный мужской окрик угомонил пса и на несколько мгновений повисло молчание, разбиваемое лишь шумом дождя да отдаленными раскатами грома. Звякнула цепочка и хозяин радушно впустил гостя, отходя немного в сторону. Мужчина шагнул внутрь, осматривая помещение. С его последнего визита мало что

изменилось. Невысокий потолок, с которого свисали вязанки ароматных трав, каменная печь в углу, дубовый стол, рассчитанный на большую семью. В глубине комнаты хмурилась хозяйка дома, одной рукой поглаживая характерно округлившийся живот, а второй удерживая за поводок недовольно порывающегося пса.

— Скоро смогу поздравить тебя с пополнением, Давид? — он опер посох к стене и повесил промокший плащ на крюк.

— Целители говорят, мальчик. Подспорье в хозяйстве лишним не будет, — Давид махнул рукой к столу и сам прошел вперёд. — Так что случилось, что ты явился ко мне посреди ночи, да ещё и в такую преотвратную погоду?

Каждый второй шаг хозяина дома гулким эхом отдавался от стен — вместо правой ноги у мужчины был деревянный протез. Несмотря на увечье, передвигался он достаточно быстро и практически не хромал. Черты лица его едва тронули первые морщины, горделивую осанку бывшего воина не смогли скрыть ни годы мирной жизни, ни просторная льняная рубаха. Давид был всё ещё молод, ему было немногим больше тридцати, но волосы его, сплошь седые, служили напоминанием о пережитых кошмарах Второго Вторжения.

— Ступай, родная. Мы с Рунартом посидим немного. А тебе нужно хорошо выспаться, — Давид ласково улыбнулся жене.

Женщина поджала губы, но спорить не стала. Следом за ней ушел и пёс, продолжая недовольно ворчать, оборачиваясь на гостя.

— И чего он тебя так невзлюбил? — хозяин дома взял с полки пару глиняных кружек, налил в них квас и поставил на стол. Следом легли несколько ломтей тминного хлеба и сыр.

— Я к тебе не с пустыми руками, — Рунарт проигнорировал вопрос и положил на край стола свою ношу. — Смастерил на досуге. Пока малец твой подрастёт — будет тебе помощник по хозяйству.

Десница развернул ткань, демонстрируя своё творение. На столе сидела деревянная кукла, размером с десятилетнего ребёнка. Округлая голова, на которой лишь намёками были заложены очертания лица, длинные руки и ноги на шарнирах были сложены под невозможными для человека углами.

— Ты принёс игрушку? — Давид усмехнулся. — Отдам Агнессе. Ей понравится, как раз куклу просила с фестиваля ей привезти.

Кукла неожиданно наклонила голову на бок, затем резко выкинула руку в сторону, хватая подвижными пальцами ломоть хлеба и кидая его в стену.

— Он ещё осваивается со своими возможностями, — Рунарт щёлкнул пальцами, магией возвращая хлеб на стол. — Возможны некоторые сложности, пока он адаптируется...

— Дела... — мужчина сел на стул, во все глаза смотря за тем, как шевелится то, что по всем признакам не может быть живым. — Рунарт, мы с детства знакомы, выросли в одной деревне, прошли вместе эту трижды проклятую всеми богами войну с демонами... И, видят Боги, ты постоянно что-то мастерил и магичил. Но это... Это выше моего понимания. Чтс оно такое?

— Просто результат эксперимента. Успешный, — уточнил маг, заметив скептическое выражение на лице друга. — Сделать-то сделал, да мне он не нужен. Подумал, что тебе помощь по хозяйству не помешает, вот и принёс. Ладно, пойду я. Завтра Малый совет рассматривает проект дамбы в Серебряных ключах, а у меня ещё чертеж не доработан. Не хватало ещё выслушивать как плюется сарказмом эта надменная эльфийка.

— Всё ещё ругаетесь с лэри Энвисой? Столько лет прошло, а вы по-прежнему как кошка

с собакой, — Давид рассмеялся.

— Годы прибавили ей ехидства, но не разума, — с чувством собственного достоинства заявил Рунарт, поднимаясь из-за стола.

Пока он накидывал на плечи плащ, кукла с гулким звуком упала на пол и, хаотично шевеля непропорционально длинными конечностями, пыталась ползти к создателю. Маг равнодушно глянул на своё творение, хлопнул друга по плечу напоследок и вышел за дверь. На несколько секунд в уютную обстановку ворвался шум грозы, но закрывшаяся дверь вернула покой в дом. Лишь кукла, безвольно распластавшаяся на полу, и натекая с плаща лужа напоминали о неожиданном визите.

— Ну и что мне с тобой делать? — Давид растерянно посмотрел на игрушку, совершенно не понимая, как это должно помогать ему по хозяйству.

Как Давид и предполагал, помощник из куклы не получился. Тонкие и непропорционально длинные ноги не могли удержать вес туловища и несчастное создание с грохотом и звоном неизменно падало на пол. Что звенит в груди Рунартова творения мужчина решил не проверять. Другу и, по совместительству, боевому товарищу он доверял. Это сейчас, в мирное время, их пути разошлись. Но ещё пятнадцать лет назад они были мальчишками, схватившими в руки оружие и отправившимся сражаться с демонами. Не раз и не два они спасали друг друга. Рунарт, будучи могущественным магом и непревзойденным стратегом, стал близким другом и советником эсдо Лютерана. Давид был командующим отрядом паладинов. Чудовищные по своей жестокости сражения, ночи, проведенные за спорами и совещаниями о военной тактике, отчаянное сражение с Казеросом и его армией на равнине, что именуется ныне Выжженная пустошь. Всё это они прошли бок о бок. Наверное, такая же выжженная огнем Хеллгаии пустота осталась и в его душе после той войны...

Возвращаться было некуда. От их родного городка осталось только пепелище. Давид предавался пьянству в дешевых трактирах, стремясь наполнить ту пугающую бездну внутри себя, когда его нашел Рунарт и силой приволок в Солнечные холмы. «Это теперь твоя земля», — сказал ему тогда товарищ, ставший уже десницей Лютерана Первого. С тех пор жизнь пошла в гору. Он построил большой дом, женился, у него подрастала дочь и скоро должен был родиться сын...

— Я назову тебя Кукел!

Радостный голосок Агнессы отвлек мужчину от размышлений о событиях давно минувших.

— Почему Кукел? — Давид изумлённо смотрел как дочь пытается натянуть на сопротивляющуюся игрушку какие-то тряпки, отдаленно напоминающие одежду.

— Ну так он же мальчик, — авторитетно заявила Агнесса. — Кукел, ну чего ты как пугало руками машешь?

Идея Давиду понравилась и бесполезный в хозяйстве Кукел был закреплён в поле на шесте. Агнесса нарисовала ему улыбающееся лицо и даже выпросила у соседей соломенную шляпу.

Что от него требуется Кукел понял достаточно быстро. Маленькая девочка была к нему очень добра. Она рассказывала ему разные истории, пела незатейливые песенки и украшала его разноцветными лентами. Девочка закрепила рядом с ним корзину, в которую постоянно

приносила собранные у реки камушки, и теперь Кукел мог не только махать руками на прожорливых птиц, но и весьма метко кидать в них камнями. Вместе они плели венки и любовались закатами или цветением яблонь, что росли возле дома. А по ночам он в компании пса наблюдал, чтобы ночной сон семьи никто не тревожил. Кукел не знал, откуда в его сознании появилось это слово, но он чётко знал, что эти люди теперь его семья, и миссия, что ему доверили — очень важная. Он защищает урожай.

В тишине и спокойствии шло время. Но ничто не вечно. Цветочные венки на голове Агнессы сменил веночек из кленовых листьев. Девочка теперь уходила по утрам в какое-то место, которое называла школой, а потом она подолгу рассказывала Кукелу про эту самую школу, которую открыл для детей фермеров добрый дядя-волшебник. Тот самый, который вместе с папой убивал демонов.

Тучи сгустились над Солнечными холмами, словно предвестники беды. Всё чаще приходили другие фермеры, подолгу о чём-то разговаривая с отцом Агнессы. Кукел всматривался в их хмурые лица и понимал, происходит что-то плохое.

Той ночью снова лил дождь. Почти так же сильно как тогда, когда Кукел впервые обнаружил себя и осознал, что живой. Тогда он радовался, что может двигать этим телом, видеть и слышать то, что происходит вокруг. Тогда казалось, что этого ему достаточно. Но сейчас он осознал, насколько ущербное существование влачит. Он бы отдал всё, что у него есть, всё, что может, и самого себя только за одну возможность закричать. Предупредить. Но всё, что мог Кукел — бесполезно болтать в воздухе своими длинными руками и ногами, пытаясь слезть со своего места.

Те, кто пришли под покровом ночи, не были друзьями его семьи, прежде они не появлялись возле дома. Кукел никогда не видел оружие, но почему-то знал, что это и для чего. Ночь наполнилась звуками битвы, рычанием пса и криками. Хозяин дома бился отчаянно, несмотря на численный перевес противников. А он смотрел... Смотрел на всё это и ничего не мог поделать. Не мог помочь. Не мог защитить свою семью. Но он запомнил лица тех, кто лишь по какой-то нелепой причине выглядел как люди. И глядя на полыхающий дом, пожирающий всё, что было у него ценного, Кукел решил, что найдет и уничтожит тех, кто убил его семью.

Злость и отчаянное желание мести придали ему сил и Кукел смог наконец-то снять себя с распорки, на которой висел всё это время. Потребовались усилия, чтобы доползти до сарая и открыть дверь.

Он никогда не задавался вопросом, откуда в его голове взялись нужные знания, чтобы смастерить себе новые руки и ноги. Сильнее и удобнее тех, что были прежде. Теперь Кукел мог твердо стоять и быстро двигаться. Коса стала его оружием, а тыква с вырезанным оскалом закрыла нарисованное лицо. Потекшее от дождя, оно стало свидетельством вечного горя своего хозяина. Он ходил и искал тех людей в полях каждую ночь. Случайно встреченные фермеры дали ему новое имя — Тыкверт.

Долгие годы бродил Тыкверт по Солнечным полям, словно не замечая, как один сезон сменяет другой. Годы складывались в десятилетия, а те, в свою очередь, в столетия. Неисполненная месть терзала разум Тыкверта и со временем в каждом встречном он начал видеть черты тех, кто когда-то лишил его семьи. Остро заточенная коса легко отделяла человеческие головы от тел, на краткий миг принося ему мрачное удовлетворение.

И по сей день можно услышать истории редких смельчаков, что не побоялись отправиться в Солнечные поля ночью. Хотя далеко не все из них смогли вернуться...

— И зачем ты ей вообще это рассказал? — недовольно ворчал Аман.

— Кто ж знал, что дело примет такой оборот... — Силлиан виновато улыбнулся.

— Поторопитесь, пока я молода! — Анью стояла на вершине холма и махала им руками.

— Зачем ты напоил её? — в который раз задал вопрос жрец и с каждым разом претензии в его голосе становилось всё больше и больше.

Король лишь грустно вздохнул в ответ. Кто мог знать, что этой колдунье взбредёт в голову тут же отправиться на поиски Тыкверта? Ведь ни одному нормальному человеку в здравом уме не захочется рисковать жизнью просто для того, чтобы посмотреть на страшилище из старой сказки. Но Аньюриэль не была человеком. И нормальной её назвать было сложно. А если верить Аману, то и в своём уме эта взбалмошная чародейка бывала крайне редко...

— Там алкоголя-то капля была. Я же нормально себя чувствую, — попытался оправдаться Силлиан. — И к тому же она и на трезвую голову вполне может выкинуть что-то в этом роде...

— И поэтому я ещё раз спрашиваю тебя, зачем ты вообще рассказал ей эту байку о Тыкверте?

— Нууу... Первое, что на ум пришло. Ещё поговаривают, что в крипте под храмом Кадана призрак демона обитает, но это, на мой взгляд, совсем уж неправдоподобно. Все знают, что демоны — твари бездушные.

Он резко одернул себя, искоса глянув на друга. По лицу Амана невозможно было прочесть, задело ли его подобное высказывание. Всё же король слишком часто забывал, что в одеяние жреца Пресветлого Руфеона облачён не совсем человек. Назвать Амана демоном не поворачивался язык... Жрец никак не отреагировал на слова и Силлиан решил, что ничего страшного не случилось.

Тихо шелестел ветер, покачивая ветви редких деревьев, растущих у обочины. В сравнении с Лютераном здесь было необычайно тихо. Россыпь звёзд и узкий рожок убывающей луны украшали небосвод. Темноту рассеивала лишь небольшая сфера света — заклинание жреца.

— А мне завтра с утра надо на заседание Большого совета, — словно ни к кому конкретно не обращаясь, протянул Силлиан.

Не то чтобы его беспокоило грядущее мероприятие. Зевать молодой король на нём будет независимо от того, сколько проспит накануне. Просто хотелось разбавить непривычную тишину. Вечно шепутная Аньюриэль умчалась вперёд, обозвав их унылыми улитками. Девушку невозможно было удержать на одном месте, хотя Силлиан находил в её непоседливости определенную прелесть.

— А мне книги надо в библиотеку вернуть, — так же задумчиво проговорил Аман. — Ещё позавчера надо было... Я запомнил.

— Не знал, что ты способен на такой подлый поступок, — король рассмеялся, смотря на друга. — Общение с Аньюриэль скверно сказалось на твоём характере.

— Кстати, а где она? — жрец пропустил шутку мимо ушей и растерянно озирался по сторонам.

Они достигли вершины холма, с которого девушка махала им. Вот только чародейки там

не было. И нигде вокруг не наблюдалось никого похожего. Да и вообще никого не наблюдалось. Они остались вдвоем посреди холмов... В низине тянулся покрывалом туман, закрывая пустые поля своей молочной белизной. Тишина стала оглушительной. Не было ни пения сверчков, ни уханья сов. Даже ветер прекратил завывать в ветвях деревьев.

— Поверить не могу! Она опять! Ты понимаешь? Сколько раз я просил её не сбегать вот так?! — Аману словно не было дела ни до чего, кроме того факта, что чародейка куда-то пропала.

Жрец расхаживал из стороны в сторону, негодуя по поводу некоторых отдельно взятых волшебниц и выражая сомнения касательно наличия стыда, совести и здравого смысла у этой конкретно девушки и у всей расы силлинов в общем. Поглощённый своими эмоциями, он совсем не заметил, как от дерева неподалёку отделилась тень, бесшумно скользя в их сторону.

— Аман, — Силлиан попытался привлечь внимание друга.

— И она делает так постоянно! Даже моему терпению может прийти конец, — не унимался жрец, не замечая, что странная тень подбирается к ним всё ближе и конец может прийти не только терпению, но и жизни.

— Аман, сзади!

Погасла светящаяся сфера. Сверкнул металл в воздухе, отразив тусклый лунный свет. Король отработанным движением извлёк Шай'Солар из ножен, бросаясь в атаку. Ярко засветился купол светлой магии. Что-то вспыхнуло возле купола. Раздался треск ломающегося дерева. Коса высекла искры из защитного заклинания и со звоном упала на дорогу.

Силлиан замер, удивлённо смотря на то, как в тусклом свете магии Амана проступили контуры тыквы и деревянное тело, обвешанное какими-то выцветшими лохмотьями. Тыкворт оказался не просто байкой, которую любили пересказывать трактирные завсегдатаи. Он был настоящий, прямо перед ним! Не успел разум оценить, насколько опасно существо, как деревянные ноги того подогнулись. Безумное пугало рухнуло на дорогу, словно марионетка, у которой разом обрезали все нити. Там, где только что стоял Тыкворт, теперь была Аньюриэль, задумчиво изучающая что-то в своей руке. В полумраке ночи глаза девушки тускло светились зеленоватым светом.

— Анью! Где тебя демоны носили?! — жрец развеял защитное плетение, аккуратно переступил через пугало и остановился возле колдуньи. — Ты — балда! Ты зачем его рукой била? Ты маг или кто? У тебя посох за спиной для чего? Пьянь!

Силлиан тяжело вздохнул, убирая не пригодившийся Шай'Солар в ножны. Увы, но проявить свою воинскую доблесть он просто не успел.

— Ты откуда вообще взялась? — король смотрел, как Аман залечивает ссадины и царапины на руке девушки.

— Из Рохэнделя, — колдунья весело улыбнулась и протянула ему небольшой металлический прямоугольник, заляпанный кровью. — Похорони где-нибудь. У людей ведь так принято.

— А ещё у людей не принято бросать друзей, сбегая вперёд, — проворчал Аман.

— Я не сбегала! — она самодовольно вздернула носик. — Гедрюс называет такой приём «Ловля на живца». Надо признать, очень эффективный.

— Мы тебе не приманка! — жрец перешёл на новый виток негодования. — В каком месте это эффективно? Ты всю руку себе искалечила!

— Согласна. Моё упущение. Надо было догадаться, что Рунарт укрепит ядро...

— А что это вообще было? — Силлиан крутил в руках металлическую пластинку.

— Одушевленный голем.

— Там человеческая душа? — Аман перевел взгляд на пластину.

— Уже нет. Я его отпустила. И я не пьянь! Это был тактический ход, — чародейка недовольно надула щёчки.

— Пьянь, — не желал идти на уступки жрец.

— Может прекратите ругаться уже? — Силлиан скептически смотрел на друзей, понимая, что не прекратят.

— Он первый начал! Ты слышал, как он меня назвал?

— Назвал, значит так надо, — Аман положил ладонь девушке на макушку, пытаясь пригладить растрепавшиеся волосы.

Анью замерла, удивлённо распахнув глаза и словно боясь пошевелиться.

— Пора возвращаться во дворец. Рассвет уже скоро, — Аман ещё раз погладил девушку по голове. — И не убегай одна больше.

— Ладно.

Колдунья послушно пошла рядом с жрецом. Было непонятно, с чем именно она согласилась. Вряд ли со всем сразу, это уж точно не в её характере. Но в кое-то веке эти двое перестали ругаться. Может всё-таки есть что-то, помимо общей цели, что держит этих двоих вместе...

— Ты идёшь?

Анью обернулась. Рядом с ней замер Аман, внимательно смотря на друга, словно ожидая чего-то. Силлиан бросил последний взгляд на пластинку и убрал её в карман. Позже он придумает, где предать земле это последнее пристанище несчастной души.

— Да, иду, — он нагнал товарищей, идя по левую руку от колдуньи.

— Аман, а расскажи ещё какую-нибудь историю, — она подергала жреца за рукав.

— Хватит с тебя историй на сегодня.

— Если мы будем гоняться за всеми мистическими тварями, о которых ты услышишь, то бестиарий Лютерии будет бессовестно разорён, — Силлиан весело засмеялся, наблюдая как на лице девушки непонимание сменилось показным раздражением.

— Сегодня хватит, а завтра? — она снова повернулась к Аману.

— Нет. Давай в следующем году.

— Через год? — она задумалась о чём-то, покачивая ушками. — Ну, год — это быстро, так что ладно. Договорились. Но тогда история должна быть интересная, обещаешь?

— Обещаю, — Аман улыбнулся.

Впереди были далёкие огни Лютерана. Анью напевала какую-то песенку на своём родном языке. Силлиан улавливал отдельные знакомые слова, пытаясь понять смысл. Год — это всё-таки очень долго... Что их ждёт через год? Он не знал, да и не хотел загадывать. Сейчас они все вместе и можно насладиться этим кратким мгновением спокойного счастья. За их спинами небо тронули первые лучи нового дня. Ночь проклятых подошла к концу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net